

РАССКАЗЫ

НЕБОЖИТЕЛЬ

Перед выходом из дому Дмитрий Михайлович Торошин сказал своей жене Анне Романовне:

- Если Леночку оставят, сразу мне звони.
- Почему *если*? Маревич сказала: «Во вторник приходи окончательно».
- Ага, а в четверг было не *окончательно*?

Леночкой звали дочь Дмитрия Михайловича и Анны Романовны, а Маревич была акушером-гинекологом из славного Московского института, соответственно, акушерства и гинекологии.

Торошины считали, что им чрезвычайно повезло, что именно к Людмиле Викторовне Маревич удалось попасть Леночке, чей срок беременности подходил к концу. Впрочем, удачей, сиречь случайным совпадением положительных факторов, это можно было назвать с некоторой натяжкой или, по крайней мере, оговорив, что она была результатом определенных усилий: сперва выяснить, кто считается лучшим врачом, а потом попасть к ней на прием и обаять настолько, чтобы она согласилась принять Леночку под свое крыло. Все это блестяще удалось Анне Романовне. Дмитрий же Михайлович в *обаивании* непосредственного участия не принимал: пока Леночка с мамой были в кабинете врача, он сидел в коридоре и трепеливо ждал результата. (Что это? Опечатка: *трепеливо* вместо *терпеливо*! Не претендуя на авторство неологизма, будем скромно считать ее опечаткой по Фрейду. Как говорили в те поры молодые и молодящиеся, Зигмунд жжот.)

Вот уже месяца полтора Леночка — то с мужем Вадиком, то с матерью, то, когда у Дмитрия Михайловича выдавался так называемый библиотечный день, с обоими родителями — посещала Людмилу Викторовну со все сокращающимися разрывами между визитами: сперва — раз в две недели, потом еженедельно, а в последнее время — и еще чаще: как можно понять из приведенного выше диалога, последняя «увольнительная» (как называл эти перерывы будущий дед) длилась с четверга до вторника.

Уже две недели Леночка являлась со всем необходимым в роддоме имуществом: халатиком, зубной щеткой и далее по списку, который понятен даже мужчине, потому что так собираются в любую больницу. Ну плюс еще прокладки какие-то, чулки специальные... В общем, все, что было перечислено на сайте института. И каждый раз после осмотра Маревич отпускала ее со словами: «Погуляй еще до...» В четверг уже точно ждали, что оставит, так нет — до вторника отложила.

Сегодня Леночку предстояло сопровождать Вадику. Это служило молчаливым и всеобщим признанием: уж теперь-то — решительно и окончательно.

И все же в голове Дмитрия Михайловича как-то не укладывалось, что вот оно на самом деле. То есть месяц назад он как раз был уверен в этом. А потом постепенно

привык, что все откладывается, и хотя, с одной стороны, начал даже немного волноваться, как бы не *переходить*, с другой — ему казалось, что да, все непременно свершится, но вот только не сегодня. Тем не менее вслух он произнес:

- Не знаю, как ты, а я уверен, что сегодня все будет.
- Да должно бы. Куда уж дальше?
- Нет, не *должно бы*, а я *уверен*.

Ему хотелось, чтобы его предчувствие было весомей жениной умозрительной логичности. Она это поняла и вместо того, чтобы продолжать разговор, тем более что смысла в этом не было, сказала:

- Ну ладно, иди. Я позвоню, если что.
- И он отправился на трудовые подвиги.

Дмитрий Михайлович работал в издательстве, где редактировал детские журналы для мальчиков. Ну еще книжки комиксов, в общем, всякую такую *литературу*. Основным его детищем были «Пионеры-бумси».

Те, у кого есть дети, хорошо знают серию игрушек, вокруг которой создан целый мир Бумсиландии: мультсериал, книжки с текстом и книжки-раскраски и несметное число самых разных товаров: от ластиков и обложек для тетрадей до детской мебели и самокатов. Немаловажное место среди этой продукции занимает журнал. Но даже самые заядлые фанаты Пионеров-бумси и внимательнейшие читатели журнала вряд ли обращают внимание на имена, указанные в его выходных данных. Те же немногие, кому довелось заглянуть в этот малоинтересный раздел, найдут там строку:

Главный редактор — Дмитрий Торошин

(У них по-западному даже генеральный директор издательства заявляется без отчества.)

Чтобы быть совсем точным, надо сказать, что Дмитрий Михайлович редактировал русскую версию журнала, выходившего в 23 странах на 16 языках. О чем мы и сообщаем тем, кто уже знаком с миром Пионеров-бумси. А те, кто в силу различных жизненных обстоятельств далек от круга детских интересов, очевидно, нуждаются в более подробных объяснениях.

Бумсиландия — космическая страна, населенными пунктами которой являются близлежащие планеты. Нет, к планете слово *лежать* не очень подходит. Ну пусть будет *ближевращающиеся*. Впрочем, если сами авторы этой эпопеи не слишком-то задумывались об астрономической достоверности, то что уж нам-то проявлять излишний педантизм?

Надо сказать, что заселена весьма небольшая часть Бумсиландии. Как раз *освоены* необжитых планет и заняты Пионеры-бумси. И все было бы хорошо, если бы параллельно с ними *захватить* (чувствуете разницу?) эти космические объекты не пытались Пираты-керуки, злые, беспринципные и... В общем, пираты — что с них взять? Как Бумси, так и Керуки (без дополнений «Пионеры-» и «Пираты-» их следовало писать с заглавных букв) обладают широким спектром совершенно сказочных свойств и орудий. Впрочем, сказочность эта закамouflирована под научно-фантастичность. Например, то, что в сказке было бы живой водой или молодильными яблоками, здесь оказывается, соответственно, эликсиром профессора Бауэра и плодами, полученными в результате селекции в Парафрут-лаб. Все попытки Дмитрия Михайловича перевести «Парафрут-лаб» как «Лаборатория фруктологии» или хотя бы «Лаборатория парафруктов» разбились о твердое желание партнеров сохранить в неприкосновенности оригинальные названия, как разбиваются волны Атлантики о рифы Карибского моря.

Нетрудно догадаться, что этот парафраз истории освоения американского континента, развернутый на миллиарды парсек, и придумали на том самом континенте правнуки пионеров прерий и остепенившиеся потомки карибских корсаров.

Кстати, насчет «пионеров». С ними тоже произошло *некоторое бодание*. Сразу после того, как издательство, в котором трудился Дмитрий Михайлович, заключило договор с Superwiller group — производителями игрушек и владельцами франшизы, он вместе с девочками из международного отдела стал бомбардировать правообладателей письмами о том, что «пионер» для русского читателя имеет совершенно иной смысл, чем для американского, предлагая замены: «первопроходцы», «открыватели», просто «герои». Но из-за океана твердо отрезали: во всем мире известен *бренд* «Пионеры-бумси», и любое, хотя бы малейшее, отклонение от канона недопустимо.

После первых месяцев взаимного недопонимания русская сторона в лице Дмитрия Михайловича усвоила, что не стоит и предлагать, что подлежит обсуждению, а что можно спокойно менять, не опасаясь возмущения партнеров. И началась довольно ровная и довольно плодотворная работа.

Кроме «Пионеров-бумси», у Дмитрия Михайловича был еще журнал раскрасок «Раз краска, два краска», но с ним возни было немного: там работали главным образом верстальщики, а редактору оставалось только придумывать какие-то вступительные слова, вроде:

Вот и осень наступила, листья пожелтели, покраснели... А какими они еще стали? Быстро бери карандаш и выясни это.

Да к тому же еще и при верстке оказывалось, что места для такого многословия нет, и все сокращалось до:

Раскрась-ка деревья в осенние цвета!

И еще были книжки комиксов. То есть, по сути-то, они действительно были *книжками*, но по высшим издательским соображениям выпускались как периодическое издание, с соответствующей нумерацией. Несмотря на определение *периодическое*, никакой периодичности в их выпуске не соблюдалось, и как раз в описываемый нами период комиксы не намечались. К счастью. Потому что если бы ко всем срочным журнальным делам еще и они — так вообще бы труба!

Кстати, читатель! Увлеченный тонкостями детско-развлекательно-игрушечно-издательского процесса, вы не упустили из виду того, с чего мы начали, — грядущих родов дочери Дмитрия Михайловича? Вот видите, а ведь вас от начала рассказа отделяет всего несколько абзацев. Так что не стоит удивляться тому, что и Дмитрий Михайлович за час и семь минут, которые заняла у него дорога от дома до работы, — нет, конечно, не совсем забыл о том, что должно сегодня произойти, это и невозможно: он был внимательным, любящим отцом, — но перестал думать об этом непрерывно и обратился мыслью к делам рабочим. Конечно, Леночка все равно постоянно *была рядом*. Но именно рядом — как сосед, сидящий в метро на одном с тобой сиденье: ты помнишь, что он здесь, и можешь скосить глаз, чтобы посмотреть, что там он читает или во что играет, можешь даже перекинуться несколькими словами, спросив, который час, или посетовав на духоту в вагоне, но это не отвлекает от чтения своей газеты или размышлений о работе. Как это и было с Дмитрием Михайловичем.

Его ждал напряженный день. Предстояло сдать очередной номер «Пионеров», и уже пришел перевод следующего, который надо было срочно отредактировать и передать на верстку. К тому же его постоянная напарница Ира Грекова ушла в отпуск, так что могло внезапно *свалиться* что-то из ее работы. Конечно, Ира перед отъездом *все хвосты подчистила*, но в окончательности этой подчистки никогда не могло быть уверенности. На самом деле и тот номер, который предстояло сдавать самому Дмитрию

Михайловичу, пока не был окончательно утвержден американцами, и в последний момент они могли прислать еще какие-то исправления. А самое главное — могли возникнуть дела, о которых заранее даже и не догадываешься.

Так оно и вышло.

Дмитрий Михайлович сел за свой стол и включил компьютер. Ввел пароль, зашел первым делом в почту, и — опаньки! — три письма: от Нелли, секретарши, и два — от Кати Пораниной из международного отдела, той самой, что общалась с купервиллеровцами и служила передающим звеном между ними и главным редактором.

Тут мы вынуждены снова отвлечься от основной нити повествования. Так же как читателей, не растящих детей соответствующего возраста, пришлось ввести в мир Пионеров-бумси, так и тем, кто не имеет отношения к издательскому процессу, надо пояснить, что из себя представляет главный редактор журнала.

Образ Главного Редактора журнала складывается у большинства людей по аналогии с образом главного врача больницы, или главного режиссера театра, или, по крайней мере, главного технолога на фабрике. То есть он представляется либо самым большим начальником на предприятии (как главврач или главреж), либо руководителем крупного подразделения (как технолог). К тому же при словах «главный редактор» в памяти читающей публики всплывают имена Твардовского, чей «Новый мир» был властителем дум в давнишнюю «оттепель», или тех, кого, в пору ее ремейка тридцатью годами позже, называли прорабами перестройки. Да что там говорить! А Кольцов, а — копнем еще глубже — Некрасов? Какие фигуры! Что за имена! Вот это и есть главный редактор, не так ли?

Так-то оно так. Только ни к Дмитрию Михайловичу, ни к еще семи *главным редакторам журналов*, работавшим рядом с ним (об одной из них, Ире Грековой, мы уже упомянули), вышесказанное ни в малой степени не относится. В их подчинении не было не только *коллектива*, но и вовсе никого. Вообще, главный редактор журнала стоит в издательской иерархии на самой низшей ступени, он пролетарий, который пашет журнальную ниву, давая самому себе задания в качестве *главного* и выполняя их в качестве просто *редактора*. Конечно, не он один находится на этом уровне: тут и дизайнеры, и верстальщики, и — в других, не редакционных отделах — сотрудники какого угодно профиля: от менеджера складских помещений до айтишника, следящего за работой компьютеров. Единственная категория служащих, которые смотрят на всех них (в том числе и на главных редакторов) снизу вверх, — это уборщицы-среднеазиатки, да и то по причине традиционного пиетета людей, делающих что-то руками, к тем, кто работает головой, прикасаясь в лучшем случае к клавиатуре или карандашу.

Это, впрочем, относится лишь к формальной стороне дела. Неформально Дмитрий Михайлович пользовался большим авторитетом коллег. Ну примерно как на заводе космической техники уникальный фрезеровщик, который может выстрогать на своем токарном станке любую деталь для ракеты с точностью до микрона и к которому генеральный конструктор обращается на «вы». Но все же, как ни крути, фрезеровщик он и есть фрезеровщик.

Впрочем, представление широких народных масс о том, что такое главный редактор, иногда играло на руку Дмитрию Михайловичу и ему подобным. Например, когда звонил возмущенный родитель ребенка, пославшего в журнал свои каляки-маляки две недели назад, с вопросом, почему нет рисунка в накануне вышедшем номере. В этом случае Нелля, к которой поступали все входящие звонки, сперва уточняла, о каком журнале идет речь, а потом произносила магические слова: «Минуточку, я соединю

вас с главным редактором». Эта фраза действовала умиротворяюще: звонившему представлялась огромная организация, где-то на самой вершине которой сидит — нет, восседает! — почти недосыгаемый Главный, с кем его (Главного) личная секретарша его (звонившего) соединяет. А могла бы ведь и не соединить. После этого тон претензии менялся на просительный, что-то типа: «Не могли бы вы спросить у того, кто этим занимается, что там с рисунком Ксюши Перепонкиной». Да, и еще «Извините» — в самом начале: «Извините, не могли бы вы...» Но что небожитель (-ница), снисходя до личного общения с читателем, вальяжно отвечал (-а):

— Видите ли, к нам ежедневно приходят сотни писем, а в номере мы можем опубликовать десяток рисунков максимум. Так что, сами видите, вероятность, что рисунок вашей Ксюши попадет в печать, ну очень мала. Но я прослежу («Сам проследит! Не шутка!»), чтобы ее рисунок не пропал из нашего поля зрения. Так что мы его обязательно рассмотрим, ну а уж повезет или нет, я вам не могу сказать. Я с вами говорю как со взрослым человеком. Ребенка, конечно, не надо разочаровывать, но вы как-нибудь так мягко объясните ей, что вероятность практически нулевая. А кстати, когда вы послали?

— Да... недели две назад, — чувствуя себя почти виноватым в том, что отвлек такого важного человека от дел, отвечает родитель.

— Ну что вы! — с благодушным смешком говорит главный редактор. — Мы в печать сдаем номер месяца за два до выхода в продажу. Так что ни в ближайший, ни даже в следующий номер вы в принципе попасть не можете. Так что в лучшем случае — месяца через три. И то, повторяю, шансов — один из многих тысяч.

Так они и работали.

А мы возвращаемся к фразе «Так оно и вышло», следовавшей за словами «...могли возникнуть дела, о которых заранее даже и не догадываешься».

Дела, как и предполагалось, возникли. Они таились в трех полученных Дмитрием Михайловичем письмах. В первом (от Нелли), разосланном всем главредам, говорилось, что на выпусках должно стоять «Рекомендованная цена...» и дальше шла таблица цен.

Дмитрий Михайлович сохранил таблицу, стер строки, не относящиеся к его изданиям, распечатал и приклеил скотчем на стенку железного шкафа, в котором хранились вышедшие номера и прочее редакторское имущество.

Потом подошел к Жанне, верставшей «Пионеров», и попросил вставить «Рекомендованную цену». Оказалось, что она тоже получила письмо и уже вставила. Дмитрий Михайлович вспомнил об Ире Грековой, завещавшей ему свои издания. Один из Иринных журналов верстала Жанна, так что с ним проблем не было. По поводу двух других он пошел к верставшей их Алле.

Спросил у Кати Пораниной, надо ли отправлять на новое утверждение верстку с «Рекомендованной ценой». Она задумалась и пошла спросить у руководства.

Тем временем Дмитрий Михайлович открыл второе письмо. Оно было как раз от Кати. И как раз насчет Ириной «Риччиалии».

Этот журнал, переводившийся с итальянского и рассчитанный на девочек, был посвящен королевству Риччиалия, населенному ежами. Ежиками там были все: король, королева, принцы, принцессы, кухарки, генералы, конюхи, взнуздывающие лошадей, и даже сами лошади. В общем, все. Вплоть до бабочек, порхавших в дворцовом парке. Исключение составляли рыбы. Они имели вид обычных рыб, и благодаря этому принц Элоуэй мог заниматься рыбалкой — это было его хобби. Отрицательных героев в этом мире не было. Разве что кто-то из ежиков, тот же принц Элоуэй или его кузина виконтесса Миллиара, решали устроить маскарад и переодеться в кого-то

стррррашного, но этот розыгрыш всегда своевременно раскрывался к общей радости и веселью. Впрочем, главной приманкой журнала было не содержание, а наличие игрешек, которые шли сериями: «Ежики-птички», «Ежики-эльфы», «Ежики-цветы», «Ежики-собачки», вплоть до «Ежики-посуда».

Катино письмо содержало указание просмотреть готовящийся номер и везде заменить Фонамею на Дуинию. Здесь же содержалась ссылка на скачивание изображений этой самой Дуинии в разных позах. Кто такие эти Фонамея с Дуинией, Дмитрий Михайлович не стал вникать, а просто переслал письмо со ссылкой Алле и пошел к ней, чтобы сказать о замене лично. Алла приняла это к сведению, сказала, что сейчас занята другим проектом и обязательно поменяет. При этом она сделала пометку на листке, исчерпанном подобными автонапоминаниями.

Вернувшись к себе, чтобы уже покончить с Иринными делами, просмотрел верстку последней «Риччиалии». Как выглядит подлежащая удалению Фонамея, он не знал и не пытался узнать: внимательная Алла ни одного изображения не пропустит. А вот все упоминания о ней в тексте надо было проверить. Он листал пэдээфку и отмечал, где встречается слово «Фонамея». Все было просто, пока дело не дошло до кроссворда. К счастью, кроссворды в этих журналах традиционно составляются без какой бы то ни было симметрии, слова лепятся абы как и зачастую пересекаются только одной буквой. Именно такой случай был здесь: сама «Фонамея» имела два пересечения: на Н и на Е, но за Н цеплялся некий «Эгнор», который больше ни с кем не пересекался. Решение нашлось и тут: в слове «Принцесса» есть и Н, и Е. Правда, «Эгнора» пришлось немного подвинуть.

Дойдя до последней страницы, Дмитрий Михайлович снова отправился к Алле. Все объяснил и оставил список исправлений.

Посмотрел на часы. Начало двенадцатого. Почему ни Аня, ни Леночка с Вадимом не звонят? Может, опять отложили? Хорошо бы — на четверг. Тогда он сможет поехать вместе с ней. Решил, что прочтет третье письмо и позвонит сам. Даже если пришли еще письма, все равно — после третьего.

Больше писем не было. Ну и ладно. Открыл последнее из утренних, тоже от Кати. Она переслала ему комментарии от Линды Коул, их куратора из *Купервиллер групп*, с последними замечаниями по «Пионерам» и долгожданной строкой, гласившей, что после внесения этих исправлений номер утверждается. То есть его не надо посылать на дополнительную проверку. О радость!

Дмитрий Михайлович пошел к Жанне, чтобы изменить оставшиеся мелочи, и тут зазвонил его телефон. Точнее, это был не звонок, а мелодия Нино Рота из знаменитого фильма.

На определителе высветилось: «Аня». Не доходя до Жанниного стола, Дмитрий Михайлович свернул в коридор, чтобы говорить с женой в отдалении от чуткого, но излишне любознательного коллектива. Он шел, и ему казалось, что он невольно пританцовывает, как один из участников феллиниевского хора. Чтобы прервать звуковое сопровождение, нажал зеленую кнопку и буркнул в трубку:

— Сейчас, сейчас.

Зашел в туалет. Там никого не было. Правда, кто-то мог беззвучно таиться в кабинке. На всякий случай стал говорить общими фразами:

— Ну что?

Аня сказала, что Леночку сегодня *оставили*.

— И когда планируется? — спросил Дмитрий Михайлович.

— Что значит когда? Говорю же, сегодня.

— Нет, это я понял. Сегодня оставляют. А сами, — он понизил голос, — роды когда? Завтра? Послезавтра?

— Да нет же. Сегодня.

— Ничего не понимаю. Мы же договаривались, что ее положат за несколько дней, подготовят...

— Ну, договаривались так, а получилось этак.

Поняв, что от нее толку не добьешься, Дмитрий Михайлович дал отбой и стал застегиваться. Вода спустилась сама. Техника!

Вымыл руки, вышел в коридор и стал звонить Леночке. Ее телефон был отключен. Тогда он набрал Вадика. После четвертого гудка тот ответил:

— Слу-ушаю, Дмитрий Миха-айлович.

Сперва тестю показалось, что зять говорит неохотно, словно бы даже раздраженно. Но потом он сообразил, что у каждого волнение проявляется по-своему: Вадик был как будто оглушен всем свалившимся на него.

— Ну что там? Вы были у Маревич?

— Бы-ыли.

— И что?

Чем медленней говорил зять, тем больше волновался тесть.

— Мы пришли... Леночка зашла... А я остался... Потом Леночка вышла и сказала, что надо погулять.

— Как погулять? Где погулять?

— В сквере. Там рядом сквер...

— Может, лучше домой?

— Нет... Леночка сказала, что она у нее там... ну типа поковыряла... И сказала: «Погуляй часа два...»

— И что? Вы гуляете? Когда это было?

— Нет... Мы уже не гуляем...

«Все кишки вытянет! Гуляем, не гуляем!..»

Тут подошла Катя. Отыскав его наконец в коридоре, она сказала:

— Дим, ну где ты? Я все... А! Или ты говоришь? Ладно, я потом.

Она отошла, а Дмитрий Михайлович спросил:

— Так что? Прошли эти два часа, что ли? Когда это было?

— Нет... Один час прошел... И десять минут... А потом она захотела в туалет. И мы пошли назад. Обрато. В институт. И она пошла. В туалет, в смысле. А охранница увидела, что она пошла в туалет, и говорит мне: «Куда она пошла? Ей в отделение надо!» А я стал стучать, а охранница вскочила и сама туда заскочила. И вышла с Леночкой. И она ушла.

— То есть *окончательно* ушла?

— Вроде бы.

— Они же обещали ее заранее положить! Мы специально приходили и на той неделе, и раньше...

— Я не знаю, — проямлил Вадик.

— Ну понятно... То есть, конечно, ничего не понятно. Зачем тогда договариваться? Ладно, — хотел было закончить разговор Дмитрий Михайлович, но спохватился: — А ты сам-то сейчас где?

— Я? Я здесь... — ответил Вадик, и по голосу стало понятно, что он оглядывается, чтобы понять, где же находится.

— В институте еще, что ли?

— Да...

— Так а что тебе там делать, если она уже ушла? Она точно окончательно ушла?

- Ну да. Попрощалась, с вещами...
- Так уезжай. Домой или еще куда.
- А может... Что-то будет нужно...
- Вадим, ну что ты уже сейчас можешь? Если что, тебе позвонят. Поезжай... Знаешь что? Лучше всего к своей маме поезжай. Она сейчас дома?
- Да.

Сам Дмитрий Михайлович в свое время, и когда Аня рожала их старшего, Юру, и когда — Леночку, был на работе. Но после работы отправлялся к родителям. Поэтому он и зятю предложил тот же рецепт.

На этом разговор закончился.

Дмитрий Михайлович сдвинул брови: когда он говорил, кто-то подходил, чего-то хотел. Но кто? Наконец вспомнил и пошел к Кате, и та сообщила, что была у Веры Владимировны, и они решили: раз номер утвержден, ничего не менять, а начинать вставлять *рекомендованную цену* со следующего номера. Он сказал: «Ага» — и пошел к Жанне, чтобы ликвидировать только что вставленную строку. Сделав это несколькими легкими движениями, Жанна принялась возвращать на свои места другие элементы обложки, потеснившиеся ради фразы, в результате отмененной.

Дмитрий Михайлович сидел рядом, дожидаясь, когда обложка станет соответствовать высокому художественному вкусу требовательной верстальщицы, чтобы приступить наконец к внесению последних и окончательных изменений.

Перед его глазами стояло лицо Леночки, искаженное болью. Ведь ей, бедной, сейчас... Вот он тут сидит, что-то верстает, правит, практически развлекается, а она там... А в ней... Или уже — из нее... Нет, наверно, сейчас еще рано. Это ведь часами длится. Аня Юру двадцать часов рожала. Двадцать! А Леночка! Она не выдержит!..

Жанна закончила, и они стали вносить *американские* исправления. Собственно говоря, вносила она, а его роль состояла в том, чтобы переводить их пожелания с английского.

Булькнул телефон. Эсэмэска.

Привет папуль как дела?

Это она спрашивает! Он судорожно стал тыкать пальцами:

Как ты?

Хотел добавить еще что-нибудь вроде *Больно?* Но понял, что это глупо, добавил еще два вопросительных знака и отослал:

Как ты???

И тут же сообразил: как же это она пишет? Там ведь ничего нельзя. Стерильность. И вдруг — телефон.

Почему у тебя телеф

Не успел дописать вопрос, как пришел ответ на первый вопрос:

Реву как раненный олень.

Она — ревет! Леночка, которая в пять лет ошпарилась, и то не кричала. В пять! И вот теперь, почти взрослая — *как раненый олень!* Впрочем, несмотря на потрясение, редакторский глаз заметил тройное *н*, то ли напечатанное впопыхах, то ли рука у нее дрогнула, и от этого стало еще страшнее.

Стал набирать вопрос, почему ей не дают обезболивающего. Ведь врач обещала, что будут давать. Пока формулировал, пришло:

Ну пока целу.

Все же дописал и послал. Но дошел ли до Леночки его вопрос или нет, он так и не узнал.

— Дим, чего они тут хотят?

Пока он переписывался, Жанна сама разобрала несколько исправлений и внесла их, дошла почти до конца — до странички с ответами и анонсом следующего номера — и споткнулась на... Он вчитался. Не понял. Помотал головой и прочел снова. А, ну да, что тут неясного? Они хотят, чтобы мы точно указали дату, когда выйдет следующий номер. У них-то однозначно стоит — 22-го. А мы пишем обычно: «Не пропусти следующий номер!» Никогда это не вызывало нареканий, а вот заметили. Правда, не настаивают, пишут: *It would be great...* Ну так будет не совсем *great*.

— Пропустим.

Осталось последнее исправление — в ответе на одно из заданий. В английском варианте правильный ответ был В (то есть *Би* — второй по счету), и так и осталось. Получилось русское *Вэ* и что правильный ответ — третий.

— Фу ты, это моя вина, не проверил ответы.

— Мне казалось, я исправила.

— Все равно я должен был проверить. А они-то все замечают. Молодцы, — редкая похвала русского редактора американским коллегам.

Наконец все было сделано, Жанна послала файл окончательно отписываться, а Дмитрий Михайлович смог приступить к своей обязанности в узком смысле — редактированию текста, полученного от Тони, его постоянной переводчицы.

Из головы не выходил *раненый олень*. Странно: договаривались же на обезболивание. Набрал жену, чтоб спросить, но у той было занято.

Собственно говоря, он переживал уже нечто подобное. Но именно *подобное* — когда рожала его невестка Таня, жена старшего сына. И даже еще два раза — когда появлялись на свет его собственные дети. Но тогда, больше двадцати лет назад, он был еще совсем молодым и как-то легко все воспринимал. А вот во время родов Тани было и правда похоже. Только, как известно, *похоже и одно и то же* — весьма разные вещи. Тогда он тоже бурно переживал и тоже очень сердился, что молодые легкомысленно относятся, и тоже страшно волновался, как все пройдет, и тоже просто до трепета боялся, что маленькому что-то повредят и — правда, без трепета, а просто боялся — что что-то повредят Танечке. Все это было тогда, и все это было сейчас. С одной только разницей — сейчас он еще и *страдал*.

Он страдал вместе с дочкой, он почти чувствовал ее боль. И он страдал сам по себе, представляя ее не такой, какая она сейчас, а какой была пятнадцать и двадцать лет назад, и при этом — что вот она лежит, раздвинув ноги... И сколько он ни твердил себе, что она же не в возрасте четырех или, там, девяти лет рождает, что все-таки сейчас она взрослая, но отогнать это жуткое видение не мог. *Как раненый олень!*

Отозвалась Аня:

— Ты мне звонил?

— Да. Мне казалось, что должны были дать наркоз. Или я что-то путаю?

— Какой наркоз?

— Ну, обезболивающее.

— А! Ну это еще не сейчас — это, наверно, когда уже сами роды пойдут. Я точно не знаю.

— А сейчас что, не роды?

— Сейчас схватки.

— Может, все равно можно обезболить?

- Не знаю, там, наверно, без нас знают что и как.
- Ладно, пока!

А на планете Курошанд тем временем прорастало растение бубуру, полудерево, полужмя. А сок его плодов... Кстати, в оригинале эти плоды никак не назывались: плоды и плоды, — а Дмитрий Михайлович в прошлом номере (том самом, который сейчас сдается: для редактора он уже стал *прошлым*) придумал им название — бубуруши, соединив *бубуру* с *грушами*, и Линда никак не отреагировала; правда, это не означает, что она не спохватится через месяц или еще позже и не придется отказаться от этой находки. Так вот, сок бубуруш... Сперва Дмитрий Михайлович писал: «бубурушей», но корректор Нина заметила, что раз это слово построено по модели *груш*, то и склонять надо — *бубуруши*; великое дело — хороший корректор! Так вот, сок бубуруш обладал тем свойством, что, попадая на электрические провода, превращал их в живых червей, которые могли заползти куда угодно и изрыгнуть (нет, конечно, в окончательном тексте этого неаппетитного слова не было, там использовалось нейтральное *выпустить*) разряд молнии. Но беда в том, что, напомним, бубуру было лишь отчасти растением, а отчасти — еще и змеей, поэтому добыть его плоды можно было только, загипнотизировав его игрой на... Думаете, свирели или флейте? Ну не надо же так банально мыслить! — на гитаре! Причем авторы первоначального английского варианта *оттягивались*, вкладывая в уста Пионеров-бумси несколько переделанные цитаты из известных рок-песен. Наши же переводчики, и в частности Тоня, напротив, не заморачивались и тупо переводили текст. Впрочем, при том, какие гроши им платят за перевод, невозможно требовать от них чего-то большего, чем подстрочник, который предстоит облагородить редактору.

В первых номерах он еще не сообразил, что к чему, и так оно и шло: Пионеры-бумси или Пираты-керуки (те тоже охотились за бубурушами) играли на гитаре и пели какую-то галиматью. Ну, мало ли что поют под гитару! Заметил неладное (или именно что *ладное*?) Дмитрий Михайлович на третьем номере журнала, когда в пузыре, выходящем изо рта певца, стояло:

Не торопись,
Стань хиппи!

Как-то это было совсем уж бессвязно: конечно, в Бумсиландии много земного, вплоть до англоязычных имен и фамилий, но неужели там и хиппи свои имеются? Он полез в английский текст на предмет опечатки. И увидел:

Don't hurry,
Be hippie! —

понял, что это парафраз «Don't worry, be happy!». Тогда-то ему и пришло в голову использовать цитаты из песен отечественного производства, никак не привязываясь к оригиналу. В результате вместо «Не торопись...» в русской версии журнала появилось:

Над бубуру горит
бумсийская звезда!..

Для ясности хотел еще добавить: «Пришелец не спешит, пришелец понимает...», — но на это уже места не было, и он решил обойтись без этой точки над *i*.

В дальнейшем, встречая текст, который отважные Бумси пели дереву-змее бумбу, Дмитрий Михайлович, не обращая внимания на перевод, сразу заменял его на шутливо (а порой натужно) измененные цитаты из попсовой или рок-лирики, а песни кроважидных Керуков кроил из блатняка, разумеется, приличного (в смысле, без нецензурины).

На этот раз никаких каламбуров на тему популярных мелодий в голову не приходило. Раненого оленя вытеснило кесарево сечение. Точнее, мысль о том, почему он не настоял, на том, чтобы его сделали!

Ну как же, в самом деле, мог Дмитрий Михайлович проявить такую мягкотелость! Ведь еще районный гинеколог, когда Леночка к ней пришла на третьем месяце, спросила: «А муж у вас высокий?» — и, узнав, что да, сказала: «Может быть, придется кесарить». «Может»! Да обязательно надо было! Еще и таз у нее... Ну да, да, сделали анализ... Не рентген, а как его? ...грамма какая-то. Чтоб таз проверить. Сказали, что ничего, нормальный — все и успокоились. Так ведь нормальный-то нормальный. Это он, может, для других такой — нормальный. А для Леночки... Мало ли что там бывает! Не то прилежание, да тысячи отклонений могут быть! А кесарево — раз, и надежно. Да еще с обезболиванием. Правда, теперь всем обезболивают, и без кесарева тоже. Черт знает что! Когда-то говорили, ни за что нельзя. Вот — он еще совсем молодым был — когда Аня первый раз рожала, он именно спросил у врача: «А почему нельзя под наркозом рожать? Уснула бы, проснулась — а тут ребеночек готовенький». Так тот на него как на дурачка посмотрел: «Вы что, не понимаете? Она же должна все чувствовать, реагировать!» А теперь оказывается... Ну пусть это не наркоз называется, а обезболивание. Велика разница!

Заиграл телефон, и Дмитрий Михайлович схватил трубку и почти закричал:

— Ну что?!

— Димуль, это я, что с тобой? — прощепетал из трубки голос зав рекламным отделом Тамары.

— А, Тамарик, привет!

(У них давно установился такой нежно-воркующий стиль общения.)

— Димуль, у тебя найдется полполоски под барашка Бэки?

— Где?

— Ну где, где? В «Пионерах», конечно!

— Тамарик, ты что! Мы же сегодня сдаемся. Все утверждено! Ты бы хоть дня три назад сказала.

— Да они только сегодня прорезались. Ты же понимаешь: барашек Бэки!

Дмитрий Михайлович понимал: «Барашек Бэки» — новый бренд одного из их самых ценных партнеров. Но и хозяйева «Пионеров-бумси» тоже были не последними в иерархии приоритетов.

— Ладно, я схожу к Верочке, — с придыханием сказала Тамара.

— Ага, я тоже подойду. Ты прямо сейчас?

Она дала отбой, не дослушав, но он и так понимал, что боевая пиарщица уже на пути к директору департамента периодических изданий. Они действительно столкнулись перед дверью Веры Владимировны.

В кабинете шло совещание с экономическими сотрудниками. Дмитрий Михайлович подождал бы, пока оно кончится, но Тамара, бронебойная при всей своей изысканной утонченности, ворвалась внутрь. Ну раз так, то и он просочился следом.

— Что-то случилось? — подняла на них взгляд Вера Владимировна.

— Верочка, — спокойно ответила Тамара, — «Барашек Бэки» объявился. Как мы договаривались, я им ни-ни, не звонила, не писала, и вот — сегодня... Сами... Здорово!

— Здорово-то оно здорово, но какие их условия?

— А это зависит от того, в какой номер.

— Понятно, — кивнула Вера Владимировна и обратилась к Олегу, главному технологу: — Олег, у нас что еще за этот месяц не сдано?

— Да только вот «Пионеры», — кивнул тот в сторону Дмитрия Михайловича. — Ну и чисто теоретически можно срочно послать полосу на замену в «Друзей динозавров». Хотя вряд ли. Скорей всего, они уже их печатают.

— И всё, да... — вслух помыслила Вера Владимировна.

— Нельзя их упускать, — подсказала ей Тамара.

— Да это понятно... А на сколько мы еще можем «Пионеров» задержать? — обратилась директор департамента к Олегу.

Тот стал что-то прикидывать в уме, невольно загибая пальцы, после чего изрек:

— До понедельника, но это уже полный...

И он добавил нецензурное слово, вполне описывающее, что будет, если они задержат печать до понедельника.

— М-да... Полный... — Вера Владимировна, хмурия брови, мыслила вслух: — П...!

Потом резко схватила телефон и стала набирать номер.

Пока она выясняла у Кати Пораниной, есть ли шанс, что американцы успеют переутвердить номер до понедельника, если их очень попросить, Дмитрий Михайлович мысленно возвращался к разговорам, которые многократно вел с Леночкой на протяжении предыдущих девяти месяцев, — о том, что ей обязательно надо ходить на специальный фитнес для беременных.

Наконец Вера Владимировна положила трубку и вынесла приговор:

— Дмитрий, срочнейше вставляете барашка, и новый файл — Кате! Попробуем до понедельника согласовать.

— Но ты понимаешь, что это крайний край? — уточнил Олег. — Дальше я ни на минуту не могу. Что будет на тот момент утверждено, то я и отошлю.

— Да понятно, понятно.

— Тогда уж мы и «Рекомендованную цену» вставим, — сказал Дмитрий Михайлович не потому, что был не уверен в этом решении, но просто чтобы как-то оправдать свое появление здесь.

Они вышли из кабинета.

— Димуль, а как там Ленка?

(«Откуда она знает? Все-то эти женщины пронюхают».)

— Пока неизвестно. Ее ведь только забрали.

— Забрали? Куда?

— Да в роддом же!

— Уже? Я думала, у нее еще месяцев семь — семь с половиной.

(«А, она, оказывается, не знала. Так, вообще спросила».)

— Нет, уже вроде как срок. Не знаю, что там будет...

— Да все будет нормально. Чего ты?!

(«Конечно, ей легко говорить. Не ее дочка там... Как раненый олень».)

— Ладно, спасибо.

Повернулся.

— Файл лежит в папке с рекламой, посмотри за сегодняшнее число! — крикнула ему вслед Тамара.

Открыли с Жанной файл. К счастью, рекламная картинка оказались не вертикальной: правые полстраницы, а горизонтальной — нижняя половина. Как раз в номере нашлась страничка с двумя заданиями. Условно они назывались головоломками, но, по правде сказать, были такими примитивными, что ломать голову там было не над чем. Ладно, головоломки и головоломки. Жанна поместила рекламу в низ полосы. Закрытая ею головоломка слегка выглядывала: первое задание занимало меньше места, чем второе, и не доходило до экватора страницы. Но растянуть его, сдвинув вниз картинку и чуток растянув текстовый блок, было делом нескольких минут.

(Растянуть... Вот именно об этом и думал все время Дмитрий Михайлович. «Растянуть — это же не просто так. Это в журнале легко: хоть растянуть, хоть поджать. А в организме! Надо же было специальные упражнения делать, на растяжку и на укрепление мышц. Ленивая бездельница! Талдычил, талдычил ей — всё как горох об стенку! Вот теперь и реви. Как олень».)

— Готово, — сказала Жанна.

— В ответах еще надо... — заметил Дмитрий Михайлович.

— Да, конечно, сейчас. Не волнуйся, я сама.

— А ты поставила слово РЕКЛАМА?

— А как же!

— Я что-то не вижу.

— Да вот же!

— Ловко!

Действительно, заветное слово было совсем незаметно: белым на светлом фоне. Но и обвинить их в том, что они его не поставили, было бы невозможно.

— Может, черным сделать?

— Не, так прикольной.

— Ну, ты ответ сама уберешь, я ведь тебе не нужен?

— Нет, Дим, не волнуйся. Ты же все равно перед отправкой еще будешь смотреть.

Вернулся к себе. Но работать не мог: его так и распирало. Взял телефон и направился к двери в коридор.

— Дим!

— Что?

— А там еще в содержании...

Он снова подсел к ней. В содержании эта страничка анонсировалась как «Кубики и молнии». Действительно, первое задание было про кубики, а второе — про молнии. Теперь молний не было.

— Ну давай напишем: «Волшебные кубики»... Нет, волшебные — плохо, мы ведь от сказочности как раз все время уходим.

Жанна терпеливо ждала его решения.

— Может, *фантастические*? Посмотри, там места хватит?

— Немного вылезает. А если в две строчки?

— Не-не-не, так все поползет.

— И что? Я подтяну.

— Не надо, я сейчас придумаю. Может... *необыкновенные*? Нет, еще длиннее.

— Супер? — предложила Жанна.

— Да с этим словом всегда проблемы.

В самом деле, все корректоры как один требовали, чтоб *супер* писалось слитно, но это совершенно не смотрелось. Например, *суперсамоделка* — ребенок с ума сойдет, читая это. Обычно Дмитрий Михайлович писал такие слова в две строчки, как бы переноса: знак переноса, тешащий принципиальность корректора, читался обычным человеком как простая черточка. То есть и так, и так можно его воспринимать, как

хочешь. Но здесь этот прием не годился: если в две строки, так и *фантастические* бы подошло.

— А если «Чудо-кубики»?

— О, это в самый раз! — согласилась Жанна. — Мне тебе послать файл, когда отпишется?

— Да нет, что там уже может быть? Посылай прямо Кате, чтоб она отправляла поскорей.

Наконец он оказался в коридоре. Набрал Аню.

— Ну что?

Он спрашивал с некоторым раздражением, будто жена была виновна в том, что сейчас переживает их дочь. Впрочем, как оказалось, в этом, хотя бы отчасти, действительно была ее вина. Потому что, услышав, что все по-прежнему, он сказал:

— Вот я так и знал!

— Что ты знал?

— Что она никогда до упражнений не дойдет. Это ведь элементарно. Я ей специальный комплекс дал! Гера что, зря старался?

Их друг Гера увлекался бодибилдингом и еще с полгода назад по просьбе Дмитрия Михайловича нашел в специальной литературе комплекс упражнений для беременных.

— Я ей дал его, и что? Пару раз сделала, и всё.

— Слушай, ты так говоришь, как будто я в этом виновата.

— А кто?! Я всю жизнь пытался ее к спорту приобщить, а ты ее расхолаживала.

— Да как это расхолаживала? Что, я мешала ей ходить на занятия?

— Не мешала, но и не помогала. И сейчас тоже. Девять месяцев я, как какой-то городской сумасшедший, бегаю и кричу...

В глубине души он знал, что если кого и винить, то в первую очередь самого себя. Да, он действительно попросил Геру подобрать комплекс. Да, время от времени он действительно произносил страстные монологи, доказывая очевидное — что важно укреплять мышцы, что ребенок не выскочит сам собой и прочее в том же духе. И даже да, действительно раза три за минувшие девять месяцев залезал в Интернет и находил спортивную группу вблизи от дома и с удобным расписанием. Но произнеся все эти правильные слова и передав дочери адрес группы и телефон тренера, он считал, что дело сделано, тем более что она смотрела на него понимающими глазами и кивала. Проходило несколько дней, и он спрашивал: как успехи? записалась на курсы? хотя бы позвонила тренеру? на худой конец, делает упражнения дома? И каждый раз находилась уважительная причина, по которой вот прямо сейчас это невозможно. То в спорт-центре карантин, и беременной к нему на версту приближаться нельзя, то Леночка принимала какие-то таблетки, которые не рекомендуется сочетать с физическими нагрузками, то еще что-то. «Ну так надо поискать другой центр», — говорил он. Или: «Но как только ты этот курс отпринимашь, так сразу, да?» И услышав в ответ: «Конечно», «Обязательно» или «Еще бы!», успокаивался на месяц-другой. После чего все повторялось с такими же результатами.

Собственно говоря, так оно было и во все прошлые годы: он записывал дочку в очередную секцию, водил раза три, потом передоверял это жене или теще и... спустя какое-то время узнавал, что этот вид спорта ребенку не подходит, или что расписание неудобное, или, наконец, что она не нашла общего языка с тренером и «не портить же ребенку нервы из-за этого». На рисование она ходила, в старших классах — в кружок по биологии. А вот со спортом никак не складывалось. О чем Дмитрий Михайлович вспомнил теперь, когда уже ничего нельзя было изменить, и его затрясло от бессилия.

Анна Романовна обычно давала мужу выплеснуть эмоции. Но на этот раз эмоций у нее самой хватало, и он получил неожиданный отпор:

— Что ты разоряешься?! Все идет нормально! Анализы все отличные...

— Ну о чем ты говоришь! Ты хоть сама слышишь, что говоришь? Анализы! А то, что она крошка, а Вадик дылда — это что, я придумал?

— Ну ты же знаешь, что Людмила Викторовна сказала: «Это роли не играет»?

— Да мало ли что сказала? Все это знают, это азбучная истина! Я в Интернете смотрел, все врачи — и наши, и европейские, и американские, и какие хочешь — в один голос: «Это фактор риска».

— Так фактор же. Мало ли факторов? Ну что тебе нужно? Врач от нее не отходит. И мышцы у нее в порядке. Нечего выдумывать всякие страсти!

— Нет, не в порядке! Я что, не могу понять? Там не мышцы, а каша. И с чего взяться мышцам, когда она двух часов за свою жизнь спортом не занималась? Главное — ты же сама из-за этого с Юркой так мучилась, едва родила! И теперь сама же... «В порядке»! Вот ты так всегда выдаешь желаемое за действительность!

— Слушай, если у нее что не в порядке, так это отец. С головой его, в смысле.

— Это у меня с головой не порядок? Да я...

— ...как городской сумасшедший, — закончила за него жена.

Тут он совсем взорвался:

— Тебе еще до каламбуров?! Я целый день с ума схожу...

— А я не схожу, да? Мне она не дочка, да?

Они еще немного покричали друг на друга, и это дало обоюдоуспокоительный эффект. Во всяком случае, простились они почти спокойно.

Сказался эффект от этого разговора и в том, что он смог вернуться к своим пионерам и пиратам. Не физически вернуться: для этого достаточно было сесть за стол. А — мысли собрать и сосредоточиться.

Сосредоточиться не удалось. Не успел на экране развернуться текстовый редактор с переводом, как подошла Лина Гальперина.

— Привет! Кофейку не хочешь?

— Можно.

Он как бы и не виноват, что не занимается переводом: не откажешь же коллеге.

Пошли в холл, где стоял аппарат, выдававший горячие напитки и всякие готовые закуски, от эфемерных пакетиков с орешками до довольно сытных сэндвичей. Взяли по чашечке кофе: он — с молоком и сахаром, она — без ничего.

— Ну, как тебе последняя игра? — спросила Лина.

Речь шла о «Что? Где? Когда?». Они каждый раз ее обсуждали. Вообще, от Лины можно было узнать что-то новое о театральной жизни, книгах и прочих *новостях культурной жизни*. Если она что-то хвалила, Дмитрий Михайлович загорался желанием прочесть или посмотреть то, о чем она с жаром рассказывала, но, как правило, этот порыв затухал прежде, чем он успевал сделать к его реализации какие-то шаги вроде покупки билетов или скачивания фильма, и он ограничивался той порцией информации, которую получил от Лины.

— Я про шляпу сразу ответил, — с гордостью сказал Дмитрий Михайлович.

— А я — про светофор и про «Мцыри».

— Ну про «Мцыри» легкий вопрос был. Это все угадали.

— А про флейту глупость какая-то.

— Да! Это никакой логикой невозможно вычислить, если не знаешь конкретно.

— Ну, вообще-то они знатоками называются. Значит, надо знать...

Они начали спорить, точнее, продолжили свой извечный спор: Дмитрий Михайлович считал, что вопросы на чистое знание не должны использоваться в программе, а Лина с ним не соглашалась.

— Ты же сама сказала: «Про флейту глупость».

— Этот конкретно вопрос — глупый. А вообще или не надо называться знатоками, или...

— Тогда давай зададим им: «Напишите формулу...» Ну я не знаю, химическую какую-нибудь, или «Теорему докажите».

Дмитрий Михайлович кипятился, доказывая свою правоту, и при этом у него было чувство, будто некая всепроникающая рука схватила его внутренности от желудка до горла, слегка, но ощутимо сжала их и не выпускает.

Он ждал, что она спросит, как Лена, но она не спросила.

Поспорили еще немного, допили кофе и разошлись по своим углам.

Перевод терпеливо ждал на экране. Оказалось, что, тихо-тихо, Дмитрий Михайлович уже одолел три вступительные страницы журнала и первую половину комикса, занимавшую пять страниц, и добрался до раздела «Досье». Эта рубрика всегда состояла из двух частей — по страничке, посвященной одному положительному и одному отрицательному персонажу. Первый, естественно, назывался героем, второй — злодеем. Вверху обеих страниц обозначалась их принадлежность к той или другой категории: «Пионер/герой» и «Пират/злодей». Это — в английском варианте. Но понятно, что первое определение было совершенно неприемлемо для бывшего члена Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина. И надо полагать, что если не родители юных читателей, так уж дедушки-бабушки точно были бы удивлены, не увидев под этой *вывеской* какого-нибудь Павлика Морозова или Володю Дубинина. И в очередной раз американцы уперлись. Дмитрий попытался заручиться поддержкой московского представительства Купервиллера, но там работали молодые люди, не обремененные грузом советского прошлого. В результате долгой и нудной переписки все же удалось добиться замены в данном разделе слов *Пионер* и *Пират* на *Бумси* и *Керуки*. «Бумси/Герой» — никаких ненужных ассоциаций!

«Нет, но почему обезболивание не делают? Ведь обещала же...»

И тут его поразила новая мысль: если не делают, то неспроста. Значит, что-то не так пошло. Может, аллергия на обезболивание или с сосудами что-то? Значит, любая реакция может быть: отек, кровотечение... А если отек горла!.. С другой стороны, если даже так, то хорошо хоть, вовремя заметили, не стали колоть. А если как раз *не* заметили: вкололи, и началось... Просто нам не сообщают?!

«Всё, всё. Леночке все равно я ничем помочь не могу. Надо сосредоточиться».

Итак, Роджер К. Макнауэлл. (Каждый раз, встречая этого персонажа, одного из главных Пионеров-бумси, Дмитрий Михайлович думал: «Специальная порода, бумсиландские шотландцы». Подумал он так и на этот раз.) Родился в форте Джимакари. Первое боевое крещение получил в битве за Пласхауз, что на планете Векос. Отличился, пробравшись в недра ядерного реактора... (Только не надо спрашивать, как он в этих недрах выжил, ясно же, что на нем был специальный комбинезон из анаидальской стали.) Да, значит, в недра пробравшись... И замкнув контакты верпатозащитного изолятора...

Далее в досье подробностей не было: на то и досье, чтоб — только сухие факты. Но Дмитрий Михайлович, благодаря комиксам поднаторевший в героической истории Бумсиландии, знал, что произошло далее: после этого замыкания изоляция раскалилась (большими буквами «ШШШШШПРХ») и пошла трещинами («КРРРАХ ТРРРР

ГРМПС»), верпатоидная жидкость закипела («БУЛЬК-БУЛЬК ФШШШШ ГЛЮК-ГЛЮК-ГЛЮК») и залила рабочую полость реактора («ЦСССС ШУХ ШУХ ШУХ»), после чего, понятное дело, все там ядерно рвануло («БАБАБАБАХ БЭНЦ ТОНКЦ БУМЦ», ну и заодно «АГРРХ», которое в ярости издал Ли Фумонг, командующий армией Инкантроидов, защищавших Пласхауз). Все, разумеется, разлетелось на мельчайшие ионы («Ионы! Да еще *мельчайшие!*»). И остались в живых только сам Роджер К. и Ли Фумонг. Ну, Роджер К. — понятно: в анаидальском комбинезончике любой бы спасся. А вот как это удалось коварному Ли? Очень просто: поначалу-то на мельчайшие ионы и он распался, но по случайности это ионное облачко попало в силовое биофреническое поле, излучаемое гипер... Дмитрий Михайлович подзабыл, как полнотью это устройство назвалось, но *гипер-* и *-трансмиттер* там точно были. И под воздействием этого поля частицы обратно склеились, и Фу Лимонг... тьфу ты, Ли Фумонг снова стал почти как новенький. Почти — потому что у него ноги теперь росли от плеч, а руки... Ну, соответственно. Что, конечно, неприятно, но все же лучше, чем порхать ионным облачком. А главное, совершенно не мешает творить злодеяния и при всякой возможности пакостить Пионерам-бумси.

«Сколько уже она там? Часа три... — Посмотрел на часы. — Как? Не может быть! Уже четыре часа, пятый?! Чудеса! Мне казалось, еще где-то час-полвторого. Бедненькая! Когда у нее началось? Где-то в одиннадцать. Это выходит, Леночка моя уже пять часов мучается. Скорей бы! Если бы кесарево, все уже было бы позади. Ну как же это я не настоял?! И никто, никто, кроме меня, не думал. Не могу же я один всех переубедить. “Надо чтоб естественно! Надо чтоб все своим путем!” Им бы самим так помучиться!»

Дмитрий Михайлович как-то упустил из виду, что и жена его, и обе их мамы, кто раз, а кто и дважды это переживал. То есть не то чтоб упустил, но — разве могли давнишние страдания этих взрослых женщин сравниться с мучениями, вот прямо сейчас переживаемыми его маленькой, беззащитной, безропотной, слабой дочечкой!..

Впрочем, эти мысли не помешали сообразить, что если сейчас уже позже четырех, то он давно пропустил время обеда. Ну, кофе выпил, но это вопроса не решало. Что-то проглотить надо же. Хотя какой тут аппетит... Кусок в горло, как говорится...

Он заставил себя подняться и понял, что *за всеми делами* не чувствовал, что давно пора было посетить туалет. Что уж тут говорить об аппетите!..

Зашел. Вышел с вымытыми руками. Наконец добрался до питательного автомата и... Что же выбрать? Сэндвич? Нет, его жевать... Никаких сил нет. Шоколадный батончик? Представив себе эту сладко-липкую массу во рту, он ощутил рвотный позыв. А, вот! Глазированные сырки. Это еще как-то можно. И — кофе? чай? Кофе уже пил. Вообще, да, к сырку чай лучше.

(Ну вот, он тут сырки жрет, еще и выбирает, что лучше — чай или кофе, а она там — *как раненый олень...*)

Запустил в щель сторублевую бумажку, набрал нужный номер и вынул сырок из поддона, куда его сбросила механическая рука. Не забыл и про сдачу. Включил чайник, дождался кипения, налил в чашку. Чайные пакетики лежали в коробке на столе.

Хоть и без желания проглоченный, но все-таки этот эрзац-полдник позволил Дмитрию Михайловичу в очередной раз вернуться к переводу.

Из шестнадцати пунктов, составлявших досье, пятнадцатым шла таблица, в которой перечислялись: 1) фантастические свойства Роджера К. Макнауэлла, 2) виды вооружений, которыми он владел (названия Тоня перевела неправильно, пришлось проверять по сайту), и 3) его личные особенности, а именно — любовь к говорящим

кактусам и способность внезапно засыпать в совершенно неподходящей ситуации, но зато видеть при этом вещие сны.

Расправившись с таблицей, Дмитрий Михайлович перешел к последнему пункту на этой странице — сердечным привязанностям. Бумси/герой был безответно влюблен в красавицу Ми Чан, принцессу со звезды (!) JQ-18/6. Ну, такая звезда, что тут скажешь? Разве что можно отметить политкорректность создателей *пионерской* эпопеи, скомпенсировавших наличие в ней злодея с ориентальным именем, аналогичным имени героини, обладающей всеми мыслимыми достоинствами.

Дмитрий Михайлович полез в Интернет, чтобы проверить название туманности, в которой произошло решающее объяснение Роджера К. и Ми, но тут снова зазвучал Нино Рота.

На сей раз звонила мама. Мама Дмитрия Михайловича.

— Митя, ты где?

— На работе.

— Я не понимаю, о чем ты вообще думаешь? Какая работа? Немедленно поезжай к Леночке!

(Лариса Сергеевна была в прошлом учительницей и даже завучем школы, и выработанный за многие годы тон общения с учениками не покидал ее и на пенсии.)

— А что мне там делать?

— Как что?! Договорись обо всем.

— О чем? Аня давно обо всем договорилась.

— Аня! О чем может договориться твоя Аня? Не смей меня. Тем более что мне не до смеха. Ребенок бог знает в чьих руках! Муж ее тоже еще ребенок, какой с него спрос? А родители ухом не ведут!

— Мама, ну все в порядке. Анализы все сделаны, они отличные.

— При чем тут анализы! Что, роды от анализов зависят? Не так повернется плод, запутается в пуповине! Наконец, инфекцию могут занести!

— Какая инфекция, мама? Это лучшая московская больница!

— Вот именно что *московская*! Как будто ты не знаешь наше здравоохранение! Все развалено, врачей нет, технике сто лет в обед, лекарства не закупаются!

— Успокойся, мама. Всё там есть. Там эта... Ну как ее? Аниной подруги племянница... Ну ты знаешь, она полгода назад родила...

— Что ты мне объясняешь! Я прекрасно помню, что эта Зоя («Да-да, точно! Зоя!») вам туда рекомендовала и что у ее племянницы все сошло благополучно. Но ведь тут — теория вероятности. У той — благополучно, та, может быть, спортсменка, за городом живет, на свежем воздухе, воду, может быть, чистую пьет, витаминами питается. А Лена? Сидит на вашей загазованной Варшавке, спортом не занимается. Что там может быть хорошего?

— Мама, она ходила на специальные занятия. Я ей нашел группу. Вадик купил абонемент.

(Кстати, абонемент действительно был куплен, хорошо еще, что не очень дорого стоил, хотя денег все равно жалко. Не в смысле *жалко*, а что впустую. А так-то — чего уж...)

— Ой, только не надо мне рассказывать, как она ходила. Ну, может, была там пару раз...

— Она и дома занималась... И фрукты я все время покупал... Вадик даже из фильтра ей воду не давал, в баллонах приносил...

— Митя, хватит болтать попусту. Если тебе твоя дочка безразлична, так и скажи...

Пауза.

— Мама...

— Тише, не кричи... — Пауза. — Ой, у меня от вас от всех давление... Я чувствую, прямо горю вся. Ладно, сделайте что хотите, твоя дочка, твоя внучка...

Она дала отбой, а Дмитрий Михайлович погрузился в новые пучины ужаса. До сих пор он волновался за неродившуюся внучку (а они знали, что там девочка — УЗИ трижды показало), но слова Ларисы Сергеевны о возможной инфекции родили в его воображении картины еще более ужасные: вот Леночка лежит, неподвижная, со скрещенными руками, вот Вадик рыдает, вот Аня, обе их мамы, Юрина Таня — все в черных платках, они с Юрой в темных костюмах... Тут же старший внук Сережа вертит головой, ничего не понимает; да и что можно понять в три годика от роду? А Лена — такая красивая, такая спокойная, внезапно повзрослевшая, ручки на груди... Да, по сравнению с этим *раненый олень* — ерунда.

Он потряс головой: вот бред! С чего бы? Все будет нормально. Ну да, с маленьким — оно конечно, все может быть... Но с Леной...

И какая из нее, в сущности, мать? Что она может? Ребенок! Он буквально вчера только учил с ней «Уж небо осенью дышало, / Уж реже солнышко блистало...» Ну как там: сперва *солнышко*, потом *небо* или наоборот? Неважно.

С этими стихами произошла одна из их любимых семейных историй. Лена ни в какую не хотела их учить. Уже и Аня ругалась, и даже Юра вмешался на правах старшего брата — все без толку! И только он, Дмитрий Михайлович, понял, что если она так яростно сопротивляется, значит, неспроста, не из одного же упрямства. Начал с ней говорить, так-сяк, она молчит. И все-таки он от нее добился: «Не хочу про змей». Какие змеи?! Где? У Пушкина? Слово за слово — выяснилось, чего она боится: «Уж небо... Уж реже...» Конечно, он не удержался от смеха. А потом объяснил, что это не про *ужей*, а — то же самое, что *уже*. И ведь никто не понял, что ее напугало! Один отец Леночку всегда понимал. Они часто этот случай вспоминали, смеялись. Доведется ли еще посмеяться с ней вместе?

Или как в кино ходили — на Дисней, на наши мультики... Какое было счастье: вдвоем, на ранний сеанс. Иногда с Юрой втроем. А Аня — ни в какую: «Еще и в выходной рано вставать!» Она даже не понимает, какой это кайф. Вот — «мать!» Что ж удивляться всему остальному? А ведь он еще представлял, как через несколько лет пойдет с маленькой — в кино, на елку, в театр на утренник... Какое там! Хоть бы Леночка жива осталась!..

Керуки/злодеем в этом номере был как раз Ли Фумонг со своей рокировкой конечностей. Все было переведено довольно нормально. Только вот Пласхауз Тоня написала как Плюшоуз. В первый раз он сам прочел Plushouse именно так, и понадобилось зайти на официальный сайт игрушек, чтобы понять, что *s* и *h* надо читать не как *ш*, а отдельно, тогда и *хауз* прочтется. Конечно, вместо *Плас* лучше бы — по-русски *Плюс*, но тут изменить ничего было нельзя: во всех игрушечных магазинах страны уже несколько месяцев продавался набор «Битва за Пласхауз». Дмитрий Михайлович отметил на листочке, что надо будет объяснить Тоне на будущее, как это слово переводится. Можно было бы сразу написать, но вдруг еще встретится что-то такое, что же ее бомбардировать отдельными мэйлами?

Ого, оказывается, у этого Ли Фумонга есть брат! Пу Фумонг. Точнее, был. Или все-таки есть? Короче, он призрак, который может материализоваться раз в год на сутки, а остальное время — шпионит для брательника. Хорошая компания!

Рингтон мгновенно вернул его с небес на землю. Но, разумеется, не на залитый ярким солнцем берег италийского моря, для которого эта мелодия была предназначе-

на, а в предвечернюю Москву, в которой где-то, в палате, залитой ярким искусственным светом, страдала его дочь.

Это снова была Аня. И по-прежнему никаких новостей. Разве что...

— Схватки стали чаще. Значит, уже скоро.

(И это *скоро* обрушилось на него так же, как утром — *сегодня*. Как ни страшно было все, что происходило до сих пор, но еще ничего не было окончательно, все было впереди. Надежда в любом случае предпочтительней, чем... И сразу поймал себя на эгоистической мысли: он что, предпочел бы, чтоб *это* тянулось и тянулось? «Что ж это я? О себе только думаю, чтоб мне было уютно со своей надеждой, а она ведь все это время бы мучилась». Дмитрий Михайлович так подумал это *бы*, словно от его желания или нежелания что-то зависело.

К счастью, от него уже теперь ничего не зависело. В отличие, кстати, от того времени, когда можно было настоять на кесаревом или, еще раньше, заставить ее делать упражнения.)

— Ты долго еще? — спросила Аня.

— Да нет. Должны были сегодня сдавать «Пионеров», но отложилось. Так что ровно в шесть двину. Все равно голова не работает.

— А что такое? Почему отложилось? Какие-то неприятности?

— Ну о чем ты говоришь! При чем тут неприятности! Никаких неприятностей! Просто...

И тут до него дошел смысл ее слов:

— погоди! Что значит «схватки чаще»? Откуда ты знаешь?

— Да от Лenoчки же.

— Ничего не понимаю. Почему у нее там телефон? Это же полная антисанитария!

— Ну что ты волнуешься? Раз можно, значит, можно. Она, наверно, еще не в родилке.

— Ах, не в... Ну понятно. Ладно, пока.

— Пока!

— Эй, погоди!

Какое там! Вот так всегда: не дослушает — «Пока» — и сразу отбой. Набрал ее номер.

— Але!

— Что ты сразу бросаешь?

— Мы же попрощались.

— Ладно, неважно. Слушай. Я через час где-то поеду. В метро может связи не быть.

Если что — ты мне не звони, а сразу эсэмэску. Понятно?

— Понятно.

— А если вдруг до шести — тогда звони.

— Ясно, ясно.

Вернулся к братьям Фумонг. Надо же, сколько у них на совести преступлений! И космолет «Заря Байдингара» они торпедировали. И базу пионеров в туманности Хломиона взорвали. И Джека Пиллоуна в симпернаталевый лед замуровали на девять лет, пока друзья его не освободили. А чего стоит порабощение всей поголовно расы шашмеков? (Здесь не говорилось, но Дмитрий-то Михайлович знал, что все же одной из шашмечанок, Габилее, удалось избежать плена, позже она примкнула к Пионерам-бумси, блестяще освоила их боевые приемы и стала одной... нет, одним — из самых непримиримых бойцов с Пиратами-керуки.) Мало того, что скаредные братья продали несчастных шашмеков вселенским работоторговцам капитана Дюггера, они еще, когда тот вывез бедняг с их родины, превратили опустевшую Шашмею — целую планету! — в полигон для испытания бюкратического оружия...

(Смешно: сперва прочел: «бюрократического». И тут же одернул себя: «Смешно ему! Ну еще повеселись! Посмейся! Пойди, со всеми этой хохмой поделись! Там Леночка... Схватки... Раненый олень... А ему — *смешно!*»)

История с шашмеками отняла довольно много времени: каждое слово надо было проверить. А в сети кто так пишет, кто — сяк. Хорошо, если название есть на официальном сайте. А если нет, то надо самому выбрать, какой перевод больше соответствует. Да еще и непонятно, чему он должен соответствовать. Конечно, в обычное время можно мультик посмотреть. Как там произносят — это уже все, точка. У детей именно это на слуху. Но сегодня он был не в силах надевать наушники и наслаждаться задорной анимацией.

Посмотрел на часы. Ну, можно выключать комп. Пока в туалет сходишь, пока что — вот и шесть будет. Но тут...

— Дим, Дим! Они утвердили!

Катя. Он не сразу понял:

— Что? Кто?

— Представляешь? Видно, как Линда пришла на работу... Там у них сейчас сколько? Восемь или девять часов разницы? Ну неважно. Как раз рабочий день только начался. Ну, я, правда, в письме ее о-о-очень просила не затягивать. Она сразу и ответила. Посмотрела и ответила. Так что сдаемся!

Ну вот. Уход откладывается. Файл часа два может отписываться. Ладно, что делать? Все равно он ничем Леночке помочь не может.

— Жанн, когда отпишется, ты мне сразу скажи.

— Да понятно. Мне тоже неохота тут до ночи сидеть.

Нет, пионерами заниматься он сейчас не будет. Все. Рабочий день кончился. Он сидит, ждет — файл перед типографией проверить. И имеет полное моральное право лазать по Интернету, коротая время. Полное. Моральное.

Он и лазал. Новости, анекдоты, сам что-то прокомментировал, на чужой коммент ответил. И все это — руками, руками. Потому что в голове — схватки (да не бумсийско-керукианские, а Леночкины), ее аллергия, слабые мышцы, его собственная вина в том, что они такие слабые, упущенная возможность сделать кесарево, и снова — он, он главный виновник!..

— Жанн, ну как там дела?

— Сорок семь процентов отписалось.

Во рту пересохло, выгреб из кошелька горсть мелочи и пошел за кофе.

Снова автомат, монетки — по одной в щель, «Ждите. Напиток готовится» — «Напиток готов. Возьмите стакан».

Взял. Пошел к своему столу.

— Дим, у тебя что-то телефон звякал. Наверно, сообщение.

«Черт, стоит отойти на минутку!..»

Он смотрел на экран и не верил собственным глазам:

«В 18:23. 3 кг 890. 52 см».

Перечитал. И стал искать в списке Аню. Тьфу, что искать? Последний же разговор с ней был, вот он. Нажал.

— Дима! Поздравляю! Ты не в метро?

— Нет. Ну что? Как? И я тебя!

— Все нормально. Я говорила с Маревич. Она говорит, Леночка умничка. Все естественно прошло. Без уколов. В смысле, обезболивания. Потому что это... В общем, лучше всего. И для нее, и для маленького. Только в самом конце разрезала.

— Как разрезала?

— Ну чтоб разрывов не было.

— А-а-а!

— Она просила не звонить ей. В смысле, Леночке. Ей уже после родов дали снотворное.

— Так а ребенок?

— Отличный! Погоди!..

Отбой. Дмитрий Михайлович не понял, что произошло, и тут же услышал звук сообщения. Открыл — фотография.

На экране ладони в резиновых перчатках держали крошечное... Нет, не существо даже, а нечто безжизненное, висевшее, как марионетка без ниток. Все в пятнах... Это же кровь! А это? Господи, пуповина!

Зазвонил телефон.

— Что это?

Аня смеялась. Повторил:

— Что это?

— Не что, а кто.

— Ну я понимаю. А кто снимал?

— Да сама же Маревич! А руки, наверно, акушерки, санитарки, я не знаю.

— Как-то она висит...

— Ну она же только родилась. Ты пуповину-то видел?

— Да уж... Слушай, маме позвони, а? А то мне с работы неудобно.

— Ладно.

Он дал отбой и тут только, подняв голову, заметил, что около его стола стоят полукругом Жанна, Алла, третья верстальщица Даша, Тамара, Катя, три коллеги-редактора: Люба, Зина и Витя, Лера из распространения и еще четыре женщины, чьих имен он не помнил.

Все разом загалдели. На шум выскочил из своего закутка Олег. Он тоже не уходил, чтоб сразу, как файл будет готов, отправить его в типографию.

— Что за шум, а драки нету? — спросил Олег.

— Дима стал дедом, — ответили ему.

— Второй раз, — гордо уточнил Дмитрий Михайлович.

— Ну беги за бутылкой, — пошутил Олег.

— Завтра отметим, — всерьез ответил Дмитрий Михайлович.

Где-то в электронных глубинах компьютерного мозга продолжал собираться очередной номер журнала «Пионеры-бумси», на страницах которого вели непримиримую борьбу силы вселенского добра и не менее глобального зла. А его создатель сидел в окружении коллег и блаженно улыбался.

— Ну ты, Дим, даешь, — говорили коллеги. — Тихушник такой! Никому ни слова. И сам спокойный, как будто ничего не происходит.

— А что? Я должен был бегать, кричать всем: «Лена рождает! Лена рождает!» — так, что ли?

— Нет, но хотя бы волновался как-то. Сидит себе, правку вносит. Штирлиц прямо какой-то. Характер нордический, выдержанный.

— А что мне было волноваться? Все под контролем.

— Ну как все прошло-то?

— Отлично! Леночка молодцом держалась, эсэмэски слала, буквально репортаж вела с места, как говорится, событий.

Все повосхищались этим обстоятельством. И снова — Дмитрием Михайловичем. Но он опять скромно перевел разговор:

— Да все молодцы. Мамы, правда, моя и Анина, в смысле, бабушки, то есть прабабушки, психовали. Ну возраст, понятно. А остальные... Вадик ее отвел, еще погулял с ней перед тем, как все началось. Аня вообще с самого начала все контролировала, анализы, всякое такое. Врача нашла...

— Что за врач? — заинтересовались коллеги. — Хорошая? Если что, дашь координаты?

— Какое там «хорошая»! Фантастическая! Мы, например, сначала волновались, что Вадик длинный, а Леночка — ну вы знаете. И районная гинекология — тоже. Но она сразу сказала: «Это роли не играет». А то, как она ее *вела*, — это что-то невообразимое. Буквально ювелирная работа! Она отслеживала Леночкину... ну эту...

— Беременность, — подсказали дамы.

— Ну да. Она ее отслеживала буквально не по дням даже, а по часам. Знаете, как мы в школе учили: «Сегодня рано, послезавтра будет поздно». «Подождем... Подождем... Подождем...» Две недели... Неделю... Три дня... И потом — как снайпер в яблочко — минута в минуту, в самый идеальный момент! — поковыряла... ну, вы понимаете. И пошло-поехало. Все причем естественным путем, без уколов, без обезболивания! Это и для нее самой, и для малыша лучше всего.

— Порвалась? — участливо спросили дамы.

— Какое! Надрезала, все как по нотам.

— Ну знаешь, ноты нотами, а в этом деле все может быть. Никогда не узнаешь заранее. Как не волноваться?

— Ну не знаю, кто как. А я вот просто знал, что иначе быть не может.

Он с гордостью за свои проникательность и самообладание оглядел Олега, трех верстальщиц, трех редакторов, Тамару, Катю, Леру из распространения, четырех женщин, чьих имен он не помнил, и вдруг заметил за их спинами... Да это же отважный Роджер К. Макнауэлл! И с ним — задорный Джек Пиллоун, прекрасная Ми Чан, бесстрашная Габилея, а сбоку от них — коварные братья Ли и Пу Фумонги со злобным капитаном Дюггером, а еще дальше — десятки пионеров и пиратов и миллионы обитателей Бумсиландии, принадлежащие разным расам и даже биологическим видам. Вне зависимости от происхождения и моральных качеств, предписанных им буйной фантазией создателей, все они радовались появлению на свет будущего читателя, зрителя и разгадывателя пусть и не сложных, но все же каких-никаких головоломок.

УЖ ПОЛНОЧЬ БЛИЗИЛАСЬ

Вот именно, как в той опере поется: «Уж полночь близится, а Гремينا все нет». Ну или, там, Гельмана, что-то в таком роде. Хотя про Гельмана вряд ли оперу напишут.

Тут можно бы блеснуть знанием устного народного творчества. Мол, как раз про Гельмана *оперу* и стоило бы написать. Кто понял — понял, кто не понял — проехали. Тем паче шуточка с душком опять же вышла. А мы выше этого.

И вообще, тут не в личности дело. А именно что в полночи. Точнее — в том, что она близилась.

Короче. Где-то в половине двенадцатого в квартире Гусевых зазвонил телефон. Им вообще иногда звонили друзья-полуночники, так что сам факт позднего звонка не вызвал волнения, как говорится, в рядах. Точнее, *не вызвал бы*, если бы позвонили на мобильник. А то в последнее время на городской если и звонили, то по большей

части или что-то предлагали или с опросом каким-то. Ну перед выборами еще напоминали, чтоб не забыть про гражданский долг. А тут — так поздно и по городскому.

Тем не менее хозяин дома взял трубку совершенно спокойно.

— Але?

— Лев Григорьевич Гусев? — спросил мужской голос.

— Георгиевич, если быть точным.

«Наверно, какая-то служба типа *Вы сейчас смотрите телевизор? А какой канал и т. п.*?»

— Извините, — безразличным тоном извинился голос. — Вы владелец «хюндай-солярис»...

Далее прозвучал госномер гусевского «хюндая», которого мы не сообщаем, дабы... Ну, в общем, не сообщаем, и все. Тайна личной жизни. Типа. Как бы.

— Да, — ответил Лев Георгиевич, смекнувший уже, что несколько ошибся в определении *службы*, и в его голосе появился некоторый трепет.

Зафиксировав изменение мужчиной интонации, Галина Андреевна, соответственно, Гусьева устремила на него, правда молча, вопрошающий взор. А он поднял брови и одновременно опустил углы рта (что означало *понятия не имею*) и пожал плечами.

— Ваш автомобиль стоит во дворе дома...

Адреса Гусевых мы тоже не будем приводить.

— Ну, еще два часа назад он был там, — попытался пошутить Лев Георгиевич.

Впрочем, какие уж тут шутки? В лучшем случае кто-то спяну, а то и стрезву *задел* его машину, а в худшем... Предел худшести не поддавался обозрению.

— Вы сейчас дома?

— Разумеется, — все с той же неуместной игривостью ответил хозяин «соляри-са». — А с кем имею честь?..

— СтаршленантДэПэЭсБрбрбр, — невнятно представился голос; впрочем, «ДПС» он произнес четко. — Мы сейчас стоим около вашей машины. Вы забыли поднять стекло. Выйдите, пожалуйста.

Дальнейшее походило на сон. Лев Георгиевич взял ключи от машины, обулся, спустился во двор и действительно увидел около своей *ласточки* патрульный автомобиль и рядом — двух дорожных полицейских. Стекло и правда было опущено.

Пока незадачливый автовладелец производил необходимые манипуляции, СтаршленантДэПэЭсБрбрбр назидательно и в то же время ласково, как-то по-отечески (хотя он и годился ему в сыновья) объяснял, что не следует быть таким легкомысленным, что эта марка одна из наиболее угоняемых и что вообще «мало ли какие дураки бывают: пройдет, увидит, что окно открыто, да и бросит окурков, всяко бывает».

Лев Георгиевич чувствовал себя очень неловко. Ему хотелось как-то отблагодарить ребят, но он не знал, как это сделать ловчее. Он множество раз за свою автолюбительскую жизнь *благодарил* дорожных полицейских, или, как он их звал по старинке, гаишников. Но не станешь же вот так, во дворе, совать деньги. Да и не захватил он кошелька. И не возьмут они. Вон они какие: ездят по району, следят за порядком, нерадивых автомобилистов наставляют на *правильный путь* (что в определенном смысле их прямая обязанность). И конечно же, они ничего общего не имеют с теми нечистыми на руку коллегами, которые или напрямую вымогали у него мзду («Думайте, вам думать надо, не нам! Но помните: скупой платит дважды...»), или с лицемерной скромностью соглашались на его уговоры *решить все на месте*. Нет, эти — были совсем другие, и сама мысль что-то *предлагать* казалась нелепой. Хотя смотря что. Если деньги, это конечно, а если...

И он сказал, не придумав ничего лучше:

— Ребят, может, подниметесь? Чайку, то-се...

И тут же отругал себя за «то-се». Ну, какое может быть то-се! Чайку — и точка.

Полицейские засмеялись:

— Что вы! Спасибо. Мы на службе.

И хотя он пробубнил еще что-то невразумительное, мол, я же не в том смысле, они как-то покровительственно пожали ему руку, старлей Брбрбр еще раз посоветовал быть внимательней, и на том они расстались.

Патрульная машина поползла по двору со скоростью, необходимой, чтобы не упустить ничего важного, а обескураженный Лев Георгиевич остался на месте, забыв погасить ненужную уже улыбку.

Галину Андреевну, которой он все подробно рассказал, вернувшись домой, эта история поразила не меньше, чем ее мужа.

Хотя, тихо-тихо, был уже первый час, он снова включил компьютер, выключенный незадолго до исторического звонка, вошел в фейсбук и описал то, что с ним произошло, хотя и более кратко, чем жене, но зато с использованием таких изящных оборотов, как «к моему вящему изумлению» и «вопреки досужему мнению».

Проснувшись, Лев Георгиевич первым делом побежал посмотреть, как отреагировал народ на его *пост*. Народ реагировал довольно странно. Комментария не было ни единого. *Лайков* — всего два: от сестры и школьного друга (при том, что всего у общительного Льва Георгиевича было около полутора сотен *френдов*), зато количество *публикаций* равнялось семнадцати. Никогда ни одно его сообщение не перепубликовалось даже примерно столько раз: самое большее было — трижды, и до сих пор он считал это тем максимумом, на который способны его реальные и виртуальные друзья. А тут — прописью! — семнадцать.

Побежав по *репостам*, Лев Георгиевич изумился еще сильнее. Там картина оказалась совершенно иной. Огромное число *комментов*, причем все без исключения — в диапазоне от раздраженно-ироничных до таких, где слова *су...* (*сцу...*) и *б...* использовались как применительно к личности автора сообщения, так и в качестве междометий, а уж о прилагательных и говорить нечего, и тем более — о глаголах.

Большинство комментаторов попросту не поверили в эту, как написал один из них, голимую туфту. Поверивших возмущал сам факт какой бы то ни было похвалы в адрес дорожной полиции. В неприязни к ней сходились и те, кто скептически относился к властям как таковым, и те, кто *в целом* был им лоялен. В смысле: в целом — да, но вот что касается дорожной полиции, в сущности, тоже относящейся к власти, — ее они считали способной только и исключительно наживаться на *участниках дорожного движения*.

Некто *Igor Igorevitch* даже сочинил целый детектив для объяснения необъяснимого. По его версии выходило, что в шкафу Гусевых прятался любовник жены, который позвонил по мобильнику своему приятелю-*гайцу* и попросил отвлечь мужа; и Льву Георгиевичу, мол, еще повезло, что он действительно забыл поднять стекло, иначе *эти бандиты* просто это самое стекло разбили бы или, там, шину прокололи, а потом вызвали его: мол, вот какая неприятность у вас вышла.

И уж во что совершенно никто не верил, так это — что дело обошлось без денег. С точностью до: обошлось *бы* без денег, *если бы* в этом была хоть капля правды.

В некоторых обсуждениях дискуссия, слово за слово, ушла далеко от исходной темы, и там шли схватки за и против каких-то идей в области общей политики, музыки и сельского хозяйства. Принцип перехода от инцидента с гусевским «хюндаем» к, например, проблемам новейшей истории был прост: кто-то сообщал, что при Сталине

милиция взятку не брала; другой подхватывал, что тогда вообще можно было машину оставить открытой и никто бы на нее не покусился; на это им отвечали: первому — что энкавэдэшники («а никакая не милиция, к вашему сведению»), между прочим, тогда тоже среди ночи приезжали к гражданам, но совсем по другим поводам и что, мол, уж пусть лучше взятки берут, чем убивают, а второму — что недурно бы вспомнить, что тогда вообще у простых граждан своих машин не было; ну и пошло-поехало.

Но во всех случаях, о чем бы люди ни спорили, виноватым в том заряде ненависти, который они исторгали друг на друга, был, конечно же, первоисточник спора. То есть злосчастный Лев Георгиевич.

Лишь в одном случае дискуссия пошла по миролюбивому руслу — там, где разговор таинственным образом переключился на кулинарию. Но и тут Лев Георгиевич не мог чувствовать себя миротворцем, так как уж очень далеко было то, о чем он написал, от маринования мяса для шашлыка.

Он несколько раз начинал писать свой собственный комментарий, чтобы объяснить, что все было именно так, как он описал, и что вообще просто хотел поделиться случаем, произошедшим с ним, и не ставил перед собой никаких целей общего характера, ни про-, ни антиправительственных, ни каких-то еще. Но каждый раз, написав несколько слов, стирал их: глупо было оправдываться в том, в чем не виноват, да и если тогда не поверили, с какой стати поверят сейчас?

На работу Лев Георгиевич на машине не ездил: так выходило спокойней, да и быстрее.

Читая в вагоне метро газету, купленную в киоске у входа, он отвлекся от своих мыслей и если и вспоминал о ночном звонке, то только в том смысле, что, мол, собирался рассказать о нем на работе, но раз люди на это так *болезненно* реагируют, то *и бог с ним*.

Однако отмолчаться не удалось.

Первым, кого встретил Лев Георгиевич в коридоре их офиса, был Толя Ушкуев. Увидев его, Толя расплылся в улыбке и почти закричал:

— А, писатель! Ну ты даешь! Ну, Лев, не ожидал. Прямо не Лев, а Лев Толстой какой-то! Здорово придумал. Респект и уважуха! Фантазия у тебя!

Лев Георгиевич попытался объяснить, что все так и было, но Толя похлопал его — почему-то не по плечу, а по животу — и хохотнул:

— Ладно-ладно, пусть так и будет. Если ты так хочешь.

И повторил, уже почти вслед ему:

— Писа-атель!

Это оказалось самым благожелательным мнением. Например, Вова Струичкин при встрече прошел, вообще не поздоровавшись, а когда Лев Георгиевич растерянно сказал ему вслед: «Привет, Вов...», не оглядываясь, как-то вяло поднял руку, то ли в качестве символа приветствия, то ли брезгливо отмахиваясь.

Такое отношение Вовы по-настоящему огорчило Льва Георгиевича. Они были довольно близки, во всяком случае, настолько, насколько можно быть близким с коллегой, не переходя к дружбе *семьями*. Не раз они вели вполне душевные беседы, касавшиеся и личных проблем, и отношений с начальством, и более общих вещей, от спорта до международной и внутренней политики. Поэтому сев за стол и включив компьютер, Лев Георгиевич первым делом вошел в почту и написал письмо с коротким текстом: «Привет, Вова! Что-то не так?» И добавил смайлик, изображающий круглую рожицу с поднятыми и слегка разведенными ручками — знак недоумения.

Ответа не последовало. Лев Георгиевич занялся своими рабочими делами и вскоре переписка с контрагентами, проверка пунктов присланных ими договоров и калькуляций совершенно заняли его сознание.

Часа через полтора появился Вовин ответ, еще более лаконичный, чем вопрос: «Со стукачами не общаюсь». И, разумеется, никакого смайлика, даже самого злобно-негативного, который предполагал бы готовность ругаться, но хоть с каким-то оттенком игривости. Нет, все всерьез, без оттенков. По-взрослому.

Вообще, многие сотрудники повели себя странно. Один остановил Льва Георгиевича на пороге туалета, взял за рукав и отрезал (не рукав, конечно, а — словами):

— И даже не говори мне про ГАИ! Я про них такое знаю, что тебе и не снилось, — так, будто они давно беседуют и он отвечает на только что произнесенную реплику Гусьева.

Самое интересное, что, хотя они были знакомы уже не первый год, Лев Георгиевич разговаривал с ним, кажется, впервые. Если, конечно, это можно считать разговором.

Другие высказывались более связно, но все — столь же неприязненно.

Приблизилось время обеда, но никто не окликнул Льва Георгиевича, как обычно, фразой вроде: «Ну ты как, Лева, созрел?» У них в офисе не было фиксированного перерыва, и в ответ на такой призыв могло прозвучать: «Да нет, мне еще надо тут кое-что дописать». И даже часто звали, отлично видя, что человек занят, но просто чтоб продемонстрировать, что *хотели бы* обедать в его обществе. А в этот раз... Ну, собственно, так оно и было — *не* хотели.

Лев Георгиевич не стал навязываться, а, наоборот, углубился в работу, чтоб схлынула основная волна обедающих. Его расчет оправдался. Войдя в кофе-рум (так называлось место для принятия пищи, либо принесенной из дома, либо купленной в ближайшем универсаме), он увидел три свободных стола и с облегчением сел за один из них.

Примерно в половине пятого зазвонил мобильник. Лев Георгиевич глянул на экран — номер был ему неизвестен.

— Слушаю, — с неожиданной для самого себя усталостью сказал он.

— Лев Григорьевич Гусьев?

(Ну хоть фамилию правильно произнесла — голос был женским.)

Лев Георгиевич уточнил отчество.

— Очень приятно. А я Оксана Подпевка.

Это было сказано так, будто он должен был знать ее фамилию. Поняв по отсутствию удивленно-радостной реакции, что это не так, Оксана уточнила:

— С ЭТВ.

(А, ну теперь ясно. Он не смотрел ЭТВ, он вообще мало смотрел телевизор.)

— Очень приятно, — откликнулся он.

— Вы можете быть у нас через час?

— Где это?

— Ну в Останкино, — слегка обиделась она: незнание ее лично журналистка еще могла простить, но не понимать, что ЭТВ может находиться только в главном телевизионном здании страны, — это было уж слишком.

Впрочем, сейчас было не до обид. И она повторила:

— Через час.

— Нет, вы знаете... — начал было он, но потом спохватился: — А в чем, вообще, дело? Может, вы меня с кем-то путаете?

— Да нет, что вы! Мы никогда ничего не путаем, — засмеялась она. — Так когда вас ждать?

— Я до шести работаю. Так что... Две пересадки... В общем, раньше чем в полвосьмого, ну в четверть, — никак.

— Нет, нас это не устраивает. Мы и так к вечерним новостям не успеваем... Знаете что? Я к вам подошло оператора. А может, и сама подъеду.

Он несколько опешил от такого напора, тем более что все еще не был уверен, что его ни с кем не путают.

— Погодите! Куда подъедете?

Она правильно назвала адрес его работы.

— Но у нас пропускная система...

— Ну выйти-то на пару минут вы сможете? Мы прямо на улице и снимем. Даже лучше. Живее. В общем, будем подъезжать — позвоним.

Минут пять Лев Георгиевич сидел, не зная, за что браться. Цифры калькуляции, казалось, разбегаются от его взгляда в разные стороны. Да и буквы вели себя не намного лучше, вроде бы собираясь в слова, но не передавая их смысла.

Лев Георгиевич вздохнул и пошел к кабинету Винравова.

— Свободен? — спросил он у Танечки и мотнул головой в сторону закрытой двери.

— Вроде никого нет, сейчас спрошу.

Танечка скользнула в дверь и почти сразу вышла, на этот раз плавно, и сказала:

— Заходите!

Борис Максимович Винравов, конечно, не был *слугой царю*, да и царя нынче в России, как известно, не сыщешь. Но зато *отцом солдату* его вполне можно было назвать. Он не только требовал от подчиненных, но и был в курсе их жизни, может быть, не до самых интимных подробностей, но в целом представлял, что кого беспокоит.

Несмотря на Танечкино приглашение, Лев Георгиевич, войдя, спросил:

— Можно?

— Нужно, — довольно хмуро ответил Винравов.

Лев Георгиевич подошел к столу и начал:

— Борис, я...

Они давно работали вместе, и обходились без отчества.

— Погоди!

Лев Георгиевич замолчал.

— Хорошо, что сам зашел. Я хотел тебя вызвать. Что там у тебя за хреномундия с ГАИ? Весь день никто не работает, все только твои дела обсуждают.

— Да ничего особенного. То есть... Вообще ничего.

И он очень коротко изложил все, что произошло накануне вечером или, как говорили в старину, вечер. Впрочем, используя уныло-информативное *вчера вечером* вместо игриво-претенциозного *вечер*, сам Лев Георгиевич невольно выразил сомнение в том, что действительно ничего особенного не случилось. Почувствовал это и опытный руководитель:

— Ты, знаешь, мне тут не это самое! Если бы, как ты говоришь, *вообще ничего*, ты бы среди ночи не стал фейсбучить. Так-нет?

— Ну...

— Вот именно. «Ну». В общем, ты мне тут работу не срывай. Что хочешь делай, но чтоб эти разговоры прекратились. Нашел тоже о ком писать! Ведь соображать же надо! Гаишники — это же... Ну что я тебе рассказываю! Сам должен соображать, не мальчик.

— Да что я могу-то? Ведь как все было, так и... Ну, давайте я сотру свой *пост*.

Вообще-то Лев Георгиевич порой тоже говорил Борису Максимовичу *ты*. А порой — *вы*. В этот день была вторая *пора*, так что — *давайте*. Впрочем, это могло от-

носиться и к *вы* во множественном числе, включая и директора, и его подчиненных: мол, если всех вас это устроит, я и стереть могу.

Однако как раз директора это не устроило:

— Ну что ты дурачку валяешь?! Чтó ты сейчас удалишь? Это уже по всей сети разлетелось. Татьяна!

— Да? — слышалось из-за двери.

— Сколько там *перепостов*, ты мне сказала? Сорок восемь?

— Было — да. А сейчас уже пятьдесят два.

Вот уж чего не ожидал Лев Георгиевич — чтобы сам директор следил за его «популярностью». А что тому оставалось делать? От этого зависела рабочая атмосфера к подчиненному ему коллективе.

— Ну что же мне теперь-то?..

— Не знаю! — Винравов пристукнул ладонью по столу. — Сам заварил, сам и расхлебывай! Ну скажи, что пошутил... Я не знаю, что хотел... Черт его знает что! Что это ирония такая тонкая. Мол, вот как бы должны были бы вести себя полицейские. Бы. Ну, дорожные, в смысле. А они вместо этого...

— Но они же в самом деле...

— А мне насрать, чтó на самом деле! — рявкнул уже по-настоящему начальник. — Маленькие дети знают, что они только и делают, что взятки берут. А ты тут со своей правдой!.. Все, иди!

— Борис, я...

— Ах да, ты же за чем-то приходил. Что?

— Мне тут надо будет выйти... Ну я не знаю, на минутку буквально... Но я на всякий случай, вдруг затянется... Ну, я думаю, полчаса максимум.

— Что такое?

— А кстати!.. — сообразил Лев Георгиевич. — Может, даже и к лучшему. Понимаешь, мне тут позвонили с ЭТВ. Чего-то хотят подъехать — со мной поговорить. Вот я и скажу, что это была шутка. Ну, как ты говоришь, ирония.

Винравов глянул на него так, как смотрит учитель на записного двоечника, сумевшего даже человека, уверенного в его никчемности, поразить новой кульминацией тупости. Наконец он нашел в себе силы разомкнуть губы:

— Ты что, вообще ничего?.. Ни бум-бум? Ты вообще соображаешь, что говоришь? Я ему: «Прекрати разговоры эти», а он: «С ЭТВ поговорю»!

— Ну хорошо, хорошо. Я никуда не пойду!

Тон директора напугал Льва Георгиевича. Он никогда не слышал, чтобы тот так говорил. А общались они... Ну, больше десяти лет точно.

— Слушай, Лева, — продолжил Борис Максимович. — Ты это... Как себя чувствуешь-то?

— Ну понял, понял. Ну дурака свалял.

Кажется, эти слова немного успокоили начальника, и Лев Георгиевич как-то по-детски вышмыгнул из его кабинета.

Через двадцать минут позвонила Подпевка. Лев Георгиевич сказал:

— Ой, извините, я не мог вам перезвонить. Набираю номер, который высветился, а там какой-то коммутатор.

— Да, это рабочий телефон. А что? Выходите, мы через три минуты подъедем.

— Вот в том-то и дело. Я не смогу.

— Как? Мы к вам через весь город мудохаемся, а вы... Не валяйте дурака, выходите.

— Ну я же говорю: звонил, хотел предупредить...

— А что такое? Вы заболели?

— Нет... Понимаете... Работа срочная... Ну никак, одним словом.

— Лев Георгиевич, — она, как видно, уточнила его отчество, — вы вообще понимаете, что несете? Какая, к еб...м, работа?! Мы уже подъезжаем!

— Извините, я не могу. Ну изви...

Гудки в трубке пошли прежде, чем он договорил.

Лев Георгиевич откинулся на стуле. Уффф... Это был если не самый тяжелый разговор в его жизни, то уж точно один из самых неприятных. Но, слава богу, все позади...

Минут десять спустя подошла Танечка. Сама подошла, просим заметить, не по телефону позвонила!

— Лев Георгиевич, Борис Максимович велел вам сказать, чтоб вы шли.

— Куда? — не понял Лев Георгиевич.

— Ну... Куда вы хотели. Он разрешил типа.

Что ж, такова жизнь. Над директором, знать, есть генеральный директор. Да и над тем, похоже, тоже кто-то есть. И в данном случае имеется в виду не Бог.

Первым на выступление отца отреагировал Вадик, точнее, семья его жены, в которую он естественным образом входил.

Как выяснилось, в новостях ЭТВ был раздел, в котором ежедневно сообщалась какая-то новость не общественного значения, а касавшаяся частной жизни простых людей. *Простым человеком* в тот день оказался Лев Георгиевич Гусьев.

Новостей ЭТВ Гусьевы не смотрели (за исключением, разумеется, того одного выпуска). Зато их не пропускала бабушка Вадикиной жены. Она была дамой с широким кругозором, смотрела все информационные программы на всех доступных каналах и, увидев на экране знакомое лицо, сразу позвонила дочке, сватье Льва Георгиевича. Понятное дело, родня была в единодушном восторге от его появления на всероссийском экране. Только Дмитрий Михайлович, тещь Вадика, засомневался в том, что все было именно так, как рассказано. Он взял у зятя трубку и переспросил:

— Что, и вот так все точно было?

А когда Лев Георгиевич подтвердил, что все было в точности как он рассказал, хмыкнул:

— Надо же! А я думал, что-то вырезали.

Все-таки вот она, разница между действительно близким человеком и теми, кого воля слепого случая сделала твоими сослуживцами: подтвердишь ему, что так все и было, — он и отбросит прочь сомнения.

На работе, конечно, тоже узнали о выступлении их коллеги по телевидению. Однако страсти вчерашнего дня уже уступили место новым переживаниям, да и, в самом деле, работа есть работа, нельзя же вечно мусолить одно и то же, отвлекаясь от насущных проблем. Так что опасения Винравова, что казус, произошедший со Львом Георгиевичем, роковым образом скажется на производительности труда, не оправдались.

Зато у самого Льва Георгиевича началась совершенно новая жизнь. Он стал чем-то вроде эталона *нашего простого человека*. Точнее, даже так: он стал Нашим простым человеком — с большой буквы. Не в смысле — Человеком с большой буквы. Точнее, это — само собой, иначе его бы не стали всюду приглашать и всем показывать, а с большой буквы — все целиком название этого персонажа, можно даже в одно слово — Нашпростойчеловек!

Оказалось, что Нашпростой человек нужен везде: в теле- и радиопередачах, в каких-то дискуссиях, на общественных форумах, а уж на церемониях открытий-закрытий и прочих презентациях — так это всенепременно. Лев Георгиевич и не подозревал, что в Москве постоянно происходит такое количество событий эпохальной важности. И пусть даже степень эпохальности каждого конкретного мероприятия несколько преувеличивалась выступавшими (что совершенно естественно и иначе и быть не может), все равно картина бурной и громокипящей общественной жизни, открывшаяся взору Гусевых, потрясла воображение. Мы не случайно использовали здесь множественное число их фамилии, потому что значительная часть приглашений была на два лица.

Порой от Льва Георгиевича требовалось только присутствие, но нередко приходилось и выступать. Нет, не с речью или хотя бы коротким спичем в официальной программе. Официоз — дело людей особых, в смысле, непростых. А Нашего простого человека наугад выхватывали из толпы и просили сказать несколько слов о впечатлении, которое... Ну и так далее.

Поначалу Лев Георгиевич опасался, что ему придется втянуться в политическую жизнь. Хотя он и считал себя законопослушным и вполне лояльным гражданином, но все-таки как нормальный здравомыслящий человек видел определенные недостатки в устройстве окружающей жизни и зачастую давал себе волю поворачивать в *их* адрес (под *ними* имелись в виду все, от кого зависело принятие более или менее серьезных решений в жизни города и даже страны). Такое ворчание не выходит за рамки *обычного* обывательского брюзжания и уже в силу этого должно быть присуще *нашему простому*. Тем не менее Лев Георгиевич прекрасно понимал, что не затем его приглашают, чтобы он высказывал недовольство тем, что на месте вчерашнего парка будет строиться торговый центр или, наоборот, на месте рыночка, удобного для жителей микрорайона, появится никому не нужный сквер с асфальтовыми дорожками, пластмассовыми скульптурами и тем же уличным загазованным воздухом. С другой стороны, было бы неловко кривить душой и петь дифирамбы подобным рокировкам торговых точек и мест отдыха или другим непонятно откуда взявшимся *их* решениям. И это еще что! А вдруг бы пришлось высказываться насчет каких-нибудь кандидатов в депутаты или, там, мэры, не говоря уж о... Ну, вы сами понимаете. Или о чем-то еще в этом роде?

Все это весьма настораживало нашего героя. Ключевое слово в последней фразе — «нашего», то есть героя *нашего* рассказа, а не *героя* в прямом смысле этого слова, какovým Лев Георгиевич отнюдь не являлся.

Однако опасения оказались напрасными. Про большую политику у Льва Георгиевича вообще никогда не спрашивали и на соответствующие митинги, съезды и форумы не приглашали. Очевидно, он попал в какой-то неведомый список (или, как еще принято говорить, обойму) Наших простых людей бытового плана, а уж существовали ли такие же обоймы политического направления, ему было неизвестно. Что касается не всегда удачных решений по улучшению жизни горожан, то и тут Льву Георгиевичу не пришлось кривить душой, потому что профессионалы-журналисты умело ставили вопросы так, что глупо было отвечать отрицательно. Например: «Как вы относитесь к тому, что у нас появится еще одно прекрасное место, где можно и *отовариться*, и отдохнуть?» А как к этому можно относиться? Или: «Что вы можете пожелать жителям Дворцово-Хижинова, получившим новое место для прогулок?» А что им можно пожелать?

Еще более серьезные опасения были у Льва Георгиевича в отношении его непосредственного начальства. Собственно говоря, даже не опасения, а уверенность, что общественная деятельность вызовет неодобрение руководства фирмы. Однако и тут

дело обернулось как нельзя лучше. То есть сперва недовольство было. Но как только физиономия Гусьева примелькалась на экране, интерес к нему проявил отдел рекламы и пиара, причем не только их ООО, а всего концерна, в которое это *ограниченное общество* входило. Лев Георгиевич стал непременным участником всех публичных мероприятий, организуемых концерном, которым придавало дополнительную солидность присутствие человека, которого «не помню где, но точно видел, не помнишь, кто это? — не соображу, но морда знакомая». Нередко он участвовал и в деловых переговорах. Собственно, это участие выражалось в безмолвном сидении, переводе глаз с одного говорящего на другого и движении бровями и губами, в общем, всем том, что классики называли *надуванием щек*. Разумеется, эффект от наличия Льва Георгиевича за столом не выражался в непосредственных уступках со стороны деловых партнеров или в чем-то столь же явном. Но они как-то начинали ощущать серьезность намерений *нашей* стороны, и дальнейшее обсуждение складывалось доброжелательно и в конечном счете к обоюдной выгоде. Правда, действовало это только на переговорах с соотечественниками: иностранцы естественным образом никак на присутствие Гусьева не реагировали.

Жизнь Льва Георгиевича стала интересной и полной событий. Как человек эмоциональный, он проникался радостью, насыщающей атмосферу праздников. А порой, хотя и реже, — торжественной скорбью событий печальных. Прежде он либо воспринимал окружающее, опираясь на свой, весьма ограниченный, опыт, либо видел мир через окошко блогов и чатов, в которых столь же приземленные субъекты делились своими неурядицами и сетовали на несовершенство как человечества в целом, так и отдельных его представителей. Но теперь ему довелось приобщиться к другой жизни — полной бодрой энергичности, неуклонного движения вперед, в которой что-то постоянно созидалось и менялось к лучшему.

Хотя случались и накладки. Вот как в тот раз.

В тот раз никто ни о чем Льва Георгиевича не предупредил, и он спокойно пошел на работу, зная, что сможет хотя бы отчасти выполнить ту часть трудовой деятельности, за которую, собственно, и получает зарплату.

Дел было, в самом деле, невпроворот. Одиннадцать таможенных деклараций — не шутка. Да еще каких! Ни одной стандартной, чтоб взять готовый образец, поменять адресата, название товара, сумму — и готово. Да еще языки какие-то все заковыристые. Только три договора надо было перевести с английского и два — с немецкого, а остальные... Самый простой — голландский. Нет, переводчики-то у них были. Но по-английски или немецки Лев Георгиевич и сам мог прочесть и, если что, подкорректировать перевод. А тут — по несколько фраз на контракт таких встречалось, что надо было вступать в переписку с переводчиком, уточняя и уточняя формулировку. Да и к своим коллегам было много вопросов...

В общем, с десяти до трех Лев Георгиевич был полностью погружен в тонкости таможенных перевозок. «Контракт, декларация, инвойс, с НДС, без НДС»... «Инвойс, декларация, контракт, без НДС, с НДС»... Снова «Инвойс»... Снова «Контракт»... Снова «НДС»... И бесконечные «... декларация... декларация... декларация...»

Только в полвторого перекусил, и то на скорую руку, не *рассиживаясь*.

А в три позвонил корреспондент:

— Лев Георгиевич?

Голос был незнакомый, и он ответил нейтральным:

— Я вас слушаю.

— Вы Лев Георгиевич?

— Да, да. Слушаю.

— Где вы?

— Как где... Я на работе.

— Какая, на х..., работа! Я вас жду на Круглом столе. Почему вас нет?!

— На каком еще Круглом столе?

— По ранней декларации!

О-па! Какая-то *ранняя декларация*, он и не слышал о такой.

— Что за «ранняя»...

— Лев Георгиевич, милый, что вы спрашиваете? Приезжайте — узнаете!

Выяснилось, что накануне должна была позвонить ассистентка. То ли она забыла, то ли не смогла дозвониться сразу, а потом закрутилась и... Правда, сама ассистентка твердо стояла на том, что именно дозвонилась и именно предупредила: в трубке слышался ее писклявый голос, невнятно бухтевший об этом.

Но что спорить впустую?

— Лев Георгиевич, я вас прошу, поскорее! Хватайте такси и — в Конгресс-центр, мы всё оплатим, — распорядился корреспондент.

Лев Георгиевич никогда не пользовался своим особым положением и каждый раз предупреждал начальника отдела Викторию Николаевну о своей отлучке и записывался в журнале для местных командировок. Да и Вика ему никогда не отказывала. На этот раз — тем более: он сказал о теме Круглого стола, и она тоже спросила:

— Что за ранние декларации?

И он ответил словами корреспондента:

— Вот как раз поеду — узнаю.

Так что все были довольны. Кроме, правда, тех сотрудников отдела, на чьи трудовые плечи легли семь договоров, недооформленных Львом Георгиевичем.

И он помчался.

Тут надо внести некоторое уточнение: Круглый стол проходил в рамках Международного форума по вопросам нравственного здоровья общества, и ни о каких декларациях там речь не шла, а посвящен он был *ранней дефлорации*, сиречь резкому снижению возраста, в котором девушки лишаются девственности. Корреспондент говорил из шумного холла Конгресс-центра, а пуще внешнего шума его речь заглушалась внутренним голосом, звучащим в голове Льва Георгиевича в течение предыдущих пяти часов. Вот и вышла такая неразбериха.

Ассистентка ждала у входа в Конгресс-центр с пропуском в руках. Льву Георгиевичу не пришлось диктовать ей свои паспортные данные, так как они давно были в ее списке. По мордочке девушки явно читалось, что она прекрасно помнит, что не дозвонилась, но он не стал ее добивать, понимая, что, даже если бы причиной была его рассеянность, все равно досталось бы ей: почему не проследила, не напомнила и так далее.

Наконец Лев Георгиевич оказался перед корреспондентом. Тот уже бил копытом, спеша закончить наконец съемку и приступить к монтажу сюжета о Круглом столе. Он торопливо установил Льва Георгиевича посреди коридора, так, чтобы на заднем плане мелькали какие-то *деятели*. Вокруг было довольно шумно, и Лев Георгиевич спросил, почти крича, чтобы быть услышанным:

— Может, найдем более тихое место?

На что корреспондент тоже прокричал:

— Ничего! Мне картинка нужна, чтоб было видно, где мы. А микрофон у меня специальный, он выхватит из шума ваш голос, так что не форсируйте, говорите спокойно.

Лев Георгиевич кивнул, и они начали *работать*.

— Позвольте вас спросить как, тысьзыть, простого человека: что лично вы думаете о столь распространившемся ныне явлении ранней дефлорации.

«...Декларации», — расслышал Лев Георгиевич и начал отвечать так, как он подна-торел за последние месяцы, веско и неторопливо:

— Ну, во-первых, позвольте вас чуточку поправить. Так уж получилось, что в дан-ном вопросе я могу выступить не как, тысьзыть, простой человек, а как профессионал: я уже более десяти лет занимаюсь разного рода декларациями...

Специальный микрофон, конечно, записал именно то, что он произнес, но это пред-стояло выяснить только по прибытии в студию. А пока корреспондент расслышал сквозь гомон Конгресс-центра то слово, которое несколько часов не сходило с уст участников Круглого стола, и его брови удивленно взлетели на лоб. Лев Георгиевич по-своему истолковал это удивление и улыбнулся:

— Да, бывают такие совпадения. Вы просто случайно попали на профессионала. И, кстати, я несколько удивлен, что вы говорите как об общераспространенном явлении о том, что для меня в каком-то смысле новость. Я, честно говоря, никогда не слышал такого термина — «ранняя декларация». Хотя, повторяю, уже ряд лет...

— Простите, — перебил его потрясенный корреспондент. — Вы хотите сказать, что профессионально занимаетесь... Этим?..

— Ну да. Вот только сегодня у меня по плану было одиннадцать штук. К сожалени-ю, я не со всеми успел разобраться. Добил, что называется, четвертую, а с остальны-ми попросил разобраться коллег.

— Одиннадцать за день?!

— А что вас удивляет? Бывает и больше.

— Вы их что, как-то технически?.. Потому что, так сказать, традиционным спосо-бом... Одиннадцать... Я не представляю!

— Ну конечно, не вручную же мы все делаем. Есть стандартные формы... Хотя, ко-нечно, в каждом конкретном случае надо учитывать свою специфику. Только вот что касается ранней... Я так понимаю, речь идет о предварительном оформлении?

— Ну, в каком-то смысле, можно и так сказать. Что вы думаете по этому поводу?

— Знаете, конечно, чем раньше начать, тем спокойней. Но слишком рано тоже ведь невозможно. Вы понимаете?

— Да, разумеется...

— Вот. Ну хотя бы надо иметь протокол о намерениях. Или что-то в этом роде.

Опять же, язык играет роль.

— Язык?!

— Ну да. В некоторых случаях могут быть нестыковки. Именно из-за языка.

Эротическое воображение корреспондента разыгралось настолько, что он зажму-рился. Он, как и Лев Георгиевич, всю первую половину дня слышал разговоры на од-ну и ту же тему и так же, как он, настолько погрузился в нее, что все воспринимал под соответствующим углом зрения. Только вот *углы* эти у них были разные.

— Да вам не нужны эти профессиональные тонкости, — успокоил его Лев Георг-иевич. — Вам достаточно понимать, что в нашем деле предварительные контакты, еще до оформления собственно декларации, — это сложный и очень тонкий процесс, в котором надо учесть каждую мелочь. А как говорится, где тонко, там и рвется.

Ну уж такого цинизма корреспондент вынести не мог. Он выключил микрофон и обернулся к ассистентке:

— Ты кого мне привела?

— Я? Что я? — У девушки на глаза навернулись слезы. — Я по базе смотрела.

Она перевернула несколько листов на блокноте:

— Вот. Сотрудник...

Тут они начали разбираться, кто такой Лев Георгиевич, сотрудник чего, чем занимается и куда его пригласили, и дело пусть не сразу, но прояснилось.

Отсмеявшись и снова став серьезными, они записали несколько фраз Льва Георгиевича о том, что падение морали приводит не только к психологическим, но и к чисто социальным проблемам и что «всем нам, в первую очередь людям старшего поколения, имеющим жизненный опыт и понимающим последствия тех или иных поступков, надо объединить свои усилия, чтобы...» Ну и так далее.

В общем, несмотря на небольшую накладку, мероприятие прошло успешно. А на следующий день Лев Георгиевич все рассказал Вике, и они, с одной стороны, посмеялись, а с другой — порадовались, что никаких неизвестных им новшеств в декларировании не введено.

Случались и неприятные моменты другого рода. Даже не то чтоб неприятные, а... Ну, в общем, все вроде как нормально, однако осадок какой-то остался.

Должны были выписывать из роддома Леночку, Вадика жену. То есть, конечно, не ее одну, а — с новорожденной Тоней. Вся семья готовилась, и Гусьевы, и Торошины, родители Лены. В два часа дня они сговорились всем собраться у роддома, а на три была назначена выписка. Так утром позвонили и... В общем, какая разница, куда и все такое прочее? Главное, что новоявленному дедушке не пришлось принять участия в торжественном выносе внучки. Правда, в чем Лев Георгиевич проявил твердость, так это в том, чтобы Галина Андреевна поехала в роддом. Хотя организаторы очень настаивали на том, чтобы он был вместе с супругой, но он не сдался. Ну, с самом деле, куда это годится, что Тонечку не будет встречать никто *с их стороны?*

Вечером Галина Андреевна подробно рассказала ему, буквально по минутам, как только женщины могут, что и как происходило. И фотки показала, которые она на телефон сняла. Так что Лев Георгиевич получил полное представление о церемонии.

Вот приезжают Вадик с тестем и тещей. Выгружают пакеты с подгузниками, одеяльцем и всем прочим. Вот старший брат Лены, Юра, с женой и сыном. («Ну, это уже было совсем лишнее, — добавляет Галина Андреевна, — трехлетнему малышу там делать нечего, только под ногами вертелся».) Вот Леночка выходит. Уходит обратно с пакетами, и мама ее с ней. («Я тоже хотела пойти помочь, но там только одного человека пускают».) Вот Ленин племянник — с огромной связкой шариков, они их привезли с собой, и теперь Сережа стоит, переполненный ответственностью за доверенное ему имущество. Вот Леночка выходит со свертком в руках. Все смеются. А вот сама малышка. Рожица сморщенная, глазенки не поймешь какого цвета. Красавица!

Она показывала, комментировала кадры, он слушал, улыбался, а в голове вертелась непрощенная мысль. Что ни говори, а вся эта суета — не более чем мелкая внутрисемейная радость. Ну, приятно, конечно, но надо же не терять масштаба событий. Одно дело, если это какая-нибудь там царственная фамилия, типа родила царица в ночь то ли сына, то ли дочь. А совсем иное — ну еще одним Гусьевым, точнее, Гусевой на свете стало больше.

И это уничижение было вовсе не проявлением какой-то чрезмерной скромности. Нет, наоборот: сам-то он, *один из Гусьевых*, в это самое время участвовал в событии совершенно иного масштаба — в открытии нового музейного комплекса с уникальной коллекцией современного искусства. И пусть даже Лев Георгиевич к современному, да и к любому другому искусству имеет весьма косвенное отношение, но масштаб событий, как ни крути, несравним, а?

Впрочем, вслух он, конечно, ничего не сказал и даже старался отгонять от себя эти мысли и искусственно возбуждать в себе радостный настрой, так что Галина Андреевна, кажется, ничего *такого* не заметила. Правда, когда он сказал после просмотра

фотографий: «Ну ты скачай на компьютер, я потом внимательно на большом экране посмотрю», — она ответила:

— Да ладно, так посмотрел, и достаточно. Ничего там особенного, сам видишь, не было.

И Лев Георгиевич не понял: соглашается ли она с тем, что он думал насчет *масштаба*, или заметила-таки его, как бы сказать точнее, спокойное отношение к операции «Выписка». Хотя не исключено, что и то, и другое.

У Льва Георгиевича (и Галины Андреевны, разумеется) появились новые знакомые. Среди них — люди довольно интересные, а кое-кто — интересный и без всякого «довольно». Правда, когда подошел день рождения Льва Георгиевича и они стали прикидывать, кого позвать, оказалось, что все-таки это не настолько близкие люди (Лев Георгиевич добавлял: «...еще не стали...»). Галина Андреевна обратила внимание на то, что никто из новых друзей, в свою очередь, не звал их на свой день рождения. Лев Георгиевич возразил:

— Надо быть выше таких счетов. Звали, не звали — это их дело. А мы должны поступать, как считаем нужным.

На что Галина Андреевна отвечала:

— Да, только не надо лезть к людям без мыла. Раз не звали, значит, ты им не особенно нужен.

— Но если так рассуждать, это какой-то замкнутый круг. Кто-то же должен позвать первым. Вот если они в ответ нас не позовут, тогда уже и будем делать выводы.

В конце концов сошлись на том, что те, кто сами, без напоминания, поздравят, тех надо позвать, а кто не вспомнит, так и не надо.

В результате позвонили и поздравили только старые друзья. Правда, несколько новых прислали поздравления по смс или в чате. Но Гусевы решили, что виртуальные поздравления не тянут на реальное застолье.

Правда, застолья не получилось никакого. День рождения пришелся на среду. Лев Георгиевич, прощаясь с поздравлявшими, заканчивал разговор фразой: «Мы еще не определились с днем. Наверно, в эту субботу или в следующую. Ну, я или Галя еще позвоним». Но до субботы они так ничего и не решили, а в следующую — Лев-то Георгиевич был как раз свободен, но Галину Андреевну Леночка попросила посидеть с Тонечкой (к этому моменту малышке уже минуло три месяца). А потом как-то все *замылилось*.

На работу, правда, Лев Георгиевич принес две бутылки сухого вина и три пакета сока для непьющих да еще купил в ближайшем торговом центре несколько больших пицц с разной начинкой. Однако настоящих посиделок тоже не вышло. Все собрались у его стола, поздравили, вручили конверт с собранными тремя тысячами шестьюстами рублей (двенадцать на триста), подняли пластиковые стаканчики за здоровье и успехи, слопали по паре кусков пиццы и разошлись трудиться дальше.

В общем, все это можно подытожить следующей формулой: жизнь Льва Георгиевича стала другой. Именно *другой*: в чем-то богаче и интересней, а в чем-то... Ну так ведь за все приходится платить. Не бывает ведь, чтоб кругом — одни плюсы. Не так ли?

Лев Георгиевич возвращался с презентации нового альбома псевдонародного музыкального коллектива. Несмотря на лиричность собственного репертуара героев вечера, голова немного трещала, так как поздравить коллег пришли представители

более громогласных жанров. К тому же на фуршете он прибил в группке, окружившей известного драматического артиста и шоумена в одном лице, то есть к компании, в которой *мужику* было не к лицу пить какое-то легкое винцо. Эти музыкально-питейные комбинации привели к тому, что Лев Георгиевич вышел из Дворца культуры, где проходила презентация, в прекрасном, приподнятом настроении. Он спустился в метро, радуясь, что ехать можно по прямой, без пересадок. Но в поезде Льва Георгиевича растрясло, и на свою станцию он приехал уже *уставшим*. Нет, конечно, его не качало, и ноги тем более не заплетались. Но идти десять или пусть даже восемь минут до дома было нелегко, тем более что таксисты или бомбилы брали за этот крошечный отрезок всего сотню.

Было довольно поздно, и автомобили, обычно поджидавшие клиентов у выхода из метро, уже разъехались. Лев Георгиевич подошел к пустой автобусной остановке и спустился с тротуара.

Вдали появился и стал быстро приближаться свет фар. Лев Георгиевич сделал еще шаг вперед и поднял руку. Машина немного изменила направление движения, готовясь притормозить около него. Чтобы не мешать, он отступил, споткнулся о край тротуара и полетел назад.

Казалось, все окружающие предметы нарочно подставились под отдельные части его тела: столбик остановочного козырька — под спину, лавочка — под затылок, урна, стоявшая рядом, — под локоть. А уж ступня вывихнулась сама собой.

То ли проезжающий водитель и не собирался тормозить, то ли, увидев, что произошло со Львом Георгиевичем, побоялся оказаться виновником, то ли просто принял его за пьяного, но, так или иначе, он пронесся мимо.

Не будем описывать, как удалось нашему герою подняться и как долго никто не останавливался. Но всему когда-нибудь приходит конец, и минут сорок спустя, испачканный, в разорванном плаще и, самое главное, изломанный, он оказался дома на попечении взволнованной супруги.

Ушибы и растяжения поначалу показались не очень страшными. Лев Георгиевич рассчитывал посидеть несколько дней дома. Но наутро все разболелось, и особенно — спина. А с позвоночником, как известно, шутки плохи.

Короче говоря, через два дня после роковой презентации Лев Георгиевич Гусев оказался на больничной койке травматологического отделения.

Примерно за год до описываемых здесь событий всех подчиненных Б. М. Винравова пригласили в отдел кадров и попросили написать два заявления: одно — об увольнении, а второе — о приеме в новую компанию, названием почти не отличавшуюся от прежней. Это, разумеется, было чистой формальностью, ни должности, ни оклады не изменились. Разницу почувствовали первые захворавшие, когда им по больничным листам почти ничего не заплатили. Оказалось, что оплата болезни рассчитывается как средняя за три года, ну а поскольку их стаж на *этом* месте был ничтожен, такими же оказались и полученные суммы. После некоторого шума сотрудникам объявили, что больничные листы надо просто предъявлять, чтобы подтвердить, что болезнь действительно имела место, но дальше им хода давать не будут.

Попав в больницу, Лев Георгиевич, как он уже привык, позвонил Вике и предупредил о том, что с ним произошло. Виктория Николаевна смутилась: одно дело день-два, ну неделя. А совсем другое — несколько месяцев в больнице. Если бы все зависело только от нее и Винравова, то вопросов бы не было. Но ведь над ними есть руководство концерна. Ну как проверка или что-нибудь в этом роде? Тут какой-нибудь местной командировкой не отговоришься. Опять же, и отдел кадров не слепой... В общем, она обещала перезвонить.

И действительно позвонила через два часа и сказала, что переговорила с Борисом Максимовичем и тот сказал: «Нет, пусть оформляет официально. А мы как-нибудь найдем способ компенсировать». Ничего себе! Как-нибудь!..

Через два дня позвонил с телевидения знакомый корреспондент и сказал, что четырнадцатого числа в Центре всероссийских...

Лев Георгиевич перебил его:

— Антон, не тратьте перлов своего красноречия. Я, к сожалению, не смогу.

— А что такое? Что-то случилось?

Лев Георгиевич в нескольких словах рассказал, что именно случилось.

После небольшой, но все же заметной паузы Антон спросил:

— И что? Что-нибудь серьезное? Что врачи говорят?

— Пока ничего определенного. В худшем случае... Ну, в худшем все может быть. Нет, не смертельно, конечно, но прихрамывать... Да нет, все, все! Что это я разжаловался! Это вам вовсе не интересно. И не нужно.

Однако оказалось, что именно это Антону и нужно, и интересно. Особенно когда Лев Георгиевич упомянул, что с позвоночником еще все под вопросом и возможно даже... Он замялся и добавил:

— ...искривление.

— Горб, что ли? — бесцеремонно уточнил служитель СМИ.

— Да нет... Это маловероятно. То есть практически невероятно. Но чисто гипотетически...

— Гипотетически! — хмуро отрезал Антон. — А мы так хорошо сработались...

— Ну... что значит «сработались»? Мы еще много... Ведь это вопрос нескольких недель.

— Ну недель или не недель — видно будет. Тут дело ведь не в этом. Ты что думаешь, мы любого так вот снимаем, приглашаем? Ты даже не представляешь, какие проверки были.

— Проверки? В смысле...

По тону Льва Георгиевича Антон понял, какой *смысл* он имел в виду, и засмеялся:

— Вот вы, люди своего поколения, только об одном думаете. Нет, *это* — само собой. Но ведь по тебе видно невооруженным глазом, что что бы ты там про себя ни думал, а на камеру скажешь что надо. Это само собой. Но слова — что! Главное — картинка. Вот это проверялось. Под разными ракурсами, прочее такое: нос, там, подбородок, разрез глаз. Фигура: чтоб не Шварценеггер, конечно, но и не инвалид какой-нибудь. Опять же голос, чтоб никакого акцента, фифекта фикции, так сказать. Ну все, в общем. А если ты... Хе-хе... Так сказать, товарный вид потеряешь, так тогда что уж? Ногу там подволакивать или тем более горб...

Лев Георгиевич изумленно молчал: он и не догадывался, что секрет популярности — в его не то благообразной, не то среднестатистической внешности. Поняв, что перегнул палку, чуткий знаток хомо сапиенсов сменил тон:

— Что, Лев, я тебя огорчил? Ну так что ж, жизнь такая. На войне как на войне. Ладно, не кисни. Все будет тип-топ. Ты лучше скажи, могу я тебе чем-то помочь?

— Да нет, чем тут можешь? — вяло начал Лев Георгиевич и вдруг сообразил: — Ах да! Тут такое дело...

И он объяснил всю бухгалтерскую механику с больничными листами.

— Может, если с телевидения позвонят... — закончил он с надеждой.

— Конечно, *во-оше* не вопрос! — бодро успокоил Антон. — Я тебе через пару дней позвоню что и как. Ну или не я, а ассистентка. Если закручусь типа.

Когда они попрощались и Лев Георгиевич положил трубку на тумбочку, его сосед по палате Игорь Вячеславович сказал:

— Даже и не жди. Никто никуда звонить не будет.

— Да нет, — не слишком уверенно возразил Лев Георгиевич, — у меня с ними не просто деловые отношения. Я бы сказал, товарищеские.

— Охолонься, Лева. Нет, мое дело, конечно, сторона. Просто чтоб ты зря не надеялся.

И действительно, ни через пару дней, ни через неделю ни сам корреспондент, ни кто другой из их команды не позвонил. Закрутились типа.

А еще через неделю Льва Георгиевича выписали. В смысле, перевели на амбулаторное. А так-то он еще с месяц проболел. Можно бы и дольше, но не сидеть же столько времени без зарплаты. А на физиотерапию, которую ему прописали, он договорился с Викой, что или будет приходить попозже, когда сеанс утренний, или раньше уходить, чтоб до семи успеть.

Больничная койка вообще способствует размышлениям и даже порой переосмыслению каких-то жизненных устоев. Да, собственно, необязательно больничная. Когда, например, целый день дома валяешься, только пару раз Галя позвонит с работы: «Как ты? Суп нашел? Ну пока, я еще звякну», — так тоже кое о чем подумывать начинаешь.

Конечно, мы не можем точно сказать, какая именно мыслительная работа происходила в голове Льва Георгиевича, да и не точно тоже: как туда залезешь? Но что-то, видно, все же изменилось. О чем можно судить по некоторым его поступкам. Вот, к примеру, по следующему.

Буквально на следующий день после того, как Лев Георгиевич перебрался на свой диван, ему позвонила администратор не суть важно чего, Инночка, с очередным приглашением на открытие...

— Ижвиниче, но я вдядя ли шмогу пджишучвовать, — шепеляво ответил он.

— Ой, Лев Георгиевич! Что с вами?! — заверещала Инночка.

— Да вот влип что наживаеца. Под машину попал.

— Ой, какой ужас! Что-нибудь сломали? Что у вас с этой... Как ее? А, речью!

— Да речь вджоде как нормальная, — как бы всполошился он. — Что с джечью? Вы что-то сжышите не то?

— А... нет, мне так... показалось, — ушла от ответа деликатная девушка. — А что вообще?

Лев Георгиевич перечислил все, чем его пугали врачи как самым худшим: будто у него уже и горб вырос, и ногу он подволакивает, и пальцы на руке на гнутся. А заодно добавил, что щеку немного перекосило, «но шамую малощь, буквально шовершенно нежаметно». Инночка охала, ахала, и даже по телефону было слышно, как она всплескивает свободной от трубки рукой. Такое искреннее участие было, прямо скажем, приятно Льву Георгиевичу. Попрощались они со взаимными уверениями в том, что все обойдется и они еще долго будут сотрудничать.

Аналогичных разговоров было еще два. Лев Георгиевич ожидал больше звонков, но, очевидно, информация о его болезни и практически безнадежном состоянии распространилась в соответствующих кругах, и остальные пользователи образа Нашего простого человека не стали его беспокоить.

Прошел год. Время от времени друзья еще шутят, называя Льва Георгиевича *символом эпохи, выразителем народных чаяний* или, скажем, *мастером ораторского искусства*.

ства. Он не обижается и даже добавляет что-нибудь вроде: «А еще пионер, всем ребятам пример», — чем повышает, как говорится, градус веселья.

Недавно состоялся его очередной день рождения. Именно что — состоялся, а не просто обозначился в календаре. В пять часов кофе-рум заполнили сотрудники отдела и еще несколько человек из других подразделений, с которыми у него сложились отношения чуть более теплые, чем с остальными. Заглянул и Борис Максимович, поздравил и даже посидел с полчаса.

Подарок, правда, был вполне традиционный, с той только разницей, что на сей раз в конверте было пять тысяч четыреста: сдали на шесть человек больше.

Засиделись до одиннадцати часов, когда уже и охранники пришли проверить, почему свет на этаже горит. И хотя они ничего не сказали, убедившись, что дело не в том, что уходившие забыли выключить, но Лев Георгиевич и его гости поняли намек и стали собираться. Конечно, до этого момента досидели не все, а только четверка самых близких друзей, которые, кстати, в том же составе посетили в ближайшую субботу и квартиру Гусевых, где Галина Андреевна накрыла стол, достойный и повода, и собравшейся компании.

В общем, жизнь вошла в свою колею, и хотя она не тянет ни на оперное либретто, ни даже на сюжет в соответствующем разделе новостей ЭТВ, но, думается, любой трагический Гремин или, как его там, Гольдман... Ну ладно-ладно, Герман, помним. Пошутить уже нельзя? В общем, любой из этих героев с удовольствием поменялся бы ролями со Львом Георгиевичем Гусевым. Вот только он, испытавший вкус славы, вряд ли согласился бы на такой обмен.

В чем, собственно говоря, и состоит мораль данной истории.

СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА

10 августа Валентин Семенович увидел в коридоре Юру Торошина, остановил его и сказал:

— Ты собираешься заявление писать? А то рискуешь остаться без отпускных.

— Ага, спасибо, — кивнул Юра и пошел писать заявление.

Он и позабыл, что еще в декабре, когда составлялся список отпусков, выбрал две недели в марте и две — в августе. Это было обусловлено не тем, что он на самом деле собирался отдыхать в это время, а тем, что в этих месяцах не было праздников, поэтому средний рабочий день был самый дешевый и при расчете отпускных почти ничего не терялось. Маленькие хитрости.

В марте они с Таней действительно съездили в обзорную поездку по Испании. А вот вторую часть отпуска собирались использовать ближе к зиме. Куда именно, чтобы и, как они шутили, *кости погреть*, и что-то необычное увидеть, еще не решили, хотя пора было бы и определиться.

Заполняя пустые места в стандартном бланке заявления, Юра подумал: «Надо наконец сесть с Танькой за компьютер и определиться. Ну и с тетей Ритой посоветоваться. А то потом поздно будет».

Подруга Таниных родителей тетя Рита работала в турбюро. Благодаря чему Торошины всегда могли не только выбрать *оптимальный вариант* (то есть наиболее дешевый при приличном отеле и прочем), но и платить по частям: один месяц — за отель, второй — за самолет, третий — за экскурсии и так далее. Но чтобы так сделать, надо было уже сейчас решить хотя бы, в каких краях этот отель должен находиться и в каком аэропорту этому самолету предстоит приземлиться.

Подписывая заявление, Валентин Семенович спросил:

- А ты все дела успеешь за две недели подогнать?
- Так а чего их подгонять? Я же здесь буду.
- Ты что, никуда не собираешься? — поднял брови шеф.

Юру Торошина знали как заядлого путешественника, выбиравшего какие-то необыкновенно изысканные, во всяком случае нетривиальные, маршруты, то с посещением малоизвестных замков, то с неожиданными природными достопримечательностями, о которых слухом не слыхал никто из потребителей стандартных туристических услуг, то с богатой театрально-концертной программой. Особенно сильное впечатление производило то, что, где бы он ни был, он не пропускал зоопарков и театров кукол: ну музеи или, там, соборы — понятно, но чтоб зоопарк!..

Юра был женат уже больше семи лет, из которых они здорово так вот поехали первые года четыре — пока Танин живот не стал виден невооруженным глазом. Тут уж все старшие: и Торошины, и Долгославцевы — им категорически запретили отлучаться из Москвы. Пока Сережка был маленький, конечно, тоже дальше родительской дачи не высовывались. А полгода назад, когда ему исполнилось три, решились возобновить поездки, благодаря все тем же родителям, которые взяли на себя заботу о внуке. Точнее, *взяли* главным образом Долгославцевы. А Юрины родители, надо признать, здорово помогавшие в первое время, теперь были больше заняты его новорожденным племянником, сыном сестры Лены. Правда, хотя трое из четырех дедушек-бабушек достигли пенсионного возраста, все они работали, так что полностью освободить *детей* от забот о *ребенке* не могли. Собственно говоря, и март для Испании был выбран потому, что у Таниного отца, Николая Александровича, учителя, были каникулы.

Испанский тур был первым после перерыва, так сказать, пробным и вполне стандартным, без экспериментов. Но тем более в следующей поездке надо было поддержать репутацию. И вдруг — *на тебе, «здесь буду»!*

— Так а я же *реально* отпуск не собираюсь брать, — легкомысленно ответил Юра.

— Да?

— Ну да. Мы где-то на декабрь или февраль планируем.

— Погоди-погоди. А ты договорился с ребятами? Мне-то, сам понимаешь, по барабану. Но чтоб кто-то за тебя был.

Об этом Юра как-то не подумал. Обычно заявление на отпуск было само собой, а отсутствие на рабочем месте — само собой.

— А не посмотрите, у кого зимой отпуск?

— Да *на* вот, сам смотри!

Шеф достал из ящика разграфленный лист.

— Можно я его возьму?

— *Отксерь* и верни.

— Так а заявление... Может, пока не подписывать?

— Да нет уж. Отпуск тебе сейчас по-любому взять надо. А там — как договоритесь. Только мне скажите, я помечу, кого когда реально не будет.

Юра сделал копию списка, вернул Валентину Семеновичу оригинал и пошел договариваться.

Но тут его ждало полное фиаско или, как он сам позже сформулировал, рассказывая жене, *облом*. Оказалось, что никто не может перенести отпуск. Все Юрины коллеги, в отличие от него, записались на то время, когда на самом деле намеревались уехать. Женя Садовченко уже оплатил тур, да и недешевый, то ли две с половиной, то ли все три тысячи евро. Инна Макарушкина собиралась на юбилей к своей тетушке в Иерусалим (Юра и подумать не мог, что у *Макарушкиной* может быть родня в Из-

раиле). У Вити Сурикова на середину декабря было намечено свадебное путешествие, к нему соваться и вовсе не было смысла. Причем все их отпускные пары недель распределялись по календарю так коварно, что, как ни выбери свои две, обязательно с кем-то пересечешься.

На худой конец можно было уехать и в ноябре, но оказалось, что у Геннадия Владимировича в конце октября операция, а потом нужна серьезная реабилитация, и он договорился с Валентином Семеновичем на весь месяц, не разбивая, как все, отпуск на две половинки.

На январь рассчитывать не приходилось. Шеф ни за что не отпустит: там и так полмесяца из-за праздников пропадают. В общем, оставалось только *отгулять* в официально выделенное время.

Обо всем этом Юра вечером поведал Тане в том самом разговоре, в котором и прозвучало цитированное выше слово «облом». Они уложили спать Сережу и сели на кухне. На столе стояли открытый ноутбук и три телефона: городской и два мобильных. Мобильные, впрочем, лежали. В общем, с технической стороны они подготовились к делу основательно. Но, увы, этим основательность их подготовки и исчерпывалась.

— У тебя на карте сколько? — спросил Юра.

— На зарплатной чуть больше десятки и на кредитной тысяч двадцать.

— У меня в сумме что-то около двадцати. Ну, отпускные получу, это дела не решает.

Дело в том, что одной, и немаловажной, из причин переноса второго отпуска на конец года был расчет основательно пополнить кредитные карты, опустошенные во время мартовской поездки. За прошедшие после этого четыре месяца они ничего толком положить не успели, только минимальные обязательные платежи. Все казалось, до декабря еще успеется.

— Ладно, давай тете Рите звонить, может, она что-нибудь придумает.

— А что можно придумать за сорок тысяч?

— Ну вдруг.

Тетя Рита обрадовалась их звонку, но удивилась, услышав, что речь идет не о заблаговременной подготовке к зимней поездке, а о том, что «нет ли чего-нибудь горящего?».

— Погодите, у вас же *Шенген* есть! — она держала в голове все детали прошлых и намечающихся поездок своих клиентов, тем более личных знакомых.

Действительно, в марте испанцы дали Торошиным визу на полгода. Они сами этому значения не придали, так как собирались в следующую поездку, во-первых, не в Европу, а во-вторых, не в течение полугода. А она помнила.

— Ну я не знаю, в Европу... — замялась Таня. — Мы думали, что-нибудь... попроще.

— Так а Греция — что проще-то? Имея визу...

Тетя Рита была типичным образцом специалиста, подобного флюсу: в сознании работника туриндустрии не укладывалось, как это — иметь визу и не воспользоваться ею хоть разок, пусть даже это выйдет дороже.

— А сколько может стоить Греция?

— Вот смотри, в сентябре...

— Нет, тетя Рит, сентябрь нам не подходит.

— Да ты послушай и сравни: на сентябрь неделю на двоих можно найти за сто тысяч, может быть, даже восемьдесят пять. А в конце августа...

Она пощелкала клавишами компьютера по ту сторону телефонной линии.

— ...Вот, самое дешевое — сто тридцать шесть. Есть разница?

— А горящего ничего...

— Что ты, Танечка, какое там горящее! Ну самое неудобное время выбрали — с возвратом перед первым сентября. Все с детьми возвращаются, потом — педагоги... Может, на недельку все-таки сдвинуть?

Таня спросила мужа, можно ли сдвинуть на недельку. Юра вспомнил выражение лица Валентина, явно настроенного на соблюдение формальностей, и сказал, что вряд ли. Впрочем, у них и восьмидесяти пяти тысяч не было...

— Почти все отели *на сто́пе*, — сообщила тетя Рита. — Ну а билеты — чартеры все битком, а за *регулярку* вы сто-олько выложите! А чего это такая срочность? Вы же говорили о декабре или феврале.

— Так получилось. У Юрочки отпуск пропадает.

Саму Таню отпустили бы когда угодно: для инструктора по лечебной физкультуре, связанного только со своими пациентами, любое время одинаково удобно и одинаково неудобно. Даже летом лучше: больных меньше.

— Понятно. Тогда я не спрашиваю даже, куда бы вы хотели. А кстати, куда бы вы хотели?

— Да все равно. Но не на Северный полюс, конечно.

— А на какую сумму вы все-таки рассчитываете?

Таня понимала, что назвать сумму, которой они располагали на данный момент, значило положить конец разговору, и ответила обтекаемо:

— Ну... Юра еще должен получить отпускные.

— Ладно, я поищу, — пообещала тетя Рита, — но учтите: самый минимум это будет восемьдесят тысяч на неделю. И это, конечно, не Греция, а какая-нибудь безвизовая страна. Хотя иметь визу и... А между прочим, две недели будет выгодней. В смысле, в сумме, конечно, больше, но не вдвое, а всего раза в полтора.

— Спасибо, — ответила Таня.

Зная тетю Риту, они понимали, что та будет полночи шарить по ей одной известным сайтам туроператоров, авиакомпаний и отелей, пытаясь найти что-то подходящее. Им было страшно неудобно перед ней, и Юра даже хотел позвонить и сказать, что не надо искать, но более оптимистичная Таня остановила его:

— Погоди. Сперва надо понять, сколько всего денег понадобится. А там — у родителей одолжим. Полсотни у нас есть...

— Ну мы же не можем под ноль кредитки опустошить.

— Ну хорошо, по десятке оставим. Тридцать будет. Плюс отпускные...

— На них рассчитывать не приходится: если и дадут, то в последний момент, я уж это проходил.

— Ладно, их на дорогу оставим. Все равно какой-то *налик* надо иметь. Если по двадцать пять у твоих и моих одолжить, все сложится.

— А ты помнишь, что мы твоим еще двести баксов должны?

Они долго прикидывали что́ и как. Читателю нет нужды вникать в эти грошовые расчеты, поэтому мы опустим продолжение разговора. Скажем только, что часам к двум ночи некоторая уверенность, что как-нибудь удастся выкрутиться, появилась и у Юры. Таня-то с самого начала знала, что безвыходных положений не бывает.

Бедной Тане в эту ночь почти совсем не удалось поспать. Ее рабочий день начался в половине восьмого утра, и вставала она в шесть. Вот и считайте, сколько ей осталось на сон. Юрино положение было куда выигрышней: он мог появиться в офисе к одиннадцати. Конечно, он старался, чтоб — в десять, пусть с какими-то минутами, но до одиннадцати *не считалось криминалом*.

Зато Таня рано освобождалась. В тот день она смогла уйти с работы в три часа. И сразу поехала к родителям договариваться о «спонсорской помощи».

Однако начать разговор о деньгах оказалось не так-то просто. Первое, что услышала Таня от матери, была жалоба на бабушку.

Танина бабушка, не такая уж старая по нынешним временам (ей еще не было восьмидесяти), все же нередко допускала ошибки, свойственные старикам. Она жила отдельно, и накануне ей позвонили какие-то вежливые молодые люди и убедили в необходимости провести ряд работ, связанных с заменой водяных счетчиков. Они называли для сравнения цены других фирм, и по всем расчетам выходило, что если она не воспользуется их услугами, то потеряет очень много. Да к тому же срок замены оборудования подходил к концу, и, пропустив его, пришлось бы платить огромный штраф. А просрочить можно было очень легко, так как официальные службы сейчас завалены работой, и вряд ли у них руки дойдут... И так далее. Совершенно убежденная, Маргарита Андреевна согласилась, чтобы к ней пришел «специалист», на первый раз просто так, для контрольной поверки, которая стоила, кстати, сущие пустяки — меньше тысячи. К счастью, между этим разговором и визитом *поверщика* она сообразила позвонить дочери, и та ей категорически запретила впускать кого бы то ни было. В результате теперь ей звонят и запугивают судом и огромными штрафами за ложный вызов. А между прочим, по бумагам до штатной поверки счетчика горячей воды — еще полтора года, а холодной — так и все два с лишним.

— Ну что с ней делать? — жаловалась дочери Валерия Павловна. — Ведь сколько раз предупреждали...

— А о какой сумме идет речь? — неосторожно спросила Таня.

— Да разве дело в деньгах? Сумма — что-то около четырех тысяч, это еще — они сказали — со скидкой для пенсионеров. Но не в этом дело! Ничего мы, конечно, менять не будем. Но надо ругаться и ругаться. А она уже готова на замену счетчиков и что угодно, только бы не попасть под суд.

Таня попыталась заступиться за бабушку, однако это намерение оказалось хотя и благородным, но весьма неосмотрительным: она предстала в глазах матери легкомысленной девчонкой, готовой связаться с первыми попавшимися аферистами и не знающей цены деньгам. В этой ситуации было совершенно невозможно рассказывать о том, что они с Юрой на мели да еще и собираются в дорогостоящую поездку. То есть каждое из этих сообщений по отдельности было бы приемлемым, но вместе...

Таня решила отложить разговор на денек-другой, когда, во-первых, мама немного остынет, а во-вторых, дома будет более снисходительный папа.

Но все в этот день складывалось против нее.

Во время приятного чаепития, когда Валерия Павловна наконец отвлеклась и разговор перешел на безобидные темы, на Танин мобильный позвонила тетя Рита.

— Танечка! Я нашла! — радостно сообщила она, да еще так громко, что ее слышала мама. — Прекрасный вариант! Буквально только что Аэрофлот объявил об акции. Билеты до Вены — всего десять тысяч! Даже девять восемьсот пятьдесят!

— Туда и обратно? — растерянно спросила Таня.

— Ну конечно! Только надо сразу покупать. Хочешь, я куплю, а ты мне потом перекинешь деньги? А можешь сама, онлайн.

— Спасибо. А могу я с Юрой посоветоваться?

— Нет, ну конечно, такой уж срочности нет. Перезвони мне.

— Что такое? Что такое? — спросила мама, когда Таня дала отбой.

— Сейчас услышишь, — она стала набирать Юру.

И тут между супругами произошло роковое недопонимание. Услышав пересказ тети-Ритино сообщения и зная, что Таня у родителей, Юра решил, что она обо всем договорилась, денег на поездку им одолжат, и радостно ответил: «Конечно, надо брать!» Мало того, он сразу же рассвистел всем сотрудникам, что через десять дней летит в прекрасную Австрию.

Валерия Павловна, услышав этот разговор, пришла в радостное возбуждение, мгновенно забыла собственные недавние упреки и принялась расхваливать детей (имея в виду, разумеется, и зятя) за умение вести хозяйство так, что и на поездки хватает.

— Вот только не слишком часто вы ездите? Ведь недавно вернулись. Может, лучше бы через несколько месяцев?

— Да Юрке сейчас буквально навязали отпуск, — с деланным безразличием ответила Таня, так, будто перенос отпуска на полгода в ту или другую сторону был для них самым обычным делом.

Понятно, что этот разговор поставил на их финансовых надеждах, по крайней мере в отношении этой пары родителей, жирный крест.

Таня, правда, проявила минимальную предусмотрительность, перезвонив тете Рите и попросив не покупать им билетов, а переслать адрес сайта. Та легко согласилась и еще раз посоветовала не затягивать.

Самое занятное во всей этой истории — то, что молодым (да, собственно говоря, не таким уж и молодым) в голову не пришло, что те или другие родители могут сами оказаться в стесненном положении.

Вечером оптимизм развеялся окончательно. До этого Тане казалось, что Юра что-то может придумать, а он думал так же про нее, но теперь они увидели всю беспочвенность этих надежд. Если даже старшие Торошины что-то и подкинут, то на поездку этого не хватит.

С другой стороны, и объявить во всеулышание, что они никуда не едут, было совершенно невозможно. Более того, невообразимо! Ну как Юра придет на работу и сообщит сотрудникам, что... Нет, можно было, конечно, сказать, что умер кто-то из близких и поездку пришлось отменить. Ну предположим. Но ведь с родителями и тетей Ритой такой трюк не пройдет. Сказать, что на работе что-то возникло срочное, аврал какой-то? Можно, конечно, но... Но! Юра сам, собственными, что называется, руками привел в свою контору год назад школьного друга Антона. И тут уж точно где-то что-то проколется: либо Антошка начнет выражать родителям соболезнование, либо они у него спросят, не коснулся ли его аврал.

То есть оставалось только сказать правду. Но тогда какими же лохами и недотепами они окажутся! Причем строго дифференцированно: в глазах коллег — лохами, а родственников — недотепами.

И когда обоим незадачливым туристам стало окончательно ясно, что ситуация абсолютно безвыходная, Таня посмотрела на мужа и сказала:

— А-а-а?..

И Юра на это ответил:

— Ну-у-у...

И больше они ничего не сказали. Просто у них взаимопонимание было такое. Большое, короче, было взаимопонимание.

Они легли спать. Но к обоим сон не шел. В ночной темноте каждый представлял себе, как классно будет провести две недели в пустой квартире, вдвоем, как будто второй медовый месяц (ну ладно, полмесяца, разве это принципиально?). Никто не знает, где они. Сережа — с дедушкой и бабушкой на даче. Телефон звонит — они не берут: их нет. Телевизор не включают: они за границей. Новостей принципиально даже в Интернете не читают: приедут — успеют узнать. Сколько у них фильмов скачано и не просмотрено! А не захотят смотреть — целый день валяйся себе в постели! И никто, никто на всем белом свете не знает, где они, что с ними! Это ли не рай? Десятидневный скромный рай на два лица. Или даже двенадцати-

Следующие полторы недели прошли в приятных хлопотах. Чтобы не вызвать ни малейшего подозрения ни у соседей, часто заглядывавших к ним, ни у родителей, они даже чемоданы собирали по-настоящему. К тому же эти сборы проходили на глазах Сережи: о малейшей фальши он мог проговориться дедушкам с бабушками.

Распахнутые чемоданы стояли посреди комнаты и потихоньку заполнялись по мере: а) воспоминания (ой, а детскую присыпку-то, вдруг натрешь что-то!) и б) стирки. Таня методично запускала в стиральную машину партиями то все футболки, то все нижнее белье, то все джинсовое, то сорочки и полувечерние платья на случай полужестественного выхода в театр или на концерт: как-никак, они в Вену собирались, а не в какую-нибудь дыру. Кроме всего этого, надо было собрать ребенка, чтоб Валерии Павловне не возиться со стиркой на даче.

Параллельно с бытовыми были и проблемы более приятного свойства — составление программы поездки. Вообще-то они в Австрии уже однажды были. Зимой, на горнолыжном курорте. Больших спортивных успехов не достигли, но представление о стране получили, правда, однобокое — только о красотах альпийских пейзажей: они тогда летели прямым рейсом в Зальцбург и оставались в пределах горной части страны. Теперь им предстояло познакомиться с австрийскими долинами и увидеть прославленную столицу. Ну не увидеть, а — как бы предстояло как бы увидеть. А вот слово *познакомиться*, в каком-то широком смысле, более или менее соответствует, да?

Они начали знакомство с австрийской культурной жизнью. И сразу же обнаружили, что в Вене один театрално-концертный сезон уже закончился, а новый — еще не начался. После легкого огорчения наткнулись на театр в венском пригороде Бадене. Как раз во время их отпуска там шла «Летучая мышь». Первый пункт культурной программы обозначился. Зашли на сайт театра и узнали, какую сумму в евро они экономят на непосещении этого спектакля.

Еще пошарили по сети. Обнаружили сайт с перечнем всех музыкально-театральных событий мира. Информация делилась по странам. Картина, которая открылась перед их глазами при заходе в австрийский раздел, потрясла: оказалось, что летом вся страна превращается огромную фестивальную площадку. В одном городке — фестиваль церковной музыки, в соседнем — оперетты, дальше — мюзикл, еще в паре десятков километров — целых два месяца три раза в неделю идет какая-нибудь опера, а в четвертом месте посреди еще одного опереточного фестиваля — концерт стареющей поп-звезды мирового масштаба, рассчитанный на ту категорию зрителей, которая и «Веселой вдовой» или «Сильвой» готова насладиться и чьи ноги помнят зажигательные пляски на дискотеках тридцатилетней давности. Хотя Юра с Таней принадлежали к другому поколению, но такие имена, как Том Дуддлиген или Дина Хэмпсон, звучали и для них притягательно, так как эти артисты уже стали настоящей рок-, ну в крайнем случае поп-классикой.

Кроме «Летучей мыши», они остановились на «Марице», мюзикле «Хэлло, Долли!» и концерте Дины Хэмпсон. Оставалось только составить маршрут таким образом, чтобы спектакли и концерты выстроились в логичную замкнутую цепочку, выходящую из столицы страны и туда же возвращающуюся, так как билеты по акции предполагали один аэропорт прилета и вылета.

Зная, что в тамошних краях весьма вероятны дожди, а три мероприятия (кроме баденского) проходили на открытых сценах, они выбрали дни представлений не подряд, с тем, чтобы в случае срыва спектакля из-за разгула стихии можно было поменять билеты на завтра. Порой они так увлекались, что забывали, что все это понарошку. И даже начинали спорить из-за билетов. Юра считал, что раз уж они тратят столько

денег на поездку, то лишние двадцать или даже полсотни евро за пару билетов не играют роли, а более рачительная Таня настаивала на экономии хотя бы здесь.

— Прекрасно ты можешь слушать из пятнадцатого ряда, — говорила она.

— А смотреть? — возражал муж. — Вот сравни: твой пятнадцатый ряд стоит шестьдесят пять за билет, а восьмой — восемьдесят. Ну согласишься, что тридцатка в этих масштабах погоды не делает!

Действительно, цена билетов составляла только малую часть от, к примеру сказать, проката автомобиля. Общественный транспорт им бы не помог: объехать мелкие городки, где проходят фестивали, на автобусах — и тяжело, и в сумме ненамного дешевле!

На прокатном сайте дешевых машин уже не осталось: надо было бронировать гораздо раньше. Самый дешевый вариант машины с автоматической коробкой на неделю вместе со страховкой (а брать надо было только полную страховку: мало ли что!) выходил под тысячу семьсот евро. Таня предложила было взять машину с механикой, но Юра категорически отказался.

— Если хочешь, — сказал он, — едь сама.

— У меня же нет заграничных прав, — резонно возразила Таня.

— Ну тогда я и выбираю.

Пришлось ей согласиться на этот несуразно большой расход.

Ползая по гугловским картам и исчисляя, сколько часов займет переезд из одного пункта в другой, Таня вдруг заметила знакомое слово — «Зальцбург».

— Юр! Мы про Зальцбургский-то фестиваль совсем забыли!

Надо же! А ведь именно там уже побывали. Точнее, как раз поэтому: в сознании невольно сложился образ двух Австрий: одна, альпийская, спортивная, со столицей в Зальцбурге и вторая — Австрия вальсов и оперетт, венская.

От Вены, вернее, озера Зее, где был последний из уже выбранных спектаклей, до Зальцбурга оказалось около четырехсот километров.

— Нет, не поедем, — вздохнула Таня. — Ты столько за рулем не выдержишь.

— Я не выдержу? Да что такое четыре часа езды! К тому же мы по дороге можем остановиться, перекусить. Это ерунда! Лучше посмотри, что там в Зальцбурге идет.

Там в Зальцбурге шло одновременно много спектаклей. На то и фестиваль. Они остановились на «Дон Жуане» со звездами мировой оперы. Зашли на сайт, обнаружили, что билетов нет и в помине. Но это не могло стать помехой: преимущество выбранного ими способа путешествия состоит в том, что некоторыми мелочами вроде аншлага можно пренебречь.

Стали искать, что там еще есть, и обнаружили Зальцбургский театр марионеток, где в тот же день, что и «Дон Жуан», только дневным спектаклем, шли «Звуки музыки». Мимо этого они пройти уж точно не могли.

Таня снова запротестовала: два спектакля подряд, да еще после долгой дороги! Но Юре уже попала зрительская вожжа под хвост. С точностью до: просто вожжа — под зрительский хвост.

— Ты посмотри, сколько билеты там стоят! (Действительно, марионеточные билеты были в несколько раз дешевле оперных.) И где ты еще такое увидишь? Нет, это упускать нельзя!

Визит на родину Моцарта увеличивал срок поездки с десяти дней до тринадцати, да и то при условии, что они вернуться в Вену буквально впритык к самолету. Таню это не устроило:

— Вдруг по дороге что-то случится? Шина спустит, да мало ли что! Ты будешь гнать, нервничать. Нет, обойдемся без «Дон Жуана».

— Ну Тань, что ты говоришь! Мы выедем из Зальцбурга не утром, а сразу после спектакля, и времени у нас будет сколько угодно.

— Ехать ночью?! Ты с ума сошел! Я не позволю. Такое расстояние — в темноте!

— Какая темнота, какая темнота! Это же Австрия, там все дороги отлично освещены! К тому же, если ехать ночью, можно сэкономить на отеле — минус одна ночь.

Они еще поспорили и решили рискнуть, но при условии выехать рано утром: Таня сказала, что экономить на ночевке и расплачиваться здоровьем мужа она не намерена.

Был и еще один немаловажный пункт программы, причем такой, что его метафизическими способами выполнить никак невозможно, — подарки. Однако и тут все решилось: несколько запросов в Яндексe — и они нашли в Москве и онлайн-магазин сувениров из всех стран (из австрийских там были магнетики, тарелки, бюстики Моцарта и Штрауса и карикатурная фигурка вечного объекта насмешек — злосчастного императора Франца-Иосифа), и компанию, изготавливающую футболки с любимыми логотипами, и место, где продавался настоящий австрийский шнапс. Вот только торта «Захер» нигде не было, зато нашлось множество рецептов его изготовления. Таня принялась было списывать ингредиенты, но Юра ее остановил:

— Даже если получится, все равно нужна фирменная упаковка.

Решили обойтись без торта.

Отели — единственное, о чем они не стали заботиться заранее: приедут — найдут какой-нибудь мотель или пансион. Захотят — задержатся на день, захотят — раньше выедут в следующий пункт. Так они решили.

Наконец настал день отъезда. Верней сказать, день перед ночью отъезда. Сочельник типа.

Вылетать предстояло ранним рейсом — в шесть часов утра. Такси надо было заказать часов на полтретьего. Еще накануне вечером позвонила тетя Рита и напомнила, что регистрация на сайте Аэрофлота начинается ровно за сутки и что если не зарегистрироваться в числе первых, то можно оказаться и в разных рядах.

— Сами сумеете?

— Да конечно! Ну, если что, позвоним проконсультируемся, — успокоила ее Таня и тут же оговорила: — Нет, конечно, не в шесть утра, а чуть попозже. Думаю, до девяти все места не разберут.

— Как знать, как знать, — проявила разумный скепсис опытный турагент. — Я бы не стала откладывать.

Нетрудно догадаться, что проблем с регистрацией у наших туристов не возникло, хотя они и не проснулись ради этого посреди ночи.

Днем приехали за внуком старшие Долгославцевы. Им вручили ребенка и большую сумку с его вещами. Состоялась серия двухъярусных наставлений: старших старших — просто старшим, и просто старших — совсем юному. После чего, а также ряда перекрестно-последовательных объятий и рукопожатий дед Коля и бабушка Валя отбыли вместе с любимым внуком.

Дверь захлопнулась.

Юра и Таня посмотрели друг на друга... Отпуск! Отпуск начался! Они свободны! Все обязательства скрылись за невидимой, но явно ощутимой гранью времени. Почти две недели без забот, без обязанностей, практически без проблем!

Первую пару часов они не знали, за что взяться. Так, бродили по квартире, говорили друг другу что-то бессмысленное и смеялись над им одним понятными нелепостями.

Наконец Таня спохватилась:

— Да! Чемоданы! Их надо убрать.

— А кому они мешают?

— Мали ли что! Родители зайдут. Хорошо еще, у Зины ключей нет.

Зина была их соседкой, обладавшей тремя качествами, имевшими в ее душе примерно одинаковый удельный вес: общительностью, любознательностью и услужливостью. Избежать ее добровольной помощи иной раз бывало очень непросто. К тому же она была старше Юры с Таней и хотя еще не достигла пенсионного возраста, но уже вышла на пенсию, видимо, по причине вредной работы в прошлом и могла выплескивать на окружающих свою неумную энергию в любое время суток.

— А куда их?

Этот вопрос относился, естественно, уже к чемоданам.

— Ну на антресоль, куда еще?

Юра зашелкнул замок на одном из чемоданов и приподнял его. Представил себе, как, стоя на стремянке, пытается взгромоздить эту махину на антресоль, и понял, что ничем хорошим это не кончится. К тому же:

— А если что-то понадобится? Снова снимать?

Они открыли диван, на котором спали, и стали перекладывать все, что так тщательно собрали в дорогу, в ящик для постельного белья. Одним из первых им в руки попал пакет с зубными щетками, бритвой и прочими предметами туалета. Хороши б они были, если б отправили все это под потолок!

Забросив наверх вновь опустевшие чемоданы, они вернулись в недоуменно-блаженное состояние, словно не зная, как воспользоваться выпавшей свободой. Хотелось хвататься и за то, и за другое, и за третье. В результате они так ни за что и не *схватились*, рано поужинали и легли спать, поставив будильник на половину пятого, чтобы сообщить родителям, что у них все в порядке.

Около двух их разбудил телефонный звонок. Таня схватила трубку и сказала сонным голосом:

— Але?..

— Вы что, спите? — возмутилась ее свекровь. — У вас же такси сейчас должно приехать!

— Нет, что вы, Галина Андреевна! Какое там спим! Юра как раз такси заказывает.

— Не поздно? Хотя они сейчас сразу подают, — спросила и ответила сама себе Юрина мама, после чего на всякий случай проницательно посоветовала: — Ну смотрите, снова не засните! Позвоните после паспортного контроля. Нет, лучше эсэмэску дайте.

Таня легла и буркнула мужу:

— Твоя мама, мог бы и сам подойти.

На что тот несколько невпопад ответил:

— Спасибо.

Что, впрочем, не помешало Юре, когда зазвонил-таки будильник, пробормотать:

— Моим тоже позвони, а?

А что Тане оставалось? Она взяла телефон, вышла в коридор и плотно затворила дверь, чтоб не мешать ему, зажгла свет и послала сообщения обоим парам родителей.

Вернулась в комнату. Небо за коробками домов на противоположной стороне улицы розовело. Подошла к окну. Она каждый день вставала примерно в это время и могла видеть эту картину. Но обычно ей было не до красот урбанистического пейзажа.

Таня стояла у по-летнему открытого окна и смотрела на спящий город. Мысль, что ей одной открывается эта неброская красота, была очень приятна. Она знала, что даже те немногие, кто уже проснулся, не разделяют с ней этого удовольствия, потому что

одни еще толком не продрали глаза, а другие, те, кто проснулся по-настоящему и даже приступил к работе, как, например, водители троллейбусов, уж подавно озабочены чем-то более важным, чем пялиться в пустоту. И как же было приятно не только смотреть на оживающее небо над и не думающим вставать городом, но знать, что сейчас можно лечь обратно в постель и еще до-о-олго *дряхнуть!*

Надышавшись воздухом, еще свободным от дневных выхлопов, она задернула шторы, чтобы поднявшееся солнце не мешало... — она с наслаждением повторила про себя это малолитературное слово: «...дряхнуть». И легла. Как хоро...

Запел телефон. Ну, этого можно было ожидать: кто-то из четырех, конечно же, не спал и, дождавшись сообщения, решил осведомиться, как у них дела.

Но она ошиблась. Звонили не родители.

— Тань, ты? — услышала она в трубке звонкий Зинин голос.

— А, Зинуль! Привет! Что не спишь?

— Тань, по-моему, в вашей квартире сейчас свет горел.

Дом, в котором они жили, состоял из двух перпендикулярных крыльев, и от Зины просматривалась их кухня, куда с другой стороны попадал свет из коридора.

— Да? Ну... может быть... Может быть, мы в суматохе где-то забыли свет выключить. Я позвоню маме, попрошу ее зайти проверить.

— Да нет, Тань, в том-то и дело! Прикинь: он вдруг реально загорелся и потом погас. А до этого не горел. Там кто-то реально есть!

— Ну, Зин, кто там может быть? Это на просвет, наверно.

— А-а-а... Ну это да, может быть.

Квартира Торошиных выходила на две стороны, и иногда яркий свет за домом, где проходила никогда не засыпающая Профсоюзная улица, *пробивал* через всю квартиру, отражаясь к коридорным зеркалам.

— Ну ты все-таки попроси маму зайти проверить, все там в порядке или как, — посоветовала заботливая подруга.

— Обязательно. Спасибо. Вот Юра тебе привет передает.

— И ему! Как вы там?

— Да вот прошли паспортный контроль. Теперь бродим по дьюти-фри.

— Молодцы!.. — с завистью в голосе вздохнула Зина.

Она, конечно, была рада за друзей, но ей самой тоже хотелось пройти паспортный контроль, побродить по дьюти-фри, пусть даже ничего не купив, а потом сесть в откидывающееся кресло и услышать, что откидывать его, равно как расстегивать привязные ремни, нельзя до полного набора высоты, а потом снова — паспортный контроль, но уже под другим флагом, и... что дальше, она представляла совсем смутно, но ей так этого хотелось!

Тем временем рассвело. Но свет едва-едва сочился между шторами. Этого *едва-едва* было ровно столько, чтобы таинственно и соблазнительно осветить два молодых здоровых тела. Цвета получались блеклые, и они лежали как персонажи слегка оттозированной черно-белой фотографии в жанре *винтаж*.

— Погладь... — начала Таня и могла бы не заканчивать, да, впрочем, и не начинать эту фразу, потому что за долю мига до того, как она приоткрыла губы, Юрина рука потянулась к ее груди.

Но она все же договорила по инерции:

— ...меня.

Ну, чем заканчиваются эти поглажки в утреннем туманном... дурманном полумраке, всем известно. И так оно бы и закончилось, во всяком случае, к этому все шло: уже и губы их влажно слились друг с другом, и руки заскользили — пока по просто неж-

ным участкам кожного покрова, но несомненно дошли бы и до сладострастно увлажненных мест... Как вдруг:

— Телефоны! — вскрикнула Таня.

— Что? — не понял уже отлетевший мыслью из тленного мира Юра.

— Дай, я их отключу!

— Ну что ты! Кто будет звонить?

— Вот именно что будут!

И Таня соскользнула с дивана.

Обычно после посадки самолета они получали сообщения о непринятых вызовах. А родители примерно в это время узнавали, что «абонент в сети». После чего следовали звонки с совершенно излишним вопросом:

— Ну вы долетели?

Иногда звонок даже опережал сообщение, но, так или иначе, набирали их номера беспокоящиеся родственники, еще когда они находились в воздухе. Ох и всполошились бы все, если бы звонок *прошел* в тот момент, когда *дети* должны были находиться на недоступной для связи высоте!

Таня перевела оба телефона в режим «Полет», что метафорически вполне соответствовало ситуации, и легла обратно.

Юра ее ждал в нетерпении, и этот небольшой эксцесс ничуть не помешал им достойно завершить то, что они так замечательно начали.

Конечно, они проспали. По всем расчетам, их самолет давно приземлился в аэропорту города Вены. Таня схватилась за телефоны, но Юра крикнул:

— Погоди! Надо посмотреть, мы долетели или...

— А что, если не долетели?

— Во-первых, — ответил Юра, включая компьютер, — *не долетели* еще не значит, что самолет разбился. Нас могли посадить в другом аэропорту. Хороши мы будем, если скажем: «У нас все ок», — а они уже знают, что самолет где-нибудь в Мюнхене.

— А если правда разбился?

— Соврем, что опоздали на рейс. Вернулись домой и заснули. При таком раскладе вряд ли нас будут *сильно* ругать.

— Да, тогда бы нам не пришлось дальше выкручиваться, — едва ли не мечтательно заметила Таня и тут же сама одернула себя: — Нет, конечно, не дай бог!

Но все было в порядке. Самолет совершил посадку даже на семь минут раньше, чем по расписанию, и, значит, родители уже третий час волновались.

Таня включила телефоны и не успела положить их на стол, как они сразу ожили. Понятное дело, Торошины звонили сыну, а Долгославцевы — дочке. Впрочем, их вполне удовлетворило сообщение, что долго не ловилась мобильная сеть.

Первая сложность возникла с завтраком. Зайти на кухню было опасно: Зина — чисто из дружеской заботы, к тому же обеспокоенная странной ночной вспышкой — могла приглядывать за их квартирой. Правда, не вся кухня просматривалась из ее окна. Например, холодильник стоял в таком углу, что точно не был виден. Несколько пакетов с хлебом, яблоками, чесноком и еще чем-то висели на спинках стульев, и их она тоже вряд ли могла углядеть. Но плита, микроволновка и тумбочка, на которой стоял чайник, были прямо напротив окна — смотри не хочю.

Юра лег на пол и вполз на кухню. Таня смотрела на его «поползновение» и хохотала. Оказавшись за стульями, он приподнялся и стал сдергивать висевшие на них пакеты. Что в каком, он мог определить, только сняв. По закону подлости главный пакет — с хлебом — оказался последним.

Ну, вот завтрак: хлеб, яблоки, чеснок... К этому добавились масло и сыр из холодильника.

— Да... — задумчиво произнес Юра, встав на ноги по возвращении в коридор. — Негусто. Особенно с учетом того, что, пока не стемнеет, придется ограничиться этим.

— А в холодильнике еще сосиски лежат, — мечтательно произнесла Таня.

— Что с того! Там и яиц полно. Ну, десятка полтора — так наверняка, — уточнил Юра.

— Яйца сырыми можно есть. Говорят, даже вкусно.

— Я пробовал. Мне не понравилось. Но если вопрос встанет о жизни и смерти...

— Нет, так, конечно, не встанет, на бутербродах с сыром мы день продержимся. Но как-то грустно это будет.

— И уж совсем на Австрию не похоже.

— А еще, говорят, гречку можно не варить, а залить холодной водой, прямо из крана — и она через несколько часов разбухнет и станет как вареная.

— Положим, из крана можно — и горячей. Быстрее, наверно, будет.

Но это рацпредложение вызвало у обоих не больше энтузиазма, чем идея есть сырые яйца. К тому же шкафчик с крупами тоже был виден снаружи.

Они с вожделием смотрели на чайник из коридора. Вот уж воистину «видит око...».

— А, была не была! — махнул рукой Юра и снова опустился на пол.

Он подполз к тумбочке и стал тянуть за провод, пытаясь пододвинуть к краю чайник на подставке. В последний момент он рассчитывал поднять руку и одним виртуозным молниеносным движением сдернуть всю конструкцию. Однако с такого ракурса ориентироваться весьма трудно. Подтянуть-то чайник он подтянул, и молниеносное движение было, но вот виртуозности чуток не хватило, и чайник с водой обрушился на голову распластанного Юры. То есть сам чайник — на голову, а вода — на все остальное.

Таня взвизгнула и не могла не расхохотаться. Юре и так было больно: чайником-то по башке! А тут еще она издевается! Разъяренный, он вскочил на ноги... Вода потекла в тапочки... Подставка от чайника болтается на проводе, как дохлая крыса. А сам чайник валяется под ногами. В бессильной злобе Юра пихнул его, чайник вылетел в коридор и задел Танино колено.

— Ой, ты что! — закричала она, схватившись за ногу.

Оттого, что теперь было больно обоим, он сразу успокоился и, застигнутый врасплох угрызениями совести, подскочил к раненой жене и стал объяснять, что вовсе не целился в нее. Ну и целовать, конечно, от чего она поначалу увертывалась. Но только поначалу, впрочем.

Обе травмы не представляли опасности и через несколько минут перестали болеть. Юра переоделся в сухое, они успокоились и развеселились. Повод для этого сразу нашелся: войти на кухню, чтобы убрать воду, они, естественно, не могли, и Юра предложил обмотаться старыми тряпками, вползти и, вращаясь всем телом в луже, промокнуть ее. Все это он так живо описал, что довел Таню до слез. На сей раз в комическом плане.

Отсмеявшись, она предприняла более практический шаг: стоя в коридоре, довольно метко набросала в лужу уже и так мокрые Юрины вещи, чтобы вода впиталась.

Теперь можно было приготовить полноценный завтрак. Яйца вымыли и сварили в чайнике. Доставая их, Юра предложил так же сварить сосиски.

— Ну ты представляешь, что после этого будет с чайником? — скривилась Таня.

Но мужская мысль уже заработала в конструктивном направлении: он взял пакет от хлеба, вытряхнул из него все крошки и надул для проверки герметичности. Пакет был совершенно целым. Тогда Юра положил в него сосиски, завязал и опустил в чайник.

Не прошло и десяти минут, как на компьютерном столе был сервирован завтрак — пусть не такой, как в венском отеле, но вполне достойный первого дня отпуска: сосиски, яйца, хлеб, сыр. К чаю в одном из пакетов нашлись вафли. Чего еще надо? Правда, вместо тарелок пришлось использовать листы бумаги для принтера. Хотя... Виртуальное путешествие — виртуальная посуда.

После завтрака занялись собственно туристическими делами. Таня, еще только встав и убедившись, что самолет долетел, вошла в твиттер и написала:

Вот мы и в Вене. Здравствуй, Европа!

Перед завтраком она сообщила всем интересующимся, что они благополучно взяли напрокат машину и направляются искать отель. Теперь можно было добавить, что они устроились и гуляют по... Она долго выбирала по карте, где бы им погулять, и выбрала Штадтпарк.

Юре предстояло дать более подробное описание их успехов. Для этой цели служил фейсбук. Он дал волю своей фантазии и в красках описал солнечный день в Вене (о том, какая там сейчас погода, он, разумеется, осведомился на соответствующем сайте). Поделился он впечатлениями и от завтрака в кафе на Ринге, пояснив заодно, что Ринг — это что-то среднее между нашими Бульварным и Садовым кольцами. Чтобы не сильно отклоняться от истины, он написал, что на завтрак они взяли настоящие немецкие сосиски (метафоры оставляем на совести писавшего) и сырную тарелку с дюжиной разных кусочков сыра (можно ведь и так назвать лист бумаги с кусочками московского «Масдама», которые действительно были разными: одни побольше, другие поменьше). Покривить душой пришлось, назвав чай из пакетиков кофе по-венски. Никто бы просто не поверил, что сразу по приезду они не попробовали знаменитый напиток на его родине. А вот то, что этим чаем-кофе они запивали вафли, было святой правдой.

Покончив с общественно значимыми делами, супруги предались тому, что классик называл блаженным *far niente*, то есть ничегонеделанием.

Ничего не делать им помогали тот же компьютер, хранивший несколько непросмотренных фильмов, и телевизор, на большой экран которого они выводились.

В три часа дня раздался звук вставляемого в скважину ключа.

Очевидно, несмотря на всю свою расслабленность, они в глубине души — точнее, в глубинах душ — ждали от судьбы какой-то подлянки. Потому что реакция была мгновенной: Юра нажал на кнопку пульта, телевизор вырубился, и они метнулись к балкону. И, только притворив за собой дверь, поняли, что изображение-то исчезло, а звук остался: когда телевизор используется как монитор, аудио все равно идет через колонки компьютера.

Впрочем, был не менее важный вопрос: кто пришел? Плохо, если свои: псевдо-туристы сейчас же будут разоблачены. Но еще хуже, если — воры. Тут вообще непонятно, что делать: выскочить и, опять же, разоблачить себя, потому что — полиция, крик, шум — факт грабежа скрыть не удастся, или, что уж совсем глупо, дать им спокойно грабить.

Из коридора донеслись голоса Валерии Павловны и Сережи. Может, все же лучше бы воры?..

Юра притянул балконную дверь. Снаружи у нее не было ручки. Да и зачем, казалось бы, наружная ручка? Кто будет закрываться на балконе? Ан вот, оказалось, что и это бывает нужно.

Даже при закрытой двери они могли слышать, что делается в квартире: створка окна была открыта на второе деление фиксатора.

— Тише! — цыкнула на внука бабушка, помолчала и крикнула:

— Кто дома?

Не дождавшись ответа, она вошла в комнату и всплеснула руками:

— Ну что у тебя за родители такие? Оставили компьютер включенным на полную силу!

Хорошо, что она еще телевизор не успела застать! Дальнейшее знакомство с обстановкой еще больше возмутило ее:

— Со стола не прибрали! Как ужинали, так все и бросили! Ну я им позвоню, задам жару! По австриям они катаются! Да им в детский садик надо...

Ворча, она принялась собирать остатки ужина, не догадываясь, что на самом деле это был завтрак.

Таня и Юра в ужасе смотрели друг на друга. «Позвоню» — а их телефоны лежат на подголовнике дивана!

Валерия Павловна собрала все со стола и понесла на кухню. Юра открыл дверь, высунулся — или, верней сказать, сунулся — в комнату, но она уже шла назад, и он нырнул обратно.

— Ба-аб, я приставку не могу найти! — донеслось из маленькой комнаты.

Так вот зачем они пришли! Надо было дать ему эту дурацкую игровую приставку, и ничего бы не было. Так нет же, воспитатели хреновы, решили: пусть ребенок пару недель без нее проведет. А он у деда с бабкой выклянчил. Хорошо еще, что перед мнимым отъездом они отключили ее от телевизора и положили в шкаф в маленькой комнате! Бабушка пошла на помощь внуку, и это дало Юре возможность метнуться к дивану, схватить телефоны и юркнуть на балкон.

Но второпях он чуть хлопнул дверь. Чуткий слух Таниной мамы не только уловил звук, но и идентифицировал его. Вернувшись, она подошла к балкону и обнаружила, что дверь не заперта.

Последовал новый взрыв возмущения легкомыслием дочери и зятя. Она попыталась закрыть балкон, но это не удалось: нижняя и средняя задвижки были такие тугие, что даже Таня не справлялась с ними и звала мужа, когда он был дома, а когда была одна, вставала на цыпочки и закрывала верхнюю.

Мать Тани была ниже и даже на цыпочках не дотягивалась до верха двери. Представить ее влезавшей на стул, было трудно. Появилась надежда на то, что дверь останется открытой, по крайней мере до следующего визита родственников, уже с подкреплением в лице Николая Александровича. Но они недооценили целеустремленности своей мамы и тещи.

— Сереженька! Иди сюда, мне нужна твоя помощь!

— А где моя приставка?

Милый мальчик! Отвлекай, отвлекай бабулю!

— Сейчас...

Она снова вышла.

Лежа на полу, Юра судорожными движениями отключал телефоны: не хватало еще, чтоб они заиграли в ответ на звонок разъяренной тещи. Таня в это время стащила с хранившихся на балконе запасных колес покрывавший их старый брезент, и они укрылись им, тесно прижавшись друг к другу. Если кому-то доводилось сидеть под годами не вытряхивавшимся пыльным брезентом, да еще со следами масла и тосола, он поймет их состояние. Те же, кому этого удовольствия не выпало, могут не напрягать фантазию, все равно полного представления они не получают.

Послышались шаги: чуть шаркающие взрослые и легкие детские.

— Сереженька, я тебя подниму, а ты попытайся повернуть верхнюю ручку.

Слава, слава брезенту! Без него сын точно увидел бы сверху папу с мамой. Но пронесло. Хотя как сказать. Судя по бабушкиной фразе «Вот умница!», внуку удалось-таки запереть родителей.

Выждав несколько минут, Таня с Юрой откинули брезент. Хоть дышать можно. Уффф... Но то, что они услышали в этот момент, повергло их в новую пучину ужаса. Валерия Павловна сказала:

— Сейчас-сейчас, милый. Вот уберу постель за твоими мамочкой и папочкой — и пойдем.

Ну все, это конец. Сейчас она откроет диван и увидит все спрятанное внутри.

Тук-тук... Тук-тук... — бились сердца. Секунда, другая... Вот она складывает одеяло, простыню... Сейчас откроет... Сейчас... Что ж она тянет? Уж скорей бы.

— Ну все. Пойдем!

Опять повезло: она ограничилась тем, что аккуратно постелила разбросанное белье.

— А можно еще эти диски взять?

— Конечно, дорогой.

Еще пара мучительных минут, и *хлоп* двери в совокупности со *щелк* замка возвестили, что квартира опустела. Увы, она была свободна не только от бабушки с внуком, но и от среднего поколения.

Выбраться с балкона не представляло большого труда: створка окна была приоткрыта, и нужно было только найти, чем поддеть фиксатор снаружи. Юра порылся в ящике со старыми инструментами — ненужными, но не настолько, чтобы их совсем выбросить. Вот, по крайней мере, два подходящих — погнутая отвертка и подржавевший складной метр. Первой пошла в дело отвертка, но она совсем не пролезла в щель. Тонкая лента метра представлялась более подходящим орудием. Однако и она не помогла. Если бы фиксатор был установлен хотя бы на третье деление, а еще лучше на четвертое, то все было бы в порядке. На последнее, пятое, — так и отвертка бы пролезла. Но, увы, деление было второе, и в щель между створкой и рамой ничего невозможно было пропихнуть.

Юра стал гнуть складной метр, и ему это удалось, но от изогнутого толку оказалось еще меньше.

Ряд тщетных попыток поднять фиксатор убедили... Ну, собственно, слово *тщетных* говорит о том, в чем именно.

Таня предложила:

— Вечером придут Новиковы, — это были соседи, их балконы стыковались друг с другом, — перелезем к ним.

— Да ты что! Даже если мы решим ввести их в курс дела, все равно — чем они помогут? У тебя что, тут ключи от квартиры? А без ключей... Вскрыть дверь? Так это мы и сами можем позвонить в МЧС и сказать, что так, мол, и так.

— А что нам остается? — Таня стала включать телефон.

— Стой-стой-стой! Что ты! Во-первых, все тогда пойдет прахом. Представляешь, МЧС, шум-грохот? А во-вторых, сама прикинь — дверь ремонтировать или...

Он постучал согнутым пальцем по стеклу.

Теперь она его остановила:

— Ну давай еще подумаем.

Они подумали еще, но ничего лучшего не надумали.

Юра сказал: «Отойди», обмотал руку тряпкой, валявшейся в углу балкона, и ручкой все той же отвертки разбил стекло.

Просунул руку и поднял фиксатор, затем забрался в комнату и наконец освободил жену.

— Ну и что теперь? Все равно стекольщика вызывать. Ну или две недели все так простоит.

— По крайней мере, торопиться сейчас некуда. Первым делом надо вымыться, — сказал Юра.

Действительно, после брезента они даже сесть на диван или мягкий стул не могли без риска их испортить.

Первой пошла мыться Таня, а Юра тем временем взял деревянный стул, который потом можно было протереть, и врубил компьютер, выключенный бдительной тещей. Зашел в фейсбук и во всех подробностях описал посещение дворца Хофбург, используя для этого информацию, почерпнутую на сайте «Добро пожаловать в страну озер и эдельвейсов!»

К тому моменту, когда послышалось жужжание Таниного фена, ее муж чувствовал себя едва ли не другом семьи императора Франца-Иосифа и императрицы Сисси и был готов по-приятельски попенять старику Франци на недостаточно деликатное обращение с супругой, а также со всей искренностью разделить с ними горе по поводу самоубийства принца Рудольфа.

— А чего это мы в музей отправились? Лучше бы погуляли по городу, подышали, так сказать, воздухом, которым дышал Штраус...

Под душем Таня явно продумывала свой текст для твиттера.

— Э нет, — хитро усмехнулся Юра, — в городе снимать надо. А в музее фотографировать — *ферботен!* Мы же законопослушные, вот и ограничиваемся одним текстом. А так бы — что город! Мы и в зоопарк поехать могли. Тиргартен *по-ихнему*. Или на колесе обозрения прокатиться.

— Может, ты и *колесо обозрения* знаешь как по-немецки?

— Нет, как по-немецки, не знаю. Зато знаю, что оно в Пратере. Это тамошний парк культуры и отдыха.

Таня оценила как его свежееобретенную эрудицию, так и врожденную предусмотрительность, и Юра гордо отправился под душ.

Поделившись в твиттере шуткой про ВЦПКиО (Венский ЦП и т. д.), она стала думать, что делать дальше. Кое-что придумала и, обсудив детали с вышедшим из ванной мужем, включила телефон, набрала номер Валерии Павловны и тут же отключилась, дав понять, что ждет звонка. Телефон зазвонил почти сразу.

— Привет, мамуль! — беззаботно сказала Таня.

Но *мамуля* была настроена не так игриво:

— Привет! Они себе гуляют. И ни о чем не думают!

— А... О чем мы должны думать? Что случилось? С Сережей? — забеспокоилась дочь.

— Да вы *вообще* ни о чем не думаете. Посуду вон оставили на столе, ошметки от завтрака. Или ужина, я уж не знаю...

— А! Ну так там же, кажется, ничего портящегося не было. Мы даже посуду не брали, на бумаге...

— Ладно, посуда — бог с ней! А компьютер-то надо выключать или нет?

— Так вот ты о чем! Ну, мамуль, мы же его специально оставили.

— Специально? Со звуком?! Что ты мне сказки рассказываешь!

— Ну да. Именно со звуком. Это на случай воров. Чтоб слышно было, что в квартире кто-то есть.

— А-а-а!.. — протянула мать. — А я его выключила...

Она явно расстроилась, и дочь проявила чуткость:

— Ну выключила, и ладно. Не включать же обратно.

— Нет, я могу. Мне не трудно.

— Да нет, мам, ни к чему. Там все равно надо настраивать, все такое. Выключила и выключила. А что ты к нам приходила?

— Сереженька просил зайти за игровой приставкой.

О-па! Вот и проговорилась: все время она капала дочке и зятю, что ребенку вредно в таком возрасте столько времени играть в электронные игры, а как осталась с ним сама, тут же стала ему потакать. Таня не удержалась, чтоб не спросить:

— А не вредно ему это будет?

— Ну если немножко... Как вы-то гуляете?

— Гулять не работать!

Эта глубокая мысль всегда выручает в подобных случаях, позволяя избежать дальнейших расспросов. На всякий случай Таня добавила:

— В Хофбурге были.

— Это далеко от Вены?

— Да нет, здесь, прямо в центре, дворец так называется.

Они еще немного поговорили, и тут Таня вспомнила, зачем, собственно, звонила:

— Да, мам, у меня к тебе просьба. Ты сможешь завтра еще раз зайти к нам?

— Мы, вообще-то, завтра собирались на дачу переезжать. А что, что-то срочное? Может, мне сегодня зайти?

Такого поворота Таня не ожидала.

— Н-нет, именно завтра надо. Потому что мы сегодня... Мне надо, чтоб ты продиктовала кое-что...

— Так я сегодня продиктую.

Наконец Таня сообразила:

— Понимаешь, мне должны завтра с утра прислать на скайп сообщение. Сегодня его еще не будет. А у меня здесь на планшете что-то скайп не берет.

— А на почту не могут послать?

— Да там... Мама одного ребенка... — Таня работала в детской больнице. — Она совсем темная. Из глубинки. Ей скайп на телефон установили, она ничем другим пользоваться не умеет. И должна мне диагноз сообщить, чтоб я ей перезвонила и указания дала, как и что делать. Они у нас лежали, потом выписались, и ребенку уже дома опять стало плохо. А она только мне верит, говорит, я ее сына на ноги поставила.

Между прочим, это почти соответствовало действительности, за исключением разве что темноты мамы из-под Тюмени. И произошло это несколько месяцев назад.

Таня сыграла одновременно на нескольких струнах материнской души: во-первых, жалость к больному ребенку, во-вторых, гордость за дочь, чей авторитет среди больных столь велик, и, в-третьих, сочувствие к темной женщине, чуждой достижениям высоких технологий.

— А когда она придет? — спросила мама. — Когда мне прийти?

— Да завтра в любое время можно. У них же разница во времени, так что, я думаю, у нас еще ночь будет, когда она пошлет. Так что с утра забежишь, а потом поедете. Ладно?

— Ну конечно.

— И, мам, у меня еще одна просьба. Если бы ты все равно не заходила, то и ничего, но раз ты все равно... В общем, задерни, пожалуйста, на кухне занавески.

— А в чем дело?

— Да эта Зина. Взялась следить за нашей квартирой. Вроде как под охрану взяла. И чуть с улицы кто-то фарами посветит, звонит: «У вас кто-то есть, свет зажигает». И все такое прочее. Сделаешь, а?

— О чем речь!

Еще несколько ласковых фраз с той и другой стороны — и разговор закончился.

Единственное серьезное дело, которое им оставалось, это сообщение от тюменской пациентки. Таня зарегистрировалась в скайпе под ни к чему не обязывающим ником Shura1987, отправила самой себе приглашение, ответила на него и послала от имени Shur'ы диагноз, который действительно был в свое время у тюменского мальчика.

Легли рано, установив будильник на шесть часов.

В половине седьмого с соблюдением конспирации они вышли из дома, предварительно убедившись, что квартира находится в таком же состоянии, в каком ее оставила Валерия Павловна. За исключением, разумеется, разбитого стекла.

Подъезд Торошиных был как будто специально создан для незаметного исчезновения: сразу после выхода — нырк в арку, и ты уже на улице, где, в отличие от двора, даже в самое малолюдное время нетрудно раствориться.

От мысли завести машину они сразу отказались: не хватало еще, чтоб Зина сообщила об угоне и их перехватили на какой-нибудь подмосковной дороге. А уж в том, что бдительная соседка точно знает, где они оставили свою «Октавию», сомнений не было.

Назавтра предстояло покинуть Вену. Последний день они решили посвятить поездке в Венский лес. Помимо того, что это было не так банально, как хождение от одного знаменитого собора к другому или от оперы к «Золотому Штраусу», такой маршрут давал возможность поделиться реальными фотографиями.

Несколько кадров в подмосковном лесу с сияющими лицами и, разумеется, подписями, извещающими, что это те самые места, которым посвящен знаменитый вальс, вызвали среди их друзей в инстаграме и фейсбуке заметное оживление: если на вчерашние текстовые сообщения реагировало по семь-восемь, максимум десять друзей, то тут уже счет пошел на второй десяток, а кадр, в котором они как бы вальсировали в самом настоящем Венском лесу, набрал аж двадцать три «Нравится», не говоря уж о словесных комментариях.

В одиннадцать позвонила Валерия Павловна. Она продиктовала диагноз и на вопрос дочери «Ну как там, дома, все в порядке?» ответила:

— Да. Все отлично. Не волнуйтесь, гуляйте на здоровье.

После чего начала расспрашивать, как у них дела, и, зайдя в инстаграм прямо с их компьютера, полюбовалась фотографиями.

О разбитом стекле — ни слова.

Поскольку они были без машины, приходилось держаться недалеко от железнодорожной станции. Нагулявшись в лесу, отправились в ближайший город. С двух сторон привокзальной площади стояли две весьма помпезные *едальни*, которые язык не повернулся бы назвать пивными, хотя именно ими они, по сути, и были. Одна имела замысловатое название, включающее в себя *бир*, *хоф* и *штрассе*, в общем, все то, что хозяин посчитал обязательными атрибутами заведения в немецком духе. Название второй выгодно отличалось лаконизмом: она звалась «Ахтунг».

По здравом размышлении туристы выбрали более претенциозный вариант. И не прогадали. Возможно, в «Ахтунге» было бы не менее вкусно и уж наверняка дешевле, однако с инстаграмно-фейсбучной точки зрения им гораздо больше подходила «Бирхоф нойе штрассе». (Ну конечно, как же без *нойе*-то?)

Обстановка, а главное — посуда, особенно пивные бокалы, и сервировка блюд были вполне на уровне европейской столицы.

Выложенные в сеть фотографии вызвали ажиотаж. В масштабе, разумеется, круга Юриных френдов. Кадры с едой набрали в среднем по тридцать лайков, а у тех, на

которых были еще и бокалы с пивом, уж и к пятидесяти дело подходило. Общая тоналность комментариев была: «Молодцы! Время не теряете! Так держать!»

За обедом, да и в течение всего дня они не раз вернулись к вопросу: почему мама (теща) не сказала, что у них разбито стекло? Может, не заметила? Тогда дело плохо: они ведь ее специально вызвали, чтоб *заметила*.

Вернулись домой в двенадцатом часу. Им удалось прошмыгнуть, ни с кем не встретившись.

Первым делом кинулись к окну. Осколков не было, даже острые кусочки стекла были вынуты из рамы. Юра в недоумении смотрел на все это, а Таню осенило:

— Ну конечно! Как я сразу не сообразила! Она решила, что мы забыли закрыть окно, и его захлопнуло ветром. Но ведь она была здесь, на балконную дверь обратила внимание, а на окно — нет. Вот и чувствует себя виноватой.

— И что?

— Ох, мужчины! Неужели непонятно? Она хочет потихоньку вставить стекло, чтоб мы не узнали.

За этим разговором они чуть не забыли про «Летучую мышшь». Вспомнили за полночь и сели писать восторженные отзывы о спектакле. Фразы типа «Вот кто умеет играть оперетту, так это австрийцы», «С каким все вкусом! И игра, и музыка, и пение!» или «Ты сидишь и чувствуешь, что просто растворяешься в музыке» вызвали отклики, суть которых сводилась к тому, что они так чудесно все описывают — буд-то сам побывал там.

По карте они увидели, что театр Бадена находится то ли рядом, то ли в одном здании с казино. Юра хотел написать, что они и там побывали перед спектаклем, но Таня не разрешила: не надо перегибать палку. И вообще, в театрах они бывали и представляют, как там все происходит, а с казино можно и впросак попасть.

Назавтра им предстоял переезд в небольшой «фестивальный» город. Как и накануне, в половине седьмого они уже были на улице, а с одиннадцати часов вели репортаж об австрийских автобанах.

День решили провести в Москве. Таня предлагала поехать на окраину, равноудаленную и от дома, и от обеих работ. Но Юра сказал:

— Нет, на любой окраине можно кого-то встретить, кто отгул взял или заболел. Ты что, всех своих сотрудников и знакомых знаешь — кто где живет? А вот как раз в самом центре можно спрятаться. Только в музеи не надо соваться, потому что туда кто-то может ребенка повести.

Им действительно никто не встретился. А вечером, вернувшись домой, они нашли окно совершенно целым. Таня тут же позвонила маме, и та ей сообщила, что у них все в порядке; правда, ей самой пришлось *по кое-каким делам* на денек задержаться, а завтра она прямо с утра поедет на дачу; но Танечка с Юрочкой чтоб не волновались: это она задержалась, а папа с Сереженькой еще со вчерашнего дня на даче дышат свежим воздухом.

Посмеялись и сели писать отчеты о спектакле. Восторженные отчеты, разумеется.

И покатился отпуск своим ходом. Бывали дни, которые они с утра до вечера проводили за городом, бывало и так, что они из дома носу не казали. Валерия Павловна не забыла задернуть занавески, и днем можно было свободно пользоваться кухней. Да и вечером тоже. Если свет не зажигать.

Оставаясь дома, они до полудня, а то и позже валялись в постели. Посмотрели много старых фильмов: что-то новое *осваивать* не было никакого желания. Когда в очередной раз стали выбирать, что бы еще посмотреть, и Юра предложил «Новых

амазонок», как в советском прокате переименовали польскую «Секс-миссию», Таня заметила:

— А тебе что, своей *миссии* недостаточно?

И они начали хохотать.

Действительно, что греха таить: фраза про долгое лежание в постели помогла рассказчику уйти от уточнения того, чем они там занимались, — так же как «амазонки» дали нашим целомудренным прокатчикам возможность обойти опасное слово «секс». Ну а словосочетание «что греха таить» позволило хоть косвенно, но все же намекнуть на утаенную от читателя информацию.

Время от времени туристы отрывались от своих занятий и публиковали сообщения о поездке. Но обойтись одними словами было невозможно. А откуда взять фотографии? Нельзя же одной едой обойтись, да и питаться каждый день в заведениях соответствующего уровня — никаких отпускных бы не хватило.

Юра попытался с помощью фотошопа вписывать их фигуры в австрийские пейзажи, найденные в сети. Но его мастерства не хватало, чтобы подделка была незаметна.

Однако решение нашлось и тут. Роясь в интернетовском фотомусоре, Юра обнаружил множество селфи. Прежде он не обращал внимания на их специфику. А теперь понял: вот оно! Искаженные из-за близости к объективу физиономии почти заслоняли фон.

Юра вывел на экран телевизора Штефансдом — собор Святого Стефана. Они встали спиной к нему, расплылись в улыбках, Юра вытянул руки и сфотографировал счастливую пару. Им действительно было смешно, и они расхохотались, так что вышло в точности то, что нужно: вытянутые куда-то в бесконечность руки, и между ними — идиотически-счастливые рожи с микроскопическим просветом между ушами, в котором виднелся кусочек прекрасной колокольни. Остаток этого дня они селфились по всему маршруту, сохраняя фотки в папках, названных именами городов и областей (по-немецки земель), чтобы потом выкладывать их по мере своих разъездов.

Кое-где в кадр попадало что-то вроде рамки, но то, что это корпус телевизора, понять было невозможно, вполне могло сойти за оконную раму. Такие снимки впоследствии снабжались девизом «В кофейне», «В ресторане» или просто «На веранде».

Так они коротали время дома. Но все же в основном уезжали из города. Первые два раза, как в описанной прогулке по Венскому лесу, просто болтались по ближнему Подмосквовью, а потом сообразили, что ничто не мешает составить если не центрально-, то хотя бы восточноевропейскую культурную программу. Для начала съездили в Сергиев Посад. Потом догадались обратиться к профессионалам. Найти экскурсионное бюро оказалось несложно. Цены были вполне доступными, и они осуществили наконец то, о чем не раз говорили: «Надо бы...», «Хорошо бы...» или «А почему это мы не...». Для начала отправились в Архангельское, потом — в Шахматово и Тараканово, к Менделееву и Блоку. Войдя во вкус, сообразили, что им вовсе не обязательно каждый раз возвращаться домой, и купили путевку на два дня с ночевкой — на Оку, к Чехову и Полену, и в Тарусу, тоже связанную со многими славными именами.

Эти поездки сопровождались пламенными публикациями в социальных сетях, рассказывающими о красотах альпийских горных дорог, шедеврах австрийской барочной архитектуры и, конечно же, о музыкальных впечатлениях.

Понравилась им «Марица». Они отыскивали на ютьюбе отрывки из этой постановки и могли даже рассуждать о деталях. Там же нашлись и «Звуки музыки» в марионетках, они досмотрели весь спектакль до конца, благо он был не длинным. «Дон Жуан» оказался *просто великолепным*: понятно, что исполняли его звезды мировой оперы, то есть голоса — выше всяких похвал, жаль только, что билеты нашим героям доста-

лись не самые лучшие (они решили, что эта деталь придаст реалистичности сообщению). Поскольку это была премьера и в сети появилось только несколько фотографий, свое мнение о спектакле в целом они выразили словами: «Ну, современная постановка, что с нее взять?»

И, конечно, Дина Хэмпсон *отожгла по полной*. Такие ее хиты, как «Never, Never, Never and once more Never» и «Oley-Holey-Diggi-Don», буквально взорвали огромный зал, размером сравнимый с небольшим стадионом. Привести названия песен они могли не сомневаясь: ясно, что без этих старых хитов Дину бы не отпустили со сцены.

Но вернемся из мира воображаемого в мир реальный. «Золотое кольцо» оказалось Торошиным не по карману. В смысле — взять экскурсию. А вот самим прокатиться на электричке во Владимир, Суздаль или, скажем, Ярославль — в самый раз. Это поездка должна была стать последней: шла уже вторая неделя их отпуска, в виртуальном мире они давно перебрались в горную часть Австрии и колесили по *Зальцбургщине*. Да еще надо было оставить день на подарок.

Ранним утром Татьяна и Юрий Торошины подошли к кассам Ярославского вокзала и принялись изучать расписание.

— Извините, у вас не найдется... чего-нибудь?

Они одновременно оглянулись и одновременно, еще не повернувшись до конца, сказали: «Нет!»

— Извините...

Перед ними стоял мальчик... Не в смысле *мальчик*, а юноша — такой, каких люди от тридцати и старше называют *ну совсем мальчик*. На нем была военная форма без погон.

Ох уж эта военная форма! Кто только ею не прикрывается! Главным образом, инвалиды, как бы говоря, что потеряли свою конечность, а то и две на службе Родине. И, главное, находятся же олухи, которые верят этому дешевому маскараду!

Примерно так подумал Юра, хотя и в не столь пространных оборотах. Уж он-то себя олухом никак не считал. А вот Тане что-то показалось необычным в этом пареньке, чем-то он отличался от привычных глазу попрошаек в стиле *милитари*.

— Что случилось-то? — спросила она.

— В смысле, где? — не понял тот.

— Ну, с тобой что случилось?

— А-а-а, — протянул он и начал свое повествование, с характерным оканьем и уныло-безнадежным тоном: он уже привык, что ему не верят.

Суть незамысловатой истории сводилась к тому, что он отслужил свой год и возвращался после дембеля домой. Это еще в июле было. Здесь — пересадка, до поезда оставалось часов шесть. Он сидел, сидел на лавке, да и закемарил. Проснулся, а — ни вещей, ни денег, ни документов. Сунулся было к военному коменданту, но тот даже слушать не стал. Тогда он попробовал обратиться к сердобольным пассажирам и даже немного собрал, пока очередной «такой добрый дяденька» не сказал ему: «Пойдем, я тебе все дам, сколько нужно на билет. Чего тебе по копейкам кланчить?» Он и пошел. А когда они завернули за угол, на него набросились, отколотили, все отняли и сказали *Мотай отсюда пока цел*. А он сказал, что *мотать* ему некуда. Они обо всем расспросили и объяснили, что он дурак, потому что без документов никуда все равно уехать нельзя, а если он сунется, тут же сдадут военному патрулю, арестуют как дезертира и в тюрьму посадят, и ничего не докажешь. А если он хочет домой попасть, то должен на них немного поработать, а когда он отработает дорогу домой, они знают, как его туда отправить. И вот он около месяца тут побирается, вечером им все отдает, а они его за это кормят и поят. Он сперва от водки отказывался, но они го-

ворят, что у них так не положено, что типа он их не уважает, и заставляют выпить. А ему от этого плохо. Но он скоро заработает на дорогу, и это все кончится.

Если в начале голос паренька звучал вяло и монотонно, то по мере рассказа перед его глазами начали вживе вставать картины пережитого, он сам увлекся, и к финалу голос окреп и зазвучал так искренне, что ироничный Юра воскликнул, обращаясь, впрочем, главным образом к Тане:

— «Верю!»

Паренек, очевидно, ничего не слышал ни о Станиславском, ни о его системе и обрадовался:

— Вы мне правда верите?

У него даже слезы на глазах выступили.

— Это что, в самом деле так и было? — недоверчиво переспросил Юра.

Тут уж бедняга совсем растерялся: то «верю», то опять какое-то сомнение.

— Ну... да... Я ж и говорю...

Они начали расспрашивать уже совсем по-иному, по-настоящему вникая в его рассказ.

Оказалось, что он из северного совхоза (вот откуда это оканье). Ему бы только до Череповца добраться или хоть до Вологды, а там уж... Но это невозможно: в одном негодяи, поработившие парня, были правы — в том, что ему нельзя высовываться, если он не хочет угодить в руки патруля.

— Садись, сиди и не дергайся, — сказал Юра. — Да тебя как звать-то?

— Генкой.

— Ну садись, Генка.

Они стали совещаться и выработали план действий. Первым делом парня надо было переодеть.

Юра вызвал по мобильному такси. Они подождали семь обещанных телефоном минут и направились к выходу из здания.

— Э! Куда? — раздалось сзади них.

Похоже, за ними наблюдали.

Юра оглянулся. К ним направлялся парень спортивной комплекции с малоинтеллектуальным лицом.

Они были уже около вращающейся двери.

— Быстро в машину и ждите меня где-нибудь, — бросил Юра.

Таня с Генкой вошли в крутящуюся дверь, состоявшую из четырех отсеков, а он задержался. Дождавшись, когда преследователь будет совсем рядом, он тоже вступил в движущийся стеклянный квадрант. Спортивно-малоинтеллектуальный парень — в следующий...

И тогда Юра сделал то, что делают многие неопытные и спешащие люди, пытаюсь ускорить движение: он толкнул дверь. И она заблокировалась. Тыр-пыр, пыр-тыр... Балбес в соседнем отсеке от злости стал тоже толкать стекло, но, разумеется, безрезультатно. Те, кто не успел войти в стеклянную карусель, закричали:

— Да что вы толкаетесь? Опустите руки! Она сама пойдет!

Наконец и до спортсмена дошло. Но Юра оказался не столь сообразительным и продолжал попытки сдвинуть дверь с места, пока не увидел, как желтое авто отъехало от вокзала.

Наконец они оказались на свободе. Парень схватил Юру за плечо и закричал:

— Вы куда его повезли?..

Он добавил пару нецензурных междометий. Впрочем, и дальнейшая его речь изобилвала образчиками ненормативной лексики, которые мы цитировать не будем.

— Кого? — переспросил Юра.

В общем-то, и нормативную часть их диалога приводить здесь нет смысла, так как вся содержащаяся в ней информация сводилась к простой формуле: Юра строил из себя дурачка, а его собеседник понимал это, но ничего не мог сделать. Точнее сказать, именно *сделать* он кое-что мог. И весьма неприятное для Юры, хотя и не имеющее юридической силы. Почувствовав, что беседа вот-вот перейдет в невербальную стадию, Юра, до сих пор старавшийся быть крайне вежливым, что, собственно, и придавало собеседнику уверенности в его слабости, решил, что пора *раскрыть варежку*. И он ее раскрыл:

— Ты что, б... — он тоже не погнушался неэнциклопедическим словом, — думаешь, если человек с тобой спокойно разговаривает, так ему уже и обратиться не к кому? Что ты тут на меня наезжаешь... — Он повторил то же самое слово, не считая нужным разнообразить лексикон. — Хочешь, чтоб я *своих* вызвал? Да? Так я могу. Мне просто беспокоить дядю не хотелось. Я не к вашим вокзальным полицейским обращусь, прикормленным... — И в третий раз то же слово. — Полковник УБОП по Москве тебя устроит?

Теоретически Юра, конечно, мог дотянуться до такого полковника, даже не через классические шесть, а всего через четыре рукопожатия, но, по сути, он, конечно, блефовал. Тем не менее блеф сработал: парень продолжал все так же нецензурно угрожать, но уже менее напористо, и явно отказался от использования силовых приемов. Тогда Юра тоже изменил тон и сказал почти примирительно:

— Ну че ты на меня наезжаешь? Откуда я знаю, куда этот твой парень поперся? Ну подсел он к нам, ну мы поговорили, а потом мы пошли, и он тоже. Мы его с собой не звали. Но и не гнать же. Откуда я знаю, может, он поесть пошел.

Разговор завершился оборотом «Ладно, проехали», хмуро брошенным бригадиром попрошаек, как называлась бы его должность, будь она прописана в некоем несуществующем штатном расписании. Избавившись от его общества, Юра позвонил Тане, и она сказала, где они стоят. Водитель уже знал историю Гены и с готовностью подключился к попытке «спасти парня».

Сначала поехали домой. Впервые за неделю с лишним им предстояло появиться во дворе при свете дня. Риск был велик.

Они не стали объяснять, почему им нельзя показываться соседям, а просто попросили водителя остановиться у аптеки, чтобы купить респираторы.

— У тебя есть головной убор? Ну, форменный, — спросил Юра у Гены.

— Нет, он в сумке был, которую... — Гена вздохнул.

— Это пойдет? — спросил водитель, протягивая бейсболку.

Юра примерил.

— Отлично, — оценила Таня.

Хотя, конечно, вид был странноватый: бейсболка характеризовала его если не как мачо, то, по крайней мере, как претендента на роль мачо, а респиратор придавал вид хилака, зацикленного на своем здоровье.

Остановились у самого подъезда. Юра с Геной вышли. Юра сутулился и прихрамывал. Они нырнули в дверь, а водитель отъехал и буквально втиснулся в узкое пространство между двумя высокими машинами, чтобы снаружи нельзя было разглядеть, кто находится в салоне. На всякий случай Таня немного сползла.

Через десять минут Юра позвонил и сказал, что они спускаются. Такси снова подъехало к подъезду. Дверь открылась, и из нее вышел сосед с пятого этажа со своей миттельшнауцерихой. Спустя минуту Юра вывел Гену, одетого в его старые джинсы и футболку.

— Голубинского не встретили? — спросила Таня, когда все расселись и машина тронулась. — Я боялась, что вы с ним пересечетесь.

В отличие от нее, Юра не всех соседей знал по фамилии, но догадался, что речь идет о собачнике. Ведь вот интересно: что миттель — девочка, он знал, а как звать хозяйна — нет.

— Конечно, пересеклись, — махнул рукой Юра. — Закон подлости! И, главное, если бы он ехал сверху, я бы сказал: «Мы еще ждем, поезжайте», — и все. А так — он вошел, и куда нам? Гена молодец, сразу собакой занялся: «Какой песик, как его зовут?» Тот на него переключился, и на меня не глянул.

— Отвлекающий маневр! — хохотнул таксист.

Гена с удивлением узнал, что он молодец: на самом деле он просто любил животных и ни о каких маневрах не думал.

Пока они занимались маскировкой, водитель продумал маршрут. Пересекши Москву с юго-запада на север, они выбрались на МКАД и вскоре заметили площадку для большегрузов. Заехали, и водитель спросил у своих дальнобойных коллег, здесь ли стоят машины, которым дальше — по Ярославке. Те ответили, что здесь, и, узнав, что они ищут, кто направляется в сторону Вологды или Чепеповца, единогласно решили:

— Это вам надо к Михалычу. Вон его машина!

Юра попытался отпустить таксиста, но тот сказал, что хочет довести дело до конца. При этом он благородно остановил счетчик, и звук эсэмэски известил Юру, что деньги за поездку сняты.

Михалыч, точнее, Иван Михайлович, оказался высоким, немолодым, возраста родителей Юры и Тани, начинающим сесть человеком с высоким, чуть сиплым голосом и южным выговором. От его верхней губы к подбородку спускалось некое подобие усов, которое усиливало мимику рта, превращая легкую усмешку в радушную улыбку.

Поздоровались, и Иван Михайлович сказал:

— Ну рассказывайте!

Таня рассказала.

— Какие проблемы! — улыбнулся Иван Михайлович. — Доставим в лучшем виде.

Вообще, при одном взгляде на этого человека становилось ясно, что для него любой вопрос — *какая проблема!*

— Если будут какие-то проверки документов... Придется откупаться... Это сколько ориентировочно может стоить?

— Та нисколько! Раньше, да, бывало. А теперь уже вон сколько лет — никому ничего не нужно. Едешь себе, ну и ехай. Какие проблемы!

Торошины попытались все же дать немного денег «на всякий случай». Много у них и не было, но тысяч на пять они могли раскошелиться. Однако Иван Михайлович отказался. Они все же дали Гене тысячу на дорогу и заплатили за душ: стоянка была оборудована всем необходимым для тех, кто долго не был дома. Гена в эту категорию входил безусловно.

Понятно, что ни в какой Суздаль они в этот день уже не поехали. Зато отправились за подарками, и к вечеру у них собрался довольно большой пакет с тремя бутылками шнапса и сувенирными тарелками, завернутыми в сувенирные же майки. На тарелках были представлены виды Вены и портреты композиторов, а шнапс предназначался для обоих дедушек и мужа Юриной сестры, Вадика. Лежали в пакете и магнетики, но они в этом объеме занимали совсем незначительное место. В отдельной упаковке была небольшая марионетка для Сережи. Правда, в магазине она шла как чешский сувенир, но об этом никто бы не догадался: марионетка изображала все того же многострадального Франца-Иосифа. Там же, где шнапс, они купили две коробки конфет «Моцарт». В общем, никакой комар не смог бы подточить носа, изучая этот джентльменский (как-то не хочется использовать слово *херрский*, хотя оно бы тут было всего точнее) набор.

Вечером позвонил Николай Александрович:

— Танечка, ты нам эсэмэсни номер рейса и точное время прилета.

— Зачем, пап? Мы как прилетим, вам позвоним.

— Нет-нет, я вас встречу.

— Ну вот еще! Не надо совершенно!

— Ну Тань, ты что думаешь, это я такой энтузиазм сам проявляю? Ты ж меня знаешь!

Конечно, отец кокетничал: сколько раз он с готовностью отвозил и их, и многих других на вокзалы и в аэропорты, а еще чаще — в обратном направлении! Правда, каждый раз по возвращении ворчал, жалуясь на *эксплуатацию человека человеком*. Таня попыталась на этом сыграть:

— Ну вот, я и не хочу эксплуатировать человека человеком!

— Да ты-то при чем? Это Сережа хочет вас встретить, — объяснил он. — А ему, сама понимаешь, я отказать не могу.

— Папа, это очень неудобно!

— Чем неудобно? Никакого неудобства.

— Вы же на даче.

— И что? Бешеной собаке семь верст... — сама знаешь.

— Вы нас лучше прямо дома встретьте.

— Ты считаешь? Ну ладно... Сережа, может, не поедет в аэропорт, а лучше встретим папу с мамой дома? — и снова в трубку: — Нет, он именно в аэропорт хочет. Ну что тебе не нравится, я не понимаю! Встретим, отвезем, ребенка на час раньше увидите.

Она — и так, и этак, но как же можно отвертеться от подобной любезности?

— Ладно, я тебе сейчас кину эсэмэску. Пока, целую!

Они смотрели друг на друга. Никакого выхода из этой ситуации не было. Если бы можно было приехать в аэропорт за час до самолета, пробраться в зону выхода и дожидаться пассажиров со «своего» рейса. Но кто их пустит за красную черту, в зону таможенного досмотра?

Главное, когда они выбирали рейс, там было два: с прибытием в Москву в четыре утра и в пять дня. Что бы на первый рейс «взять билеты»? Нет, видите ли, «слишком рано» — как будто в самом деле предстояло всю ночь в пути провести! Вот и вляпались. Хотя кто мог такое предвидеть?

— Может, просто сказать, что рейс перенесли?

— Нет, если бы чартер был... И потом, они у Риты спрячат.

— Да уж, эта Рита еще...

— Все просто! — сообразил Юра. — Надо спрятаться где-нибудь за колонной, пока Сережка попросится писать (а рано или поздно он обязательно попросится), и когда они вернутся, мы уже будем их ждать.

— А если они втроем поедут? Папа с ним пойдет в туалет, а мама останется встречать.

И все же, если долго искать решение, оно найдется. Довольно жестокое по отношению к встречающим, но что ж делать? Сами написались!

Она послала отгу сообщение. Через полчаса тот перезвонил:

— Тань, ты ничего не спутала? На сайте в расписании вы в Шереметьево прилетаете.

Ох как тяжело иметь дело с этим папой! Ну написали тебе: «Домодедово», — что ж по сайтам-то лазать?

«Хотя нет, это не он. Это точно мама, я ее знаю», — подумала Таня.

— Ну я же поэтому специально указала. Нам сообщили, что именно наш рейс будет садиться в Домодедово. Чтоб мы встречающим передали, потому что по расписанию... Ну, в общем, ты сам видел.

— Кто это вам сообщил? Вы же вроде не в группе.

И это они сообразили! Ужас, что за люди!

— А мы летели сюда вместе с группой, в самолете познакомилась. И несколько человек из них в нашей гостинице живет. Вот они нас и предупредили.

Конечно, это проверить тоже ничего не стоит. Но, может, не станут?

По счастью, последнее объяснение прозвучало достаточно убедительно, хотя все же в голосе Николая Александровича еще слышалось сомнение:

— Ты точно уверена? Может, у них какой-то другой рейс? Может, Рите позвонить?

— Нет, па, мы уж все проверили-перепроверили. А тете Рите, я тебя прошу, не звони ни в коем случае: она и так немного обиделась, что мы не через нее все сделали.

— Рита обиделась?! На вас?

Это действительно было на нее не очень похоже.

— Ну, мне так показалось, когда я с ней говорила. И теперь ты нас в глупое положение поставишь: всё — сами, сами, а как какое-то сомнение — снова к ней.

Короче, удалось его уболтать.

Вечером пришлось собирать чемоданы. Если бы они действительно были за границей, им бы пришлось туго. Причем *туго* в прямом смысле слова: чемоданы отказывались вмещать в себя все приготовленное для поездки плюс подарки. Но с учетом специфики этой поездки они смогли задним числом взять из Москвы поменьше багажа.

Кстати, к моменту повторной упаковки вещи выглядели вполне соответствующе: не стирать же во время отпуска. Еще если бы по-настоящему за границей, когда запас ограничен, так, может, и пришлось бы. А так... Еще один плюс!

Как и в предыдущие дни, вышли из дома ни свет ни заря. Необычным было то, что они тащили чемоданы. Вообще-то, чемоданы могли катиться, но при этом колеса так дребезжали, что от их конспирации ничего бы не осталось. Нырнули в арку, опустили чемоданы, и стало полегче. Дошли под шум колесиков до перекрестка и уже оттуда вызвали такси. Так что одно отклонение от привычного порядка повлекло за собой другое: налегке они довольствовались метро.

Оставалось одно важное мероприятие. Дело в том, что они все время следили за погодой в тех местах, где якобы находились. И, как назло, метеосайт упорно показывал солнечные дни. Конечно, они много времени проводили в автомобиле и в помещениях, но все равно не могли не загореть. А как Юра с Таней ни старались использовать августовское подмосковное солнце, эффект был не сравним с тем, какой должно было дать солнце альпийское. Поэтому они нашли косметический салон с солярием, расположенный подальше от дома, и даже записались на сеанс. Однако в продуманный план вмешалась необходимость посетить аэропорт, да еще с чемоданами в руках, и нарушила их планы. Но они здраво рассудили, что в Химках, лежащих прямо на пути в Шереметьево, уж точно какой-нибудь солярий найдется.

По утренней Москве долетели в Химки за полчаса, немного поколесили по городу и действительно вскоре увидели заведение с завлекательными «эпиляцией», «татуажем» и «солярием» над пятиоконной витриной, вытянувшейся вдоль всего дома.

Вид двух людей, сидящих на чемоданах перед входом в салон красоты, показался бы весьма странным стороннему зрителю. К счастью, прямо перед домом зеленел сквер, на лавочках которого наши путешественники и скоротали время до открытия. Позавтракали яйцами и бутербродами, взятыми из дома. Чемоданы оказались как нельзя кстати: сразу было видно, что это не бомжи, единственной мебелью которым служат садовые скамейки, а туристы, заброшенные судьбой в такое не слишком туристическое место. Но мало ли куда любознательные безденежные автостопщики из старушки Европы, а то и из-за океана направляют свои *стопы*?

Наконец часы показали, что салон вот-вот откроется, и Юра пошел на разведку, оставив жену стеречь багаж.

На вопрос, можно ли пройти процедуру в солярии, любезная администратор салона ответила:

— Конечно, можно. У нас сейчас как раз свободно. Первая запись на одиннадцать.

Она спросила, есть ли у Юры крем от загара и шапочка, и, поскольку их не было, предложила купить. Что Юра и сделал, сказав, что после него подойдет его жена.

Проблемы начались, когда надо было раздеться. Юра заявил, что хочет принять сеанс одетым. Действительно, для подлинности ему надо было загореть так, как он загорел (бы) в поездке, а там он все время ходил (бы) одетым.

— Нет, это не положено, — отрезала раздатчица солнечных лучей.

— Почему? У вас же вертикальный солярий, я ни к чему не буду прикасаться. А обувь, конечно, сниму.

Перед визитом сюда он познакомился с азами процедуры и знал, что солярий бывает горизонтальный, где действительно было бы негигиенично лежать в верхней одежде, и вертикальный, где это никому не мешало.

Однако администратор и мастер загара в одном лице продолжала твердить свое «не положено». Он в свою очередь заявлял о готовности разуться и напоминал о вертикальности солярия. Новых аргументов ни с той, ни с другой стороны не звучало, и вскоре дискуссия зашла в тупик.

Вернувшись в сквер, Юра шваркнул тюбик с кремом и две шапочки на лавку и сердито буркнул:

— Ну вас всех к черту!

Жена в его глазах была ответственна как за всех женщин, так и за косметические процедуры как часть их мира.

Таня начала расспрашивать, что произошло, он дулся, дулся, но потом нехотя рассказал. Она взяла крем и шапочку и пошла разбираться.

Увидев Таню и услышав, что им нужен именно такой загар, как будто они вернулись из поездки в солнечные, но не так чтобы совсем тропические края, работница красоты вмиг смекнула, что «жена», как ее назвал *тот придурок*, никакая не жена, что они любовники, супруги которых уверены, что они отправились на юга, тогда как их благоверные проводят время в соответствующих утехх гораздо ближе. О том, что изменники оба, свидетельствовала необходимость загореть и ему, и ей. Однако она ничего не сказала вслух. Точнее, сказала:

— Ну так а чего ж он не объяснил толком? «Буду одетым, буду одетым!» Сказал бы, что к чему, — мы что, не люди? Конечно, помогли бы.

Она понимающе ухмыльнулась поганенькой ухмылкой. Тане это было не очень-то приятно, но она предпочла ничего не заметить и не вдаваться в подробности: не паспорт же показывать!

В результате они получили по пять минут облучения плюс профессиональное объяснение, что на первый раз достаточно, чтоб не обгореть, хоть в одежде, хоть без одежды. А надо повторно прийти через несколько дней и уже тогда загорать по-настоящему. А так у них — только легкий загар. Но их как раз легкий и устраивал. По правде сказать, получился цвет кожи, совершенно соответствовавший тому отпуску, который они якобы провели.

Поочередно позвонили родители. Торошины — просто узнать, все ли у них в порядке, готовы ли они к полету, и выразить уверенность в скорой встрече. А Долгославцевы — те еще раз попыгались разобраться в путанице с аэропортами. Они спросили-таки у Риты, и та сказала, что по расписанию... Ну, что по расписанию, все и без нее знали. Зато она еще и добавила: «Впрочем, все бывает. Хотя я с таким не сталки-

валась», что благотворно подействовало на неугомонных Валерию Павловну и Николая Александровича. Хотя и не помешало задать дочери вопрос:

— Может, нам все же в Шереметьево поехать?

Что ее вывело из себя — настолько, что она взорвалась:

— Ну поезжай! Кто тебе не дает? Счастливого пути! Ребенка еще потаскай туда-сюда!

И под родительское «Ладно, ладно, что ты так волнуешься?» разговор завершился.

Пока пообедали, пока что, пришло время ехать в аэропорт. На этот раз воспользовались автобусом, который мигом домчал их из Химок до терминала Е.

Зашли в здание, уточнили в справочной, что задержки нет, отключили телефоны и сели ждать. А когда через три часа услышали: «Вниманию встречающих...» — и номер своего рейса, снова включили.

Они приготовились к лавине упреков, что у них все всегда так; что они не могут все толком проверить; что надо как-то бороться со своей несобранностью...

И тут раздался звук эсэмэски.

Таня даже не собиралась читать: и так ясно, что это родители набирали ее, пока мобильный был отключен. Но в этот момент пришло второе сообщение. Два подряд — это уже интересно.

Одно сообщение действительно было о том, что им звонили. Во втором говорилось: «Немного задержались. Не уезжает без нас». Таня поняла, что мама (сообщение было от нее) имела в виду, да скорей всего и написала, «уезжайте», но текстовый редактор автоматически подставил слово, которое ему показалось более привлекательным.

Пока она разбиралась, позвонила сама мама:

— С приездом!

— Ой, — не очень правдоподобно расстроилась дочь, — мама, мы все-таки в Шереметьево прилетели.

— Ну кто бы сомневался! — обрадовалась своей правоте Валерия Павловна и закричала мужу: — Коля, Коля! Не туда! Они в Шереметьево!

Очевидно, родители как раз подъехали к МКАД, и Николай Александрович начал поворачивать в сторону Домодедова.

Раздалось невнятное ворчание водителя, который уже перестроился и не мог не свернуть. Но до разворота было всего километра три, так что этот крюк отнял у них минут пять-семь.

В общем, все обошлось. На них даже не очень сильно ворчали, потому что практически никакой серьезной путаницы допущенная ошибка не создала.

Ну, дальше уже не очень интересно. Во всяком случае, никакого авантюрного элемента в продолжении нашего рассказа не предвидится. Просто, чтобы не прерывать его на полуслове, сообщим несколько фактов, как бы завершающих определенные сюжетные линии предыдущего повествования. Как бы эпилог. Типа того.

Через день позвонил Генка из своего поселка и сообщил, что добрался благополучно и что дядя Ваня (Иван Михайлович) даже дал небольшого крюка, чтоб довести его прямо до дома.

Фотографии, рассказы, подарки и загар прошли на ура. Причем что касается рассказов, то от неоднократного повторения они стали казаться самим Юре с Таней пережитыми въяве.

Ну и, в самом деле, когда все позади, так ли уж важно, сжигал ты литры топлива на центральноевропейских автобанах или с гораздо меньшим уроном для экологии перемещался по картам гугла? На самом деле ты слушал придуманную нами Дину Хэмпсон под открытым небом Мербиш-ам-Зее, а реального Штрауса — в реальном Бадене или ограничился пиратским дивиди-рипом, стянутым с торрент-хостинга?

Когда, повторим, все позади. И уж совсем не имеет значения, какой валютой и в каком магазине ты расплачивался за австрийскую самогонку, гордо именуемую марилленшнапсом, особенно если бутылка как следует, до иная, остужена в морозильнике. А уж о конфетах и говорить нечего: всем известно, что настоящие «Моцарт» — только в кафе Фюрста, а все, что в красивых коробках, будь оно куплено хоть в центре Вены, на Кернтнерштрассе, хоть в дьюти-фри, хоть и в самом обычном российском продмаге, — не более чем *вариация на моцартовскую тему*.

Так есть ли принципиальная разница между? Не знаем, как на чей взгляд, а на наш — так нет.

Упомянем только о двух *косяках*, которые все же допустили наши путешественники.

Первый — отсутствие театральных программ. Но это обстоятельство нашло следующее объяснение. Как выяснилось уже по приезде в Москву, Юра сказал, что нужно сложить их отдельно от всяких буклетов, карт и рекламных листов, на которые так щедры зарубежные отели, а Таня, то ли не расслышав, то ли забыв выполнить указание главы семьи, сложила всю бумажную продукцию в один пакет, в результате чего он благополучно все и оставил в номере вместе с двумя евро для горничной. Войдя в свои роли, они вполне искренне обвиняли друг друга:

— Ну что, неужели нельзя послушать, что тебе умный человек говорит и все так сделать?

— А что, умному человеку в лом посмотреть, что он выбрасывает?

Понятно, тут уж они получили в полном объеме «Всегда у вас все так», советы быть собранней и прочие руководящие указания, недоданные по поводу путаницы с аэропортами.

Куда серьезней был прокол номер два: в их загранпаспортах не появилось штампов о пересечении границ. Виза-то визой, но все равно отметки о въездах и выездах должны быть. Попади такой паспорт в руки тете Рите — и вся детально продуманная и тщательно выстроенная конструкция распадется в пыль. Паспортный контроль — это вам не гид, который в самом деле может что-то перепутать с рейсами. Тем более четыре контроля: два выезда и два въезда! А в двух паспортах — так и все восемь. Шутите?

Но и тут дело обернулось наилучшим образом. Потому что до декабря все равно им отпуск не полагался. А начиная с весны опять родители им запретили далеко уезжать. Потому что... Ну вы догадались: супружеские игрища во время отпуска дали свои плоды. Верней, один плод.

А там — время побежало, туда-сюда, срок действия паспортов закончился, они получили новые, и все — шито-крыто! В общем, как было сказано, наилучшим образом дело обернулось. Потому что девчонка вышла — прелесть! Наташей назвали... Но это уже совершенно другая история.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ОФИСНОГО ПЛАНКТОНА

Но сперва — что-то вроде вступления.

Мы ленивы и нелюбопытны, как заметил классик. И как любое мы, особенно мы классика, это страдает излишней обобщенностью. Кто спорит: большинство нас именно что ленивы и именно что нелюбопытны! Но ведь есть и меньшинство, пренебрегать чьими правами... Ну и так далее. В общем, нехорошо.

Будучи склонными к строго логическому анализу, осмелимся утверждать, что поскольку количество сочетаний из двух по два равно четырем, обобщенное «мы» состоит из следующих неравных по количеству групп:

1. Неленивые и любопытные.

Эти могут набрать в сети адрес `tsar_gory` — точка — ну и имя провайдера, разумеется, и ознакомиться с сетевым дневником, как нетрудно догадаться, Царя горы. А можно просто зайти на сайт провайдера, там — в раздел «Дневники» — «Поиск» — и уже по имени, хотя бы даже прямо кириллицей: «Царь горы».

2. Неленивые и нелюбопытные.

В силу нелюбопытства им вряд ли интересны бредни очередной жертвы мании величия; так не лучше ли направить свою неленивость на что-то более продуктивное?

3. Ленивые и нелюбопытные.

Классическим третьим (наиболее многочисленным) вряд ли вообще попадетя на глаза данный текст, в силу чего они не нуждаются в наших советах.

И, наконец, 4. Ленивые и любопытные.

Для них мы приводим копию того, что в течение нескольких месяцев размещал во всемирной сети человек, выбравший себе вышеупомянутый ник («Царь», просим заметить, с заглавной, а «горы», напротив, с маленькой).

Мы лишь позволили себе исправить явные опечатки и подкорректировать знаки препинания. Что хотя и лишило текст свежести набранных на скорую руку заметок, но в целом мало изменило его.

28 декабря, понедельник, 23:14

Давно уже задумывал это. Останавливало, по правде сказать, отсутствие ника. По имени — глупо. Император, там, Владыка мира или, как один самодовольный тип называл себя на одном форуме, Александр IV — мелко как-то. Четвертый — тоже мне титул! Саваоф или, наоборот, Мефисто — хорошо, но какая-то в этом есть претензия.

И вообще, что там бог или дьявол! Я выше! Один все это сотворил, другой за нитки дергает. Кукольный театр какой-то. А я — Зритель. Тот, ради которого мастер лепит кукол из папье-маше или, фигурально говоря, праха земного, а другой — спектакли с ними разыгрывает. Шоу, так сказать. А я не вмешиваюсь, рук не мараю. Из партера, сидя к мягком кресле, наблюдаю. Или если уж начистоту, то сверху. Не просто сверху, а с высот, что называется. Горних. И усмехаюсь.

Сегодня было общее собрание. Итоги года, пятое-двадцатое. Все радостные, улыбаются, успехами своими хвастают. Ну, я, конечно, тоже сказал. Так, без эмоций. Что все мои проекты на взлете. Клиенты... В общем, это неинтересно. Но, очевидно, все-таки, как ни притворялся, а свое истинное отношение проявил. Да наплевать! В общем, смотрю на них всех, внутренне усмехаюсь. Но, видать, не только внутренне. Потому что Шеф... Да, пусть он так называется: невелика честь, ведь есть и: «Шеф, до Кузьминок довезешь?»

Вот, значит, Шеф и говорит:

— Все вы тут о достижениях своих докладываете, а один... — имя мое назвал, — смотрит на нас всех, как какой-то царь горы.

Все заржали, типа он такой остроумный, прямо «Наша Раша» и Марк Твен в одном лице. А я себе думаю: «О-па! Вот оно, имечко! Всем именам имя! Ай, спасибо, Шеф Иваныч, и от тебя иной раз толк может быть!» Но и на ус намотал: как легко себя выдать! Никогда Штирлиц не был так близок к провалу.

Ну ладно, на сегодня хватит. Познакомились, и будет.

29 декабря, вторник, 22:45

Теперь — толком, что тут такое. А тут — не что иное, как весь мир в одном окошке. И не в том смысле, что, мол, наша контора — это мой, как пишут, мирок. Нет, имен-

но Мир, без дураков. А контора — да, она как бы есть, но — вроде подозрной трубы, через которую все видать. А я, соответственно, в эту трубу гляжу. Капитан Кук такой. И путевой дневник веду.

Ладно, не буду говорить намеками.

Контора — буду так ее звать, потому что не в наших интересах, чтобы меня вычислили. Не потому, что я кого-то боюсь. Вот еще! Это же очевидно: узнают — будут как-то подстраиваться, чтоб получше выглядеть. А мне они нужны тепленькие. Голенькие. Натуральненькие. Потому я и их глупости цитировать тоже не буду. В смысле дословно. А или передавать общий смысл, или своими словами излагать.

А суть в том, что это они на работе такие скромные пчелки. А как до компов своих добираются, если знают, что никто их не видит, — куда там! Наполеоны, македонские, доктора споки, гарри поттеры, кто там еще? Супермены, человеки-пауки, а кто и фредди крюгеры с малефисентами. Ну вы поняли. И общаются они с такими же. И бьются с такими же. Грызутся до последнего зуба. А эти «такие же» — по всему миру, на всех континентах и, как говорится, во всех природных зонах. И тоже где-то там, в своих огайях и сан-сальвадорах, не говоря про дюссельдорфы и воркуты, в такие же конторы ходят, так же свои гроши зарабатывают, а на досуге... Вот и скажите: ошибся ли я хоть на миллиметр, говоря, что вижу весь Мир через эту подозрную трубу?

Ладно, завтра у нас новогодняя тусня. Корпоратив так называемый. Вот уж посмеюсь. Только бы себя не выдать.

30 декабря, среда, 14:18

Еще не началось. То есть мероприятие не началось. А то, что никто не работает, все ходят радостные, в ожидании — это само собой. Чего — ожидании? Деда Мороза с мешком? Смеяться некому, взрослые люди! Хотя почему некому? Есть один такой, кто смотрит и смеется. А они ничего не понимают: думают, я щерюсь тоже от радости, что вот, здравствуй, попа, новый год! Ладно, пусть. Мне же лучше.

Так, пока есть время, немного — про нашу контору. Мы тут в прошлом году праздновали пятнадцатилетие. Ну, шуму было! Пятнадцать лет! Великая дата! Хотя премию дали, один толк. А что мы эти пятнадцать лет делаем? Да какая разница? Турбины для электростанций, газонокосилки или ночные горшки? Все одно, можно считать, что и горшки. Потому что турбины для чего? Чтоб в конечном счете они же могли в Интернет выходить и выкладывать дебилные фотки своих шести соток, по которым эта самая газонокосилка прошла, или радостно постить: «Ура! У нас (НАС, прошу заметить!) животик налачился!» — после того, как ее пащенок в этот самый горшок наложит. Так что принципиальной разницы — ни на грош.

И ведь таких — большинство. Кто ничего дальше своих газонов и детских кашек не видит. Ну это уж, я считаю, вообще растения. Живут, по сути, так же, как двести лет назад. Да что там двести! Все две тыщи! Вот у нас один есть, Нет, не из растений. Любитель путешествовать. Так его и назовем — Магеллан. Был в Иерусалиме — радостно выложил фотку маслин, под которыми Христа арестовали. И что? Маслины и маслины. Чем они от нынешних отличаются? Только покорявей. Ну еще бы, две тыщи-то! А практически одно и то же. Ну вот так — и большинство моих «коллег». Да наплевать на них! МОИ «герои» хоть чем-то глобальным занимаются. Одни за демократию борются, другие — за величие России, третьи экологию защищают, четвертые — культурное наследие... Другое дело, что это все тоже — буря в стакане воды. Со своих «горшков» они пытаются мир изменить. Но хоть пытаются.

Кстати, о горшках. Если бы мы хоть их делали! А то — там покупаем, тут продаем. Мой бывший тесть... Вот проговорился, что был женат. Ну и что? Нас, разведенных, миллионы, все равно не вычислите.

Так вот, тесть мой, этот выживший из ума комсомолец семидесятых, все долбил: «Ты спекулянт, делом надо заниматься». Осел старый! Мои, правда, чуть попродвинутей. Но у них другая песня. Ты же учился на... Э, нет, вот тут я колоться не буду, мало ли на кого я учился! Так вот, «ты учился на... если бы еще ты был экономистом по профессии...» Ну, хоть понимают: экономист, говорят, не спекулянт.

Ладно, уже дважды звали. Все там накрыто, молодцы, постарались. Пойду вливаться в коллектив.

2 января, суббота, 23:36

Два дня пропустил, каюсь. Вчера совсем сил не было чем-то заниматься. А все из-за идиотской традиции пить шампанское. Ну я понимаю, под звон курантов. Это даже как-то мощно. Там — бом-бом, тут — пфшшш! Но на корпоративе-то! И главное, или бы приготовили пару бутылочек на всех, чокнулись бы символически, и дальше — по водочке. Или уж закупили бы море шампанского, чтоб на весь вечер хватило. Так нет же, ни туда, ни сюда. Вроде, думаешь, его много, не буду ничего крепче. И пьешь себе. А потом глядь, оно и кончилось. Потому что все так решили, кроме уж самых крутых, которые сразу — по виски или водке. Раньше я в этот момент потихоньку смылся, и дело с концом. Но теперь я, как-никак, Царь. Не могу свою «гору» бросить, тем более в таком состоянии, что их можно голыми руками брать. Ну и пришлось из себя тоже крутого изображать. А водку на шипучку...

Но это все мелочи. Издержки, так сказать. Зато основной улов — просто класс!

Сперва неофициальная официальная часть. Хи-хи, ха-ха, а слово все же — Шефу. «Поздравляю всех, мы добились, мы надеемся, мы уверены, мы... мы... мы...» Почокались, погордились самими собой, разбились на кружки.

Первый персонаж. Назовем ее Маргариткой. Цветок тут ни при чем. Маргариткой звали, да и сейчас еще, наверно, зовут (что ей делается?) нашу историчку, Маргариту Владиславовну. Вот и эта точно вылитая она. Обо всем у нее какие-то твердые понятия, идиотские в основном, но спорить с ней бесполезно. Вот я сперва к ней и подвалил. Чокнулись, пятое-десятое. С Новым этим, с новым тем, с новым сем. Ну чего мы, мол, вдвоем? Пойдем к народу. И подвожу ее к столику, вокруг которого стоят человек пять, и среди них Даля. Это я ее так в честь Даля назвал. Типичная граммарица. И чуть что, в грамоту.ру лезет.

Ну, я же знаю, на что их поддеть, момента только жду. Стоим сперва, бла-бла-бла. Разговор про кино зашел. И все больше — о фильмах, которые все онлайн смотрели. В кинотеатр-то идти — от кресла задницу лень отрывать.

Я и говорю:

— Даль, — говорю, — а когда ты вообще в настоящем кино в последний раз была?

Она только начала:

— В последний...

Тут Маргаритка и встряла:

— Не в последний, а в крайний.

Ну, Даля тоже на своего конька садится и — вперед! Начинает толковать, что нет такого оборота в русском языке и что «последний» вовсе не означает последний в жизни. А та в ответ начинает ей всякую мистическую хрень нести. Что слово — оно несет в себе энергию, а энергия может быть черная, а может — белая. Эта не унимается: да, мол, несет энергию, только в другом смысле; что слово — это наше богатство, история, предки... И пошло-поехало. Все их унимают, я тоже как бы пытаюсь успокоить. А сам-то в точности знаю, на каких форумах и одна, и другая идей нахваталась.

Нет, я разве против? Ну высказывай ты свои идеи. Но только если — свои! А так — начитались, что другие попки твердят, тоже, кстати, с чужих слов, и несут свет в массы!

Ладно, тут повеселился, и как раз шампанское закончилось. Налил себе стопочку, пошел к мужчинам. С ними мне даже не пришлось стараться. Разве что самую малость. Наколот кусочек селедки на вилку и говорю, типа рассуждаю вслух:

— Вот раньше я рыбу не любил: кости и кости. А теперь одно удовольствие — ни одной косточки. Здорово ее очищать научились!

И в самую точку попал. Поп-Гапон (так его назовем) прямо взорвался:

— Очищать?! Ты что, не знаешь, как рыбу от костей очищают? Ее же кислотой обрабатывают, и все кости растворяются. Так что ты не селедку ешь, а чистую кислоту.

Смотрю, у «Мичурина» глаз загорелся. «Ага, — думаю, — сейчас и тебе слово предоставим».

Потому что я же их как облупленных знаю.

— Ну, — говорю, — это ведь специалисты разработали. Эти методы, наверно, всякие проверки прошли. Так что ничего страшного.

А Поп-Гапону только этого и надо. Начал меня убеждать, что надо здоровую пищу есть, натуральную. Ну и, НАТУРАЛЬНО, на ГМО съехал. Тут и Мичурин встрял:

— А что? Генная инженерия — это та же селекция, только на другом уровне.

И понеслось! Один кричит, что это надругательство над природой, что мы не представляем себе, какие мутации в поколениях это может вызвать, что это требует десятилетий наблюдений, что... Все, в общем, понятно, ничего нового. А второй — что миллионы на планете от голода умирают, что какие еще там мутации будут, неизвестно, а если не развивать новейшие технологии, то и мутировать некому будет, все от голода передохнут... Тоже песня известная.

Короче, сцепились не по-детски. И ведь тоже все, что они талдычат, я слово в слово уже читал и у них, и у их братьев по разуму. Точней, по его отсутствию.

Но с другой стороны, эти хоть что-то отстаивают. Пусть с чужих слов, пусть. Но их хоть какие-то ПРОБЛЕМЫ волнуют. А других?

Ладно, возьмем этих других. Я им даже имен придумывать не хочу. Не стоят они того. Безымянная масса, так сказать. Я и к ним, между прочим, подошел, послушал. И о чем у них беседа? Дискуссия, так сказать. К дачному сезону готовятся! Разве что только о навозе не поговорили. И то не факт. Скорей всего, они его до моего прихода обсудили. И даже наверняка. Без навоза как же?

И ведь тоже без мировой паутины не обходятся. Все там вычитывают: как что проращивать, что когда, как, на какую глубину садить. (Так и говорят: «садить». Жаль, Дали рядом не было.) Нет, потрясающе просто: эти клуши думают, что Интернет специально придумали, чтоб их корнеплоды лучше корнеплодились.

Пошел дальше. Столик Шефа. Стоят кружком, делают вид, что даже в такой момент только о работе думают. Ну я тоже такой вид сделал. Чок-чок! За новые достижения!

В других компаниях споров особо не было. Любители кошек-собак хвастались своими гениальными питомцами. Любящие родители занимались, в сущности, тем же самым. Другие обсуждали изменение климата. «Вот, помню...» Да, были в свое время зимы как зимы, а теперь ни то ни се, слякоть одна; нет, по мне — так морозец бы градусов под двадцать, чтоб на лыжах... И так далее. Кто бы говорил! Зачем далеко ходить, две недели назад снегу навалило! Это потом все развезло, а тогда — кататься не хочу. И что? О чем он сам же писал? О том, как два дня (сб, вс) мотался по городу — кухню искал. Как будто ее нельзя в слякоть купить, раз ты такой спортсмен!

Вот где интересно было, так это у патриотов. Хотел было я им имена дать, да за чем? Они все на одно лицо. Думал, может, держимордами? Да какие из них держиморды? Кишка тонка. Они, скорей, те самые морды, которых он — «держи».

В каком смысле «интересно»? То, что они болтали, как раз скучно. Одно и то же: какие мы крутые, как весь мир нас обижает, никто не любит, а мы такие миролюбивые, никого не трогаем, если нас не тронуть, и вообще, если захотим, завтра наши танки... Ну и так далее.

Нет, интересно другое — что среди них Манилов торчал. Он, правда, ничем от них не отличается, кроме, так сказать, знака (плюс — на минус, минус — на плюс), но он хоть один, так ему и имя можно дать. Правда, тот Манилов, книжный, мечтал, что его государь — в генералы, а этот, наоборот, оппозиционер и «государя» свергнуть хочет. Ну так и что? Большая разница? Этому до свержения — как тому до генерала! Так вот, я за ним наблюдал и наслаждался. Я ведь все его мысли знаю, все доводы сто раз читал. А тут — стоит, помалкивает. Только угол губы подергивается. И в глазенках все прочесть можно: и его «веские» возражения, и как он думает, что нечего бисер метать. А на самом-то деле просто трусит.

И вот тут я едва не сказал: мол, что ж ты молчишь, мил-человек? Ты же то-то и то-то думаешь и так-то и так-то считаешь. Рот даже открыл. Но вовремя остановился. Нет, думаю, это я теряю контроль над собой.

В общем, мне уже и так ясно стало, что ничего нового не будет. Я и пошел потихоньку. Тем более танцы начались, а я был не в том состоянии, чтоб в них участвовать.

8 января, пятница, 21:42

Как-то праздники пролетели незаметно. Думал, уж в эти дни как раз будет время за ними понаблюдать. А оно как-то промелькнуло. Время, в смысле.

Опять же, дела какие-то. Один день с родителями на кладбище ездил... Ну, это все, в общем, не в тему.

А что в тему — тоже как-то вяло было. Нет, я к ним заходил, читал, что пишут. Но и там все было ни то ни се, больше про ерунду домашнюю.

Да и я — почитаю-почитаю, да и отвлекусь. В чем-то их понять можно: этот Интернет такая заразная вещь. Начнешь читать, а там — ссылка, там — другая. Глядь, а уже вечер. Ладно, на каникулах можно и расслабиться. Тем более что ничего интересного ни у кого не происходило.

9 января, суббота, 23:02

Я вот что подумал: у кого-то из них наверняка еще аккаунты есть, о которых я не знаю. А как узнать? Какие-то кодированные имена, о которых я не догадываюсь. Где-то они ошиваются, где имена свои скрывают, и уж там-то все, что думают, выкладывают по полной. Может, даже IP кодируют. А без этого какой же я «Царь»? Вот бы туда пробраться! Тогда вся картина, весь «горный пейзаж» откроется.

13 января, среда, 01:14

Ну, сегодня и улов был! Правильно я про другие аккаунты догадался. Я потому несколько дней и пропустил, что обдумывал, как их найти. Потому что в открытых форумах и сетях только верхушку айсберга можно увидеть, а вот чтоб настоящие их мысли просечь...

В общем, я дождался своего часа.

Сидим, работаем. Вдруг по громкой связи объявляют: «Внимание, тра-та-та. В здании задымление, всем покинуть места». У нас это время от времени бывает.

Никто и ухом не повел. Учебная тревога, через полчаса скажут: «Ложное срабатывание сигнализации».

Но на этот раз — нет. То есть учебная-то она учебная. Но остаться на местах не дали. Через секретаря, через начальников отделов объявили, что надо на самом деле покинуть. Все и поперлись. Причем лифтом пользоваться нельзя: правила безопасности! Так с нашего этажа (какого — неважно, но не первого и не второго) все и потащились цепочкой. Идут, галдят, ха-ха, хи-хи, как дети прямо.

А я втихаря в туалет — шмыг. Кто видел, решил: ну, понадобилось. А кто не видел, тот и не видел. Закрылся в кабинке на всякий случай, но никто не вошел.

В общем, у меня был почти час! Они потом рассказали, что их не просто выгнали из здания, а надо было еще найти кого-то, прикрепленного к определенной организации, и у него отметить. Ну а я не отметился. Не нашел этого человека. У нас в здании организаций чертова прорва! И что? Расстреляйте меня!

Так вот, за этот час. Я спокойно так обошел все компы и много интересного обнаружил. Они, конечно, заблокированы были. У нас так: если несколько минут комп не трогаешь, он блокируется, и без пароля в него не войдешь. Да что ж я, с паролями не разберусь, что ли? Мой, скажем, пароль — первая буква имени, три — фамилии и число 23. Прошелся, смотрю: под клавиатурой бумажка. Опаньки! — первая буква имени, три — фамилии и 23. Хитрость невелика, айтишники свою фантазию особо напугать не хотят. Попробовал у остальных — все работает!

И не зря я этим занялся. Потому что много интересного узнал. Обычные их аккаунты, где они под своими именами домашние фотки выкладывают, с днями рождения друг друга поздравляют, ну и какими-то секретами домашнего хозяйства обмениваются, я и так знал. Конечно, кто только домхозяйством интересуется, у тех, во-первых, других и нет, а во-вторых, не очень-то они мне и интересны. В смысле, совсем не интересны. А вот кто «общими вопросами» интересуется, хоть политическими, хоть экологическими, хоть спиритическими, то есть самые что ни есть объекты моих наблюдений, у этих — еще по несколько ников. Да и даже если они на каком-то форуме под своим именем ошиваются, откуда ж мне было знать, что это за форум? А так — открыл в браузере историю, и за милую душу все страницы, на которые он лазит после работы, а то и втихаря в рабочее время, тут как тут. Главное — потом все это позакрывать. А если что-то и оставил, тоже беда невелика: хозяин решит, что в суматохе забыл выйти.

Вот они, все у меня тут, на листочке, один к одному: имя — сайт — ник, имя — форум — ник, имя — чат — ник...

Наконец слышу: «...ложное срабатывание». Я — раз! — обратно в туалет. Стою себе над писсуаром, тут и наши набежали. Час-то на морозце — не шутки!

Один только Магеллан (наблюдательный, зараза!) заметил:

— Ты что, так налегке и выходил?

— Нет, говорю, я просто одним из первых поднялся, раздеться успел.

Конечно, какой-нибудь лейтенант Коломбо по секундам бы меня на чистую воду вывел. И потом: если я так писать хотел, что первым примчался на свой этаж, что ж я раздеваться отправился? Но так то — Коломбо, откуда ж у нас коломбам взяться? Хотя Магеллан... Да, смешно.

Короче, у меня сейчас отличный список тех мест, где мои «подданные» свои истинные взгляды высказывают и за человечество радеют. Пусть неполный (все-таки за час все не обшаришь, да и не на все сайты они с работы заходят), но все же очень широкий.

15 января, пятница, 22:07

Есть у нас Фемида Иванна. Фемида — потому что она за законность любого готова порвать. Ну а Иванна — как же еще? Не просто же Феמידой ее величать, много чести. Только вот насчет «у нас» я малость погорячился. Потому что Фемида она как раз не у нас, а на общественной ниве. Там она чуть увидит какое-то сообщение в новостях или в чьей-то ленте, что где-то закон нарушается, взятку, например, вымогают или, скажем, природоохранные нормы нарушают, — тут же постит это, да еще со своим комментарием на тыщу слов. Это — когда не «у нас». А у нас, то есть на работе... Ну, сами судите.

Сегодня был очередной тарарам. Таможня не пропустила партию... Ну, скажем так, ручек для горшков. Потому что мы не просто — «купил-продал». Наши поставщики оборудование на части разбирают, и мы сборы платим как за комплектующие, а тут нам их собирают (тоже не мы своими руками, понятное дело). И все тип-топ. Так вот, таможенник уперся: никакие это не комплектующие, а самостоятельный товар, потому что эти ручки можно и к горшкам, и к кастрюлям, и даже, к примеру сказать, к чайникам присобачить. А раз нет конкретного товара, к которому они бы комплектующими были, значит, это и не комплектующие вовсе.

Ну, Шеф, ясное дело, беснуется. Вызывает ответственных. А это Фемида Ванна и один из патриотов. Ладно, так и быть, дадим и ему имя собственное. Пусть будет Благодетель: его любимая тема — как мы «этих чурок» или «этих хохлов», ну, в общем, всех «этих», облагодетельствовали, в люди вывели, у них же до нас своей грамоты не было, а они теперь нам в рожу плюют, а пиндосам задницу целуют, свиньи неблагодарные. И вторая его тема — что в Гейропе и Пиндостане только и думают, как бы сбагрить нам свое дерьмо и отбросы, ядовитые и радиоактивные. А нам никто вообще не нужен, они без нас все передохнут, а мы, если б они вовсе провалились, наоборот, передохнули бы спокойно и зажили припеваючи. Это, кстати говоря, не его, а мой каламбурчик. Он бы до такого не допер.

И этих-то двоих Шеф посылает к таможенникам. И она, вся такая честная и законопослушная, как миленькая едет «договариваться», а он — вызволять гейропейское дерьмо. И прекрасно с этой задачей справились, между прочим.

23 января, суббота, 02:17

Сегодня был реальный концерт без заявок слушателей, как говорит моя мама. Все выступили, все себя показали. Верней сказать, уже вчера. Что-то я припозднился. Ну ничего, завтра выходной.

Тут два обстоятельства сошлись. Первое — некоторое время назад один олух подал иск, что его атеистическое чувство оскорбляется религиозной пропагандой. В иске ему, ясное дело, отказали. И все бы ничего, но по ТВ устроили передачу: этого чувствительного пригласили, а с другой стороны — попа, и с каждым — его сторонники. Ну и, как всегда, зрители голосуют. Как и следовало ожидать, большинство оказалось за то, что никаких чувств у атеиста быть не может.

Это — одно. А второе обстоятельство — что у нас день рождения был. И тоже сам по себе д. р. — ничего. Но важно — у кого! Пусть будет Марфа-посадница. В общем, одно к одному.

Чего у Марфы не отнимешь, это — жрачка. Один пирог с капустой чего стоит! Грибочки, огурчики, сальце домашнее, рыбка. Ну, «Оливье» — своим чередом, как без него! Но главное, конечно, печеное. И пирог этот, и пирожки, и сладкое. Ясное дело, и бухло соответствующее.

Языки, конечно, развязались. И, конечно, про вчерашнюю передачу. На правах именинницы Марфуша начала вещать. Кто ж решится ей праздник омрачать? Вот она и разошлась. Я думал, что уже меня ничто удивить не может, но она смогла: я впервые встретился с человеком, на вид вполне современным, который бы на полном серьезе воспринимал, к примеру, библейские семь дней как реальные наши дни, в смысле — двадцать четыре часа по шестьдесят минут. И прочие байки: про змея, который яблочко поднес, про ковчег, в который все звери набились.

Но это-то ладно. Если мозги не включать, еще и не в то поверишь. А каковы те, кто вроде бы их включает, — интеллигенты наши! Ну видишь, что перед тобой такой человек, тем более у нее праздник, — так помолчи. Нет, встали на дыбы, начали ей излагать «с научной точки». А раз так, то включились и интеллектуалы с другой стороны, те, кто в семь дней взаправдашных не верит, но «как философскую метафору» их признает да еще вычитал, что происхождение глазной сетчатки или, там, хрусталика дарвиновская теория объяснить не может. И не успел я глазом моргнуть, как они с происхождения видов перескочили на моральные ценности. Ну какая связь между Ноевым ковчегом или несгорающим кустом — и гей-парадами? Оказывается, есть. Причем ведь у нас как? Если ты в куст веришь, то обязательно должен быть против парадов. Ну ладно, это хоть как-то объяснить можно: содом, гоморра, пятое-десятое. Но почему если ты, наоборот, за Дарвина, то надо и за эти парады выступать? По-моему, как раз по Дарвину они естественному отбору противоречат. И так — по любому вопросу. Если быть точным, то — по любому, кроме ЕГЭ. ЕГЭ все дружно ругали. Но в остальном — еще бы немного, и до мордобоя бы дошло.

Но это все только первая серия была. А вторая началась вечером. Я еще почему так поздно пишу? Не мог оторваться — читал, как все рассказывают об этом споре. И каждый, оказывается, блестящую победу одержал, от оппонентов рожки да ножки оставил! Жаль, что один я могу в полной мере насладиться этим. Даже если я их посты сюда скопирую, все равно для полного кайфа надо было их днем видеть.

28 января, четверг, 22:43

Шел с работы вместе с Феней. Феня — потому что она на фэншуй подвинулась. Погода хорошая, я говорю:

— Пройдемся до метро пешком!

У нас там минут пятнадцать ходу, но все равно мало кто ходит, разве что летом, а зимой маршрутку ждут. А тут — хорошо подпорошило, даже можно сказать, засыпало снежком, так что не скользко и без ветра не холодно.

Она говорит:

— А я всегда пешком хожу.

Ну да, мог бы и сам догадаться.

Я знаю, с кем имею дело. И так это наивненько:

— Что-то я плохо засыпать стал. И сны все какие-то неприятные.

Она, как собака, нос навострила:

— А ты кровать свою не передвигал в последнее время?

— Передвигал, — говорю. — А что?

— Как что?!

Тут она мне целую лекцию прочла. Про энергетические линии, про число гуа (если вы думаете, что я это «гуа» запомнил, так нет — сейчас в Яндексe набрал «фэншуй число», а он мне уже сам подсказывает: «гуа»).

В общем, она вещает, я слушаю и киваю. А дошли до метро — говорю:

— Как ты все это знаешь! А мы, люди темные, и понятия не имеем ни о чем. Тебе бы надо просветить нас. Или группу собрать из сотрудников, или, еще лучше, на сайте конторы завести страничку.

У нее прямо глаза загорелись.

Посмотрим, что из этого выйдет.

2 февраля, вторник, 22:54

Еще как вышло! Я даже не предполагал, что у нас такое количество олухов. Это я еще деликатно выразился. Хорошо, что она предпочла не в реале группу собирать, а страничку создать. Иначе мне бы пришлось либо самому торчать на их «занятиях», либо лишиться удовольствия наблюдать за ними.

Кажется, не осталось ни одного человека, который бы не обратился к Фене за советом. И что интересно, каждому у нее нашлось, что порекомендовать. Каждому! Нет такой проблемы, которая не решилась бы за счет, например, перестановки кресла, из которого ты телевизор смотришь, или изменения «привычного порядка действий».

Скажем, человек привык по утрам сперва побриться, а потом в туалет по-большому сходить. Оказывается, это роковым образом сказывается на его кармическом поле!

Я, конечно, тоже обратился. А то что ж это? Все туда, а я — нет? Спросил: как мне личную жизнь устроить? Я не размениваюсь: уж спрашивать, так о чем-то судьбоносном. Она у меня всю информацию выяснила, посчитала мое число, это самое гуа, и вывела, что мое судьбоносное время — между 18:00 и 18:30. А вот если б я момент своего рождения с точностью до минуты знал, она бы точнее сказала. Но скорей всего, между восемнадцатой и двадцать третьей минутами. Во как!

А кстати, между шестью и полседьмого я с работы ухажу и до метро добираюсь. И вся тут судьбоносность — если я до 18:21 успеваю в вагон заскочить, то на своей линии попадаю на пустой поезд, который из депо идет, и еду с комфортом. А нет — стою семь остановок. Можно, конечно, и это судьбой звать, но как-то для судьбы хиловато, да? Я тем не менее ей написал, что буду в этот отрезок времени особо напрягаться. А она мне на это — на полном серьезе! — ответила, что напрягаться мне совершенно нет необходимости, потому что кармические волны сами меня вынесут куда надо!

5 февраля, пятница, 23:07

Феня торжествует: этот, который какал не вовремя, написал, что как только он изменил утренний туалет по ее совету, сразу у него дела пошли на лад! Так и написал.

Я встретил его в коридоре, разыграл из себя дурачка, говорю:

— Ты что, правда веришь, что все из-за этого?

А он:

— Кто его знает. Все-таки тут что-то такое есть.

«Что-то такое!» Смех один. А с другой стороны, стало человеку легче жить — ну и на здоровье.

8 февраля, понедельник, 15:34

Цирк продолжается! Секретарша наша (пусть будет Ахеджакова, тут и думать особо не надо) спросила у Фени, что делать для финансового благополучия. Вопрос как вопрос. После тщательного выяснения всех деталей укротительница энергий вынесла

решение: беда в том, что у Ахеджаковой входная дверь открывается на правую сторону, поэтому все деньги налево улетают.

Это на той неделе было, но сегодня...

Когда я увидел, что перед кабинетом Шефа плотники возьматся — дверь перевешивают — я угорел! Главное, сам не захотел светиться — ей поручил спросить!

12 февраля, пятница, 01:42

Долго сомневался, наконец решился.

Кому не известно, какая тема в сети — самая популярная? Каких запросов на поисковиках больше всего? А у меня о сексе — ни слова!

Ну, конечно, как и кого на клубничке подловишь? Никто же на соответствующих сайтах не регистрируется под своим именем, если вообще регистрируется. И с работы никто туда не заходит, поэтому хоть сто учебных тревог будет — их не выследишь. Хотя ясней ясного, что кто-то обязательно по таким сайтам ходит. Но втихаря. А открыто — все ангелочки.

А с другой стороны, тут ведь как? Это все мои трудности, никого они не должны волновать. Не можешь эту важную тему осветить, так и нечего было браться.

Вот это я себе сказал и решился.

Как я вытащил из него его ники и адреса, это секрет. Зачем человека подставлять, тем более что он мне помог? Правда, сам того не подозревая.

В общем, опуская подробности, скажу: мне его удалось выследить.

Назовем его Эстет. Потому что он по каким-то совсем помойкам не лазает. Свой вкус соблюдает. Кому-то, конечно, и этот вкус покажется извращением. Но ведь тут единого мнения не может быть.

На работе — тихий, скромный. Ну в фейсбук что-то напишет, прикольным роликом с друзьями обменяется. И не подумаешь, что он такой шустрый. А шустрить он начинает вечером, точнее даже — ночью. Потому что живет с родителями. Комната, правда, отдельная, так что когда старики отправляются на боковую, он дверь прикрывает, чтоб они свет не заметили, наушники надевает — и понеслась душа... Ну, не в рай, конечно, но что-то в этом роде.

Понятно, он мне это все не сам доложил. Но насчет квартиры и родителей — информация, так сказать, открытая. А остальное нетрудно вычислить.

Так вот, о его вкусах. Девушка там или взрослая женщина, это ему все равно. И даже не то чтоб все равно, а та, которую он ищет, может быть любой: блондинка или брюнетка, помоложе или постарше, с короткой стрижкой или длинноволосая — без разницы. Зато что обязательно должно быть — чтоб у нее какой-то недостаток имелся. Или толстуха, или, наоборот, тощая. Например, глаза чтоб косили, или если в очках — очень даже неплохо. Для него, конечно, неплохо, для Эстета, я ведь о нем говорю. Одну нашел — без пальца на руке, так листал-листал ее фотки, никак закрыть не мог. Но чтоб при этом все симпатично было: от грязи (в прямом смысле слова) или прямого уродства (например, если зубы кривые) его так и воротит. В общем, эстетика чистой воды.

Как, спросите, я это все узнал? Да просто проанализировал, что он смотрит, что лайкает, какой комментарий изредка оставляет, а что и скачивает себе на комп. Все это изучив, я могу сделать главный вывод: ему надо, чтоб она — та, которая по ту сторону экрана — была как бы с ним наедине. Чтоб она как бы ему одному свои прелести показывала и вместе с ним наслаждение испытывала.

Вот такой кадр у меня в списке появился. Ну посмотрим, что дальше будет.

16 февраля, вторник, 22:43

Наши массовики-затейники не могли пропустить святого Валентина. Приходим сегодня утром — на стене огромное сердце из красного картона со стишками. Жаль, не могу привести этот шедевр идиотизма, с рифмами типа «валентинку» — «блондинку», а также «брюнет» и «от коллектива тайны нет». Это оказалось не просто сердце, а большой конверт, и в него надо бросить валентинку своему избраннику или избраннице.

Рядом, на столике — вырезанные сердечки: на одной стороне — «Кому», а на другой — «От кого (можно псевдоним)».

Потом, в пять часов все высыпали и начали объявлять. Многие написали. Причем не только молодые, про которых и так все знают, кто с кем парочкой обедает и вообще. Но и взрослые — как бы в шутку, но ясно же, что за шуткой что-то «такое» всегда есть.

Я, конечно, не мог в стороне остаться. Бросил под псевдонимами послания для тех, кто всегда проклинает разлагающее влияние и требует заменить «ихнего» Валентина на «наших» Февронию и Петра. Таких патриотов у нас — четверо, по двое мужского и женского пола. (Хоть тут равенство!) Из них никто, конечно, в этом «шабаше» участия не принял. Но никто и не возмутился, когда их объявили. Патриот не патриот, а нравиться все хотят. Только скромно так глазки выкатывают и плечами пожимают: мол, кто бы это мог скрываться под именем... Под четырьмя именами, точнее. А какими — не скажу.

Мне, конечно, никто ничего не послал. Я очень доволен. Просто было интересно, найдется ли среди всех хоть одна, понимающая, кто есть кто. Как и следовало ожидать, нет. Кто бы сомневался! Просто порадовали меня. Низкий вам поклон, дуры вы набитые!

19 февраля, пятница, 00:41

Ну не удержался, извините! Но уж больно руки чесались.

Сегодня опять тревога была. Я как по маслу все провернул. Туалет, то-се. И не удержался, чтоб с их же компов на их форумах не порезвиться. А что тут написать можно? Если патриот, то: «Обдумал я нашу жизнь, дорогие товарищи, и пришел к выводу: ничего в этой стране хорошего быть не может; мы ленивы, русский человек по сути своей раб, и власть наша такая же, ну и все в таком роде». А если патриот к тому же еще и коммунист, то добавил про Сталина: «усатый карлик, безграмотный кровопийца» и прочее такое. У демократа-либерала — наоборот: «Как ни крути, а лучше нынешней власти для нашей страны быть не может, потому что она одна Россию может защитить, чтоб западные злодеи не превратили нас в своих холоуев, и дать им достойный отпор», ну и про ракеты-танки и прочие духовные ценности, ясное дело. А вначале опять же: «Я все обдумал и...». Кто на мистике помешан, тот якобы одумался и понял, что все это бред лошади соответствующей масти. А до реалиста-атеиста вдруг дошло, что без религии и возврата к идеалам предков мы пропадем и гореть будем в геенне. Ну и так — со всеми. Кто за просвещение стоит, те своим друзьям написали, что от лишних знаний («лишние знания» — удачная формула!) только раздрай и в душах, и в целом народе (главное, не забыть народ упомянуть). Закоренелый вегетарианец признался наконец, что на самом деле он всегда мечтал поохотиться, освежевать убитого зверя, распотрошить его истекающую свежей кровушкой тушку, жарить свеженькое мясо и вгрызаться в него зубами. Конечно, не забыл и борцов за права. И их противников тоже. Первые признались, что терпеть не могут ни баб, ко-

торые лезут в науку и политику, ни проклятых голубых, которые все искусство и ТВ захватили. А вторые, соответственно, вдруг поняли, что каждый человек имеет право на особость, что надо быть терпимыми и — вот словцо, которое их друзей должно довести до белого каления — толерантными.

Не думал, что все успею. Но успел. Во-первых, я очень хорошо знаю, какой у кого большой вопрос, а во-вторых, я за грамотностью особо не следил, лепил что в голову придет, только бы побыстрее. И даже так — еще лучше.

И вот сейчас вторая серия. Ого, уже завтра наступило! Три часа веселюсь, переходя от сайта к сайту, читаю, как они оправдываются и не могут отмыться. Только бы в голос не расхохотаться, а то весь дом перебужу!

19 февраля, пятница, 15:03

Третья серия. Утром получаю письмо от Ахеджаковой. Рассылка по всей конторе: «Срочно всем просканировать антивирусом свои компьютеры. Вчера была массовая атака на внутреннюю сеть. Проверить свою входящую и исходящую почту. При малейшем подозрении обращаться в отдел IT». Ну, я, конечно, сразу к айтишникам побежал: я нашел в «Отправленных» письмо, которого не отправлял.

— А где письмо?

— Ой, а я его сразу удалил!

В общем, сегодня контора не работает, все друг другу жалуются на вирус. А «вирус» ходит между ними и тоже изображает волнение. Главное, переживает, «как бы это не отразилось на работе конторы в целом».

Ого, Шеф объявил общее собрание. Пойду послушаю, а потом отпишусь.

20 февраля, суббота, 00:32

Только сейчас пишу, что было. На работе не мог. Вот почему.

Шеф рвал и метал. Все, говорит, из-за того, что вы лазаете по Интернету черт знает где по нерабочим делам! Вот у меня отчет отдела ай-ти, куда вы заходите.

Когда-то у нас похожий разнос уже был. Только тогда — из-за того, что трафик зашкаливал. Проверили, оказалось, что народ и фильмы скачивает, и музыку, и тяжелые картинки. Несколько человек даже оштрафовали, вычли из зарплаты за скачанное. Но теперь-то дело посерьезней: тут не пару лишних тысяч заплатить провайдеру, а коммерческие секреты могут утечь, если кто-то получил доступ к внутренней сети.

Итог: запретили пользоваться любой почтой кроме корпоративной, а также — в социальные сети заходить и вообще всюду, кроме тех мест, куда непосредственно по работе требуется.

И что? Все покивали и чинно-мирно разошлись по своим местам. А дальше — смотрю: тот в телефон уставился, этот — в планшет. А телефоны-то и планшеты через что работают? Через тот же конторский Wi-Fi! Ну, положим, кое-какой резон все равно есть: если вирус в твоём личном гаджете, то в сеть ему труднее попасть.

Хотя тоже большой вопрос. Вот мне не далее как сегодня надо было партнеру... В общем, одну деталь сфоткать и послать. Ясное дело, я на телефон ее снял, через USB перекинул на комп и послал. По корпоративной, конечно, почте. Но ведь пока я файл копировал, по тому же проводочку вирус как миленький мог...

Тьфу! Я уже сам начинаю искать способы обезопасить сеть! От себя, что ли? Стадный инстинкт посильней любого вируса действует.

21 февраля, воскресенье, 22:52

Два дня читаю их ленты. Одно удовольствие: чтобы доказать дружанам свою лояльность, они начали отстаивать свои принципы в два раза рьяней. Так что те их даже стали малость охлаждать. А у кого-то — вот где цирк-то главный! — зародилось подозрение: уж не провокаторы ли они?

А что, в самом деле: выдал человек свои истинные мысли, по пьяни, там, в обмороке или по какой-то другой причине. Тут, кстати, опечатки, которые я второпях наляпал, тоже сыграли свою роль: явно человек не в себе был. Но ведь что у трезвого на уме... Так ведь! А когда протрезвел, понял, что прокололся, и давай отнекиваться. Нет, братцы, так себя только провокаторы ведут! Во всяком случае, очень это подозрительно. Так кое-кто подумал и в ленте своими соображениями поделился. Ну, понятно, мои начали еще сильнее оправдываться, доказывать, что они верные, стойкие и все такое прочее. И про вирусную атаку рассказывать.

Три дня из-за всего этого я ложился черт-те когда: читаю и оторваться не могу. Ладно, сегодня не буду. Ну их! Так и последнее здоровье потерять можно.

Зайду сейчас, посмотрю, как дела у Эстета, и — на боковую.

25 февраля, четверг, 19:47

Вчера очередная гулянка была. Дамы нас поздравляли. Хоть раз в году почувствовать себя защитником Отечества.

Ничего лучше не придумали, как лотерею устроить. Каждому мужчине — по «рабыне». Надели платки, типа «Гюльчатай, покажи личико», нацепили номера и — тяни билетик! Женщин у нас, как водится, больше, чем мужчин. Те, которые никому не достались, — «общие» рабыни.

Я вытянул одну. Конечно, я в лицо ее видел и, если бы на улице встретил, узнал бы, что с работы. А как зовут, только вчера узнал. Ну раз все не под своими именами, пусть и эта будет Изаура. Она — из тех, кто фотки своей ляльки тоннами выкладывает. Кажется, у нее дочка.

Да нет, сейчас зашел на ее страничку — не такая уж и лялька. В четвертый класс ходит. Да хоть бы написала, как звать ее. Вот дуреха: только — «моя красавица», «моя умница»!

Весь вечер рядом со мной просидела. А что мне оставалось делать? Что-то болтал. Тоска! Зато она, чувствовалось, просто счастлива. В глаза заглядывает: «Чего мой господин пожелает?» Как бы и шутит, а ясно ведь, что только и думает, как бы шутку всерьез повернуть. Потому что красавица-умница там есть, а мужиком, похоже, и не пахнет. Только я-то тут при чем?

Честное слово, не хотел ее, что называется, подавлять интеллектом. Но что поделаться, если о чем ни спросишь — она не читала, не видела, не знает? Не буду же я нарочно до ее уровня опускаться!

Родители отправились в театр. Так что вечер в моем распоряжении. Поглядим, что там у Эстета.

26 февраля, пятница, 00:18

Что-то мои загуляли. Только что вернулись, довольные жизнью. После театра по Тверской прогулялись, в кафе посидели, в общем, прожигали жизнь, как могли. «Как ты вечер провел?» — и, не слушая ответа, завалились спать. Молодцы!

А вот Эстету что-то нынче не везло. Один ролик нашел — сперва все хорошо было, а потом камера вдруг поехала ее со всех сторон показывать. Значит, кто-то снимает. Третий лишний. Отключился, поискал-поискал, вроде как нашел. Она перед ним — и так, и этак! И тут в кадр вваливается мужик... Снова закрыл. Потом нашлись какие-то видео, нормальные по содержанию: явно она сама себя снимает (и, конечно, персонально для него!). Но качество — из рук вон. («Из рук вон» в данном контексте — это смешно.) А ему ведь, подлецу, надо, чтоб все было видно, как в натуре. Вот же проблемы у бедняги: качество — там, где профессиональная съемка, но тогда и дамы — профессионалки. В общем, непростые требования у человека. Одно слово — эстет!

Худо-бедно, отыскал, что нужно. И качество вроде приличное, не HD, конечно, но на уровне обычного телевизора. И она ничего себе: во времена Бальзака это считалось бальзаковским возрастом, то есть лет на двадцать моложе, чем бальзаковским называют сейчас. А главное — она мнется, стесняется, то откроется, то прикроется да еще хихикает как-то глупо, явно от смущения. В общем, то, что Эстет любит как бы: «Я вообще-то этим никогда не занималась, но для тебя, мой незнакомый дружок, сделаю исключение».

Конечно, и за другими подданными проследил, не забыл свои царские обязанности. Так, ничего интересного. Все как всегда.

А мой-то, мой! Я мог даже дверь не закрывать. Сами закрылись. И значит... Интересно, я в пятьдесят с хвостиком буду таким?

1 марта, вторник, 21:20

Обсуждали, как праздновать 8 Марта. Первая мысль была — цветов закупить, и — каждой. Не какой-нибудь хиленький букетик, а прямо осыпать. Ну и, там, коробку шоколада, например. Но такие идеи сразу отпали. После того как они придумали историю с рабынями, всем тоже потребовалось что-то необычное. На мой-то взгляд, это была ерунда полная. Про рабынь, я имею в виду. Но остальные — в восторге. Много ли людям надо?

После долгих споров и прикидок, сколько что будет стоить, договорились пригласить ансамбль. Какой — не решили, но у нас есть несколько молодых парней, которые разберутся. Чем это лучше цветов и конфет? Они считают, что лучше. Пусть так.

А угощение, Шеф сказал, из кассы оплатит.

2 марта, четверг, 22:43

Наконец выяснилось, как «мою красавицу, мою умницу» зовут. Изаура решила похвастать ее успехами и выложила скан дневника. Понятное дело, одни пятерки, кто б сомневался! Правда, что там на других страницах, неизвестно. Но на этих — как на подбор. Заодно и имя в дневнике засветилось. Как на самом деле — неважно, а здесь пусть будет Белоснежка.

Кстати, фамилии у них — разные. Я-то думал, может, она ребенка так прижила, но нет: значит, был муж. А уж сразу она не брала его фамилию или после развода свою вернула, это вопрос десятый. А впрочем, мне-то что до всего этого! Была она замужем, нет ли, ушел от нее мужик или загнулся по пьянке? Да наплевать!

4 марта, пятница, 00:12

Как всегда, перед 8 Марта все возбудились. Но не в том смысле, в каком они придумывали, чем женщин порадовать, а в общественном.

Либералы на форумах кричат: «Это пережиток совка! Что за праздник по гендерному принципу?!» Православные тоже не отстают, опять двадцать пять: «Это происки Клары Цеткин и Розы Люксембург! У нас своя Феврония есть!» Но это — ТАМ. Зато ТУТ — распрекраснейшим образом вместе со всеми голову ломали, что бы такое придумать «для девочек». И на подарок, между прочим, скинутся, никуда не денутся.

Интересно, что у теток — то же самое. Продвинутые — носами вертят. Феминизм не позволяет признать, что женщина чем-то отличается от мужчины. А значит, и праздника такого быть не может. И тоже поминают Клару Цеткин. Далась им эта Клара! Хотя праздник и правда она придумала. Проверил сейчас — точно, она.

А кто попроще, охают: опять мужики поздравят, потом напьются, а нам — им же еще застолье устраивать! Но ведь устроят же! И будут радостно поздравления и цветы принимать. Причем и продвинутые, и недодвинутые — одинаково.

5 марта, суббота, 01:42

Допоздна гуляли. Но черт с ним, с праздником! Нет, сперва я, как обычно, начал свои наблюдения. Просто сейчас не до них. Да и ничего нового я не наблюдаю.

Когда объявили, кого наши ребята пригласили играть, все тетки прямо завизжали. Ну еще бы, знали бы они, по сколько нам пришлось скидываться! Шутка с рабынями им хоть бесплатно обошлась. Ну или почти бесплатно. Ладно, не в деньгах дело. Хотя и в них тоже.

В общем, музыканты играют, мы ликуем. Время от времени им дают знак, чтоб замолчали: кто-то из начальства хочет слово сказать. Скажет — все выпьют, и по-неслось дальше!

Все, кому положено, отвыступались, остальные напились. Ну так, в меру, для разгона. Наконец самое высокое начальство отбыло другие подразделения поздравлять. Тут главное веселье началось. В общем, все по обычному плану. До этого примерно места.

Сижу я в одной группке, слушаю чушь, которую они несут, сам время от времени какую-нибудь благоглупость вставлю. В общем, что называется, праздник удался.

И вижу так, боковым зрением (и какого лешего я в ту сторону повернулся?), что моя Изаура сидит такая, вся из себя одна, и на меня смотрит. Если б она не смотрела, так и ничего. А тут мы взглядами встретились. Да еще один из наших остолопов начал мне возражать, и надо было ему в ответ что-то брехать, изображая живое участие в споре. Ну, я и говорю: «Извиняйте, это, мол, все очень интересно и важно, но у нас сегодня тема несколько другая». И пошел к ней.

А она уже сама мне навстречу поднимается. Если б не поднималась, может, я бы просто подсел: то-се, как дела, пятое-десятое. И потихоньку бы после нескольких фраз к другой компании переехал. А тут — что остается? И, как назло, медленный танец. Быстрый — мы друг перед другом потоптались бы — и привет! А тут пришлось руки протягивать, ее за бока брать, ну и так далее.

Я было попытался: как дела, то-се? А она на меня глаза поднимает... Ведь вроде бы мы примерно одного роста, а тут как-то так получается, что она ниже, и даже если не ниже, то все равно взгляд откуда-то снизу вверх. И ничего не отвечает. Я опять, как будто не понимаю: как дочка, пятое-десятое? А она так улыбнулась: типа спасибо, конечно, за интерес к моей семье, но сейчас типа не до этого. И голову — мне на плечо. А волосы ее — прямо мне в нос.

Да еще музыка — такая, как будто в болото затягивает. Как-то я тут расслабился, стал ладонью по ее спине водить. Она прижимается...

Естественно, все кончилось в ее комнате. Кабинете, в смысле. Они там втроем сидят. Вот бы интересно было, если бы кто-то из двух других решил зайти на рабочее место. Но нет, никто не зашел.

О-па! Это я только сейчас сообразил, когда стал все с начала прокручивать. Может, те-то за нами и следили, и все у них было расписано? Бабы ведь такие дружные, когда их интересы не пересекаются! Заманили человека и рады.

Нет-нет, ничего ТАКОГО! И, кстати, она сама не захотела. Мне-то, по большому счету, что? Она не девочка, ну и ничего страшного. Праздник на то и праздник. А начнутся будни, и — ничего не было. Так что я как раз был готов. Раз уж на то пошло. Но она в последний момент то ли испугалась (чего?!), то ли что-то еще и обратный ход дала.

Оно и к лучшему. Ведь завязать легко, раз-два. А развязать-то... Это просто говорится: «Ничего не было». А на самом деле: скажи так — и начнется! Слезы, упреки, «я же тебе же», «ты же мне же»! Бррр, пронесло!

5 марта, суббота, 10:22

Первая мысль, когда проснулся: какой же я болван! Все ведь очевидно. У нее просто месячные! Представляю, как она сама злится: праздник, я буквально сам в сети полез, а тут — такое дело. Ладно, впредь буду бдительней.

Закругляюсь. Мы собираемся к бабушке с бабушкой, папиным родителям. Чин чинном, семейный выезд. Папа хотел меня за руль посадить, чтоб самому выпить. Но я его «опередил». После вчерашнего — какой руль? Ничего, перебьется.

8 марта, вторник, 14:42

Дописал предыдущий пост и стал собираться. Хвать — а телефона-то нет. Где я его мог оставить? Выронил? Хорошо, если на работе, а вдруг — в метро или на улице?

Тут я, конечно, маху дал. Ну оставил телефон — подожди до конца праздников, приходи на работу и посмотри, там он или нет. Так нет же, приспичило проверять! Взял и набрал свой номер.

Ну и что выяснилось? Конечно, я у нее в кабинете выронил. Мы там и правда немного рассупонились, пока она не стала из себя невинность строить. Вот он и выпал. И, конечно, только я позвонил, она тут же — цап:

— Ах, это вы? Ну наконец! Как я рада! Вы только ушли, я его и нашла. Кинулась — а вас уже нет. И — вот дурочка! — стала вас набирать! А он у меня в руках как зазвонит!

Смеется еще! Ха-ха-ха, ха-ха-ха! Ну правда, дурочка. Понятное дело, и «звонит» с ударением на О!

Предложила встретиться, передать. Я говорю, сегодня никак, родственные дела, то-се, давайте завтра я к вам подъеду.

В общем, назавтра поехал к ней. То есть уже позавчера. (Вот время-то как летит!)

Почему-то она назначила на пять часов. Это теперь я понимаю почему. А тогда удивился: выходной день, можно днем, а она: «Нет, пожалуйста, не раньше пяти». А что делать? Тут она мне услугу оказывает: могла бы телефон и на работе оставить до после праздников. Так что хочешь не хочешь, надо соглашаться.

Сам бы я просто заехал на минутку, взял телефон, спасибо и пока! Но есть же родители со своими понятиями. Все из меня вытянули: куда иду, к кому, зачем, — и началось! Как так? К даме (тоже мне, дама!), да еще как бы в праздник, спасибо Кларе Цеткин! Без цветов нельзя! Опять же, ребенок в доме — надо хоть конфетку принести, тортик.

Ну купил букетик. Недорогой, чисто символически. Торт, правда, хороший, с розочками. Для ребенка, как-никак.

Как назло, оказалось, что именно этот день — когда Белоснежка с отцом проводит. Они действительно в разводе.

Я еще обрадовался (тоже болван тот еще!): не придется талантами юного дарования восхищаться. Даже подумал: хорошо, у нас детей не было, а то так же, по праздникам или, там, раз в месяц надо было бы изображать любящего папашу. (Палец ткнул в соседнюю клавишу — вышло «парашу». А может, так и надо было оставить? :)) Точней бы было.)

А она-то приготовилась к моему приходу. И стол накрыла, и бутылочку вина выставила. Еще спросила, что я предпочитаю. Но я был настороже: ничего крепкого!

Хотя все предосторожности ничего не дали. Как ни крути, а оказались мы в постели.

Сперва сидели, говорили. Она, оказывается из смоленска. Нет, не настоящего. Это я такое название придумал: «small-Энск». В общем, из дыры, по сравнению с которой Смоленск — центр цивилизации. У нее там родители, дедушки, бабушки, тетушки всякие. Ну, я не стал вникать. Короче, эту квартиру они с дочкой снимают.

И как-то незаметно, слово за слово, рука на руку легла, потом пожимать стала. Руку, в смысле. А потом так же плавно, тихо-тихо, ее рука опустилась и... Тут я точно решил, что у нее месячные и она собирается меня так вот, влегкую. А мне что? Еще лучше, меньше возни.

Однако нет, смотрю, дело к раздеванию идет. Ладно, поглядим, чем все кончится.

И главное: когда я пришел, уже смеркаться начинало. Она говорит: «Что мы будем во мраке сидеть?» И зажгла свет. А чтоб снаружи ничего видно не было, задернула шторы. Причем шторы у нее тяжелые, плотные. Я тогда этому значения не придал. Потом, когда мы стали ложиться, еще не до конца раздевшись, она свет погасила, только бра над кроватью оставила. А легли окончательно — щелк! — и тут-то оказалось, что темень в комнате крошечная.

В общем, что говорить? Повозились-повозились, месячных у нее не оказалось, или они как раз вчера закончились (тогда все вообще логично). Только ничего у меня не вышло. Из-за темноты этой проклятой. Ну не могу я на ощупь. А когда она мне «помогать» стала, я только разозлился. Тоже мне, ассистент режиссера! Я бы, если б она не вмешалась, может, и сам бы... А так — вообще ничего. Еще если б, наоборот, я ее погладил, может, что и было, но она почему-то руку мою все время отводила. Ну как тут что-то получится?!

Лежим, я злой, она меня типа утешает, говорит, что ей и так очень приятно. Я от этого еще сильнее злюсь. «И так»!

Полежали-полежали, я понял, что надо с этой дурью кончать. Хорошего понемножку, пора сваливать.

Лишних слов не говоря, поднимаю руку, щелкаю кнопкой бра...

И такая тут мне картина открылась! Вся ее правая нога и половина живота, бок, в общем, все, что рядом с ногой, — в жутких шрамах, каких-то извилистых, заскорузлых. Она: «Ой!» — и мгновенно одеяло до подбородка. Но я-то уже все видел.

И, главное, сразу жутко возбудился. Буквально в один миг все во мне загорелось. Я пытаюсь одеяло сдернуть, она на себя тянет. В общем, смех один! Хотя тогда нам не до смеха было.

Ну, я, как-никак, посильнее. Содрал одеяло к чертовой матери, она лицо ладонями закрыла и чуть не плачет. А я на эти шрамы смотрю, оторваться не могу. Потом губами к ним...

В общем, все получилось.

Потом мы опять лежали, но уже совсем по-другому. Я говорю: «Надо вставать, дочка вернется». Оказывается, она у отца с ночевкой.

Все мне о себе рассказала. Она в аварию попала, думали ногу совсем отрезать, но врач нашелся хороший. Причем в этом самом small-Энске. Зачем, говорит, молодую женщину инвалидом делать, шанс есть, попробуем, а отрезать всегда успеем. Буквально по осколочкам собрал, ну там не только нога была. В общем, удалось. А о красоте, понятное дело, в тот момент не думали, шрамы так шрамы, калекой бы не остаться. Белоснежке тогда года не было.

А муж ее тем временем бросил. Она полгода лежала, потом разрабатывала, на костылях едва ковыляла, он и слинял, целую себе нашел.

Вот такая история. А теперь все трое в Москве, и он из себя заботливого отца строит.

В общем, позвонил я своим, сказал, чтоб меня не ждали. Они не особо огорчились. Тоже небось времени не теряли. Даже им и лучше: не надо от меня закрываться.

И все седьмое число у нее провел. Давно у меня такого приключения не было. Надо же когда-то... Тем более женский день. Как для кого, а для меня — так точно.

Сегодня наконец «на базу» вернулся. Она за дочкой поехала, а я — домой.

10 марта, четверг, 23:14

Перечитал свою ленту и вдруг вспомнил. Вот же ирония судьбы! Я даже расхохотался: ведь Изауру-то я «выиграл» как раз между шестью и полседьмого. Нет, понятно, все, что эта Феня «определяет», «высчитывает», конечно, полное фуфло. Но забавно — такое совпадение! А ведь рассказать ей — скажет: «Конечно, так и должно быть».

Только тут вот какие два момента.

1. Никаких чисел гуа или, там, муа не существует. То есть числа как числа есть, но ни на что они не влияют.

И 2. Ничего судьбоносного в тот вечер не было. Ну потанцевал с одинокой теткой. Ну еще потом пообжимались. Ну даже и переспал с ней разок. И что из этого следует? Ничего ровным счетом.

И нечего болтать про «что-то в этом, может быть, есть».

26 марта, суббота, 00:16

Начались каникулы, они утром едут в смоленск. Так что и у меня отпуск вроде как.

Теперь новое дело! Только пришел, мама вместо того, чтоб обрадоваться, что сын в лоно семьи вернулся, пилить меня принялась: почему я их не провожаю? Я объясняю: я предложил, она сама отказалась. Ну что я, навязываться буду, что ли? А она: «Ты не должен был соглашаться, ты мужчина или кто?»

Интересно, все матери такие? Надо будет почитать, что моя гора пишет по этому поводу.

Кстати, я свой дневник что-то совсем забросил. Нет, наблюдения я продолжаю вести. Просто не публиковал. Сейчас только заметил: больше двух недель пропустил. Поздно домой прихожу. Если прихожу. В смысле, обычно-то я прихожу. Разве что по выходным остаюсь.

Нет, ничего серьезного, конечно, нет. И быть не может. Но почему бы не расслабиться изредка? Ну вроде как султан инкогнито выходит в город. Изаура счастлива, меня буквально облизывает. В переносном смысле, конечно. Хотя иной раз и... Ладно, такие детали Эстету оставим.

В общем, предаюсь простым человеческим радостям.

А Белоснежка, между прочим, и впрямь толковая. Меня зовет «дядя...». В общем, по имени. Взялся я как-то, шутки ради, ее уроки проверять. Вижу: в самом деле все не просто тупо выполнила, а понимает что и почему. Я даже Изауру отругал. В шутку, конечно, не мое это дело, но все-таки. «Вот, — говорю, — ты с ней занималась, время ей уделяла — и результат! А в последнее время совсем ребенка забросила, любовника завела и голову потеряла». А она: «Ты же, — говорит, — с ней занимаешься». Ерунда какая! Что я занимаюсь? Так, изредка проверю, что-то объясню, подскажу, где можно прочесть. Интернетом ее пользоваться научил. Пусть информацию впитывает.

31 марта, четверг, 20:17

Я эти дни тоже попусту не терял. Обновил матчасть — купил ноутбук. Прежде-то я планшетом обходился, а дома — обычным компом. И всегда у нас с родителями борьба за него шла, еще и потому я допоздна не мог спокойно ничего написать. А теперь — хозяин-барин. Вот сейчас — сижу себе на кухне, и никто меня не трогает. Поглядим, что там мои подданные поделывают.

2 апреля, суббота, 23:22

Завтра приезжают. Все, кончились мои каникулы. Как-то они незаметно пролетели. Да с каникулами всегда так.

И опять я за своим царством не следил. Ведь вот же, была возможность, так нет. Каждый день казалось: завтра успеется. А с другой стороны, ну что нового я бы нашел? Все равно они изо дня в день одно и то же пишут. Только Эстет меня развлекал. Так на этом поле всегда одно и то же и всегда все как бы заново.

Завтра поеду их встречать, а то мать совсем запилит. Поезд в три часа дня, так что можно поспать. Хоть напоследок полазаю по сети.

5 апреля, вторник, 22:16

Живу у Изауры. А что? Ноут со мной, бритву и зубную щетку я тут уже давно завел. Кажется, я писал об этом. Ну или не писал. Вот только с бельем проблема. Ей ведь тоже мало радости — каждый вечер руками стирать и на батарею вешать, чтоб к утру высохло. А с другой стороны, на то и Изаура. Шутки шутками, надо будет парочку смен принести, чтоб, если что, она могла их в машину запустить.

У них тут дисциплина. Ровно в десять ребенок в постели. А мамаша — по хозяйству: посуда, там, белье мое. Ну и у меня свободная минутка.

17 апреля, воскресенье, 22:14

Оказывается, и в ящике что-то любопытное бывает. Изаура политикой не интересуется. И то хорошо. А вот всякие познавательные каналы смотрит. И меня в это дело втягивает. Природа, путешествия...

Смотрим вчера, как леопард охотится. Бегали-бегали, наконец завалил антилопу. Я говорю: «Финита ля комедия». А она чуть не со слезами:

— Что ты такое говоришь? Какая же это комедия?

Я засмеялся, говорю: «Это просто такая фраза. На старопортугальском». И обнял ее. Поверила, дурочка! Еще говорит, какой я умный и откуда я знаю этот старо... она даже выговорить не смогла.

Она в последнее время перестала меня стесняться. То все в толстых колготках или трениках ходила до самого укладывания. А недели две назад стала — в одном халатике.

В общем, обнял я ее и рукой как раз на бедро попал. На самые шрамы! Ну и все. Эти там, на экране, бегают по саванне, друг друга жрут, а мы — прямо при свете, под их рычание — на диван и...

Все, закругляюсь. Пришла на батарею мои носки вешать.

23 апреля, суббота, 22:31

Я тут ей разнос устроил. Ребенку десять лет, а он ни разу на балете не был. Да что там балет! В цирк ни разу ходили. «Мы зато на елке были». Тоже мне, оправдание — «зато»!

В общем, пошли на «Конька-горбунка». Между прочим, билеты я купил.

Самому-то мне, понятно, это не особо нужно. Но, думаю, пойду, вдруг они чего-то не поймут, объяснить надо будет. Так я не знал, куда смотреть: на сцену или на них. Что девчонка, что мать — рты разинули, как зачарованные, на сцену уставились и под музыку раскачиваются.

Потом, после спектакля, в «Макдональдс» зашли. Праздник так праздник.

1 мая, воскресенье, 22:07

Завтра придут гости.

Магеллан с женой нас к себе звали: она вроде бы на сносях. Но Изаура настояла, чтоб у нас. Очень ей хочется хозяйку дома изображать. Меня, конечно, тоже к делу пристроила: соки, воду, вино купить. Ну и сладкое, конечно. Но в основном я с ребенком. Она нас отправила гулять, «чтоб не мешались». Сама целый день от плиты не отходит. Видно, что устала, а — прямо светится.

2 мая, понедельник, 23:02

Мероприятие прошло «на высшем уровне». Закуски, горячее, все как полагается. Магелланы с сыном пришли. У Магелланши пузо торчит, в любой момент может разродиться. Вот же люди! Один от горшка два вершка, а уже нового заклепали. Белоснежка с мальчиком отлично играла, типа старшая сестра. Ей бы, конечно, братика или сестричку. Но только без меня! Нет-нет, меня не уговорить.

Магелланы стали распространяться о своих поездках. Я слушал и диву давался. Охота же людям тратить время! И деньги, между прочим.

Я даже могу понять тех, кто едет на пляже валяться, пузо греть и нажираться на халяву (в смысле, на ол инклюзив). Тут все просто и ясно — хоть на недельку, но почувствовать себя этаким буржуем, вокруг которого лакеи бегают и только спрашивают: «Вот ду ю вонт, масса?»

А эти! Даже не знаю, что глупее: ходить, как в детском садике, гуськом за экскурсоводом: «Посмотрите направо, посмотрите налево», — или за безумные деньги взять машину напрокат и угрохать свой отпуск на то, чтоб проехать пару тысяч километров. При этом что он, вообще, видит, кроме дорожных знаков? А она тоже в окошко ничего разглядеть не может, на скорости сто километров, а то и больше. Еще восторгаются: «В Германии сто шестьдесят выжимали, и то нас все местные обгоняли». Ну и что? Да пойдя в любой торговый центр, на автосимуляторе то же удовольствие получишь. Даже больше: там еще и на самолете, и в космос «слетать» можно.

И вообще, что за идея — жить в большом городе и ехать смотреть такой же город! Ну в Греции или Италии развалины посетили, что, у нас своих развалин мало? Ну посмотрели пару спектаклей — за этим тоже далеко ездить не надо. Ну на горы полюбовались. Да горы-то — тоже цивилизные. Это у них называется «путешествовать»!

А кто-то ведь — в настоящие горы лезет. Вот вроде как вчера мы смотрели. Ладно, альпинизм это, может, и перебор, но куда-нибудь в Африку, к диким зверям, или на Амазонку — это же можно. И не туристом. Туристом-то что! Купил путевку — тебя в джипе по саванне туда-сюда покатали. Это тоже ерунда. А вот по-настоящему отправиться туда — другое дело.

Нет, конечно, каким-нибудь лесничим, или как там они называются, не возьмут, там образование какое-то нужно, опыт работы. Но ведь можно и волонтером, что-нибудь такое на свежем воздухе делать, помогать, в общем. Есть-пить обеспечат, а что еще там, в заповеднике, нужно?

Когда они ушли, я этими мыслями поделился с Изаурой. Оказывается, ей это тоже в голову пришло.

Черт-те что! Мы уже начинаем думать одинаково. Может, и впрямь в этом фэншуе дурачком что-то есть?

6 мая, пятница, 22:15

Патриоты и либералы сцепились сегодня из-за георгиевских ленточек! Главное, им это кажется так важно, принципиально. А мне даже в лом переписывать, что те и другие говорят.

Кажется, пора Царю горы в отставку подавать. Как это у нас, царей, называется — отречься?

9 мая, понедельник, 22:43

Посещали моих. Девятое — это у нас святое. Еще когда мамин папа был жив. Ленточки, конечно, глупость, но они этот день всегда как-то отмечают. А главное — повод нас к себе позвать. Они вообще в Белоснежке души не чают.

Я был уверен, что Изаура им совершенно не понравится. Она ведь явно не в их вкусе. Ну, в смысле не вкусе, а вообще — простая такая, «финита ля комедия» не знает. Так нет же, отец: «Познакомь, познакомь!» Мама-то более разумная: «Зачем тебе это надо?» Не мне, а ему, в смысле. Ну ладно, настоял. Я пару недель назад их познакомил. И тут же нашли общий язык! А уж про девочку и вообще говорить нечего.

В общем, сегодня, как настоящая семья, пошли навещать «старших».

Я им говорю, как бы между прочим:

— Когда советская власть кончилась, вы же еще довольно молодые были. Примерно как я сейчас. Что же вы не отправились мир посмотреть? Ведь сами же говорите, что самым большим счастьем вам казались путешествия.

Мама начала: «Ты маленький был, как бы мы поехали и куда?» А папа честно признался: «Нам это и в голову не приходило». Для них же тогда не то что Бразилия, а и Европа, Голландия какая-нибудь, — что туда попасть, что на Марс — одно и то же.

— А теперь, — говорит, — мы бы и рады, но для нас это уже сложно.

И на меня разговор перевел: мол, сам-то сидишь на месте, что же нас упрекаешь?

Как с ними просто! Даже неинтересно наводить на нужные вопросы, прямо без наживки крючки глотают.

Я и говорю:

— А мы, между прочим, именно подумываем бросить эту Москву и куда-нибудь в Кению или на Амазонку податься.

Мама, конечно, принялась квохтать, что это, мол, глупости, и опасно, и все такое прочее. А папа — нет, только говорит: «Завидую вам». А что завидовать? Пятьдесят три — что за возраст! Я это сказал, а он на маму рукой показывает. Ну, я и не ждал, что они с места сдвинутся, так, подначиваю.

10 мая, вторник, 23:03

Вчера уложили Белоснежку, Изаура говорит: «Ты что, в самом деле готов ехать?» Понятно, да? Не «собрался», не «хочешь», а «готов». Типа что я-то сама точно готова.

Ну и начался конкретный разговор.

А что? Это ведь только кажется, что там какие-то особые люди. Ведь такие же, как мы. Так что нам мешает? Ровным счетом ничего! Ну, какие-то формальности, несколько прививок, пусть даже с десятков. Все это не проблема.

Я представил себе наше будущее и стал ей рассказывать.

Африка. Какая-нибудь ферма помощи раненым животным. Мы кормим из соски львенка, оставшегося без матери. Большой такой котенок. Белоснежка со страусенком наперегонки бегают. Вдруг мартышка соскакивает с ветки, цап у Изауры с головы панаму — и на дерево. Весь лагерь за ней гоняется, пока я не догадываюсь банан на панаму сменить.

Привозят антилопу со сломанной ногой. Ветеринар накладывает гипс, мы ему бинты подаем, держим раненую, она дергается, но все кончается хорошо.

Вдруг прибежали из соседней деревни: у них в озере завелся крокодил, который таскает овец, а может и ребенка утащить.

Весь лагерь отправляется на операцию: среди нас есть профессиональный охотник именно для таких случаев. Мы все ему ассистируем. Кто палку подаст, кто сетку держит, кто просто в оцеплении стоит, чтоб крокодил не уплыл на середину озера. Поодаль — жители деревни, что-то восхищенно на своем наречии обсуждают.

Наконец зверь пойман, и в нашу честь негры устраивают праздник. Громят тамтамы, босые ноги отбивают ритм дикого танца. Нас украшают ожерельями из клыков диких зверей. Дарят амулеты, освященные деревенским шаманом. Все пьют напиток, который местные жители издревле варят из плодов окружающей растительности.

А назавтра — опять будни защитников дикой природы. Мы ходим в шортах, загорелые дочерна. Изаура не скрывает своих шрамов, все их принимают за следы львиных зубов. Это здесь не в диковинку, у каждого не один такой шрам на теле. Думаю, не будет большой беды, если мы чуточку приврем — расскажем, как на нее зверь напал, а я ее спас. Меня за это все называют Lion King. Неплохо, да? Уж точно не хуже, чем Царь горы.

Я рассказываю, а она сидит, рот приоткрыла, на глаза слезы навернулись. Волшебная сила красноречия! И, главное, ничего в этом нет невозможного, нереального, фантастического. Надо просто глянуть, как это все организовать.

12 мая, четверг, 22:43

Черт знает что такое! Первое, что я сделал, — набрал «африка животные волонтерство». Казалось бы, однозначно ясно, что требуется. Так эти поисковики совершенно игнорируют «животных» и выдают уйму ссылок на волонтерство в каких-то госпиталях, лагерях голодающих детей, жертв эпидемий, местных войн и всякого та-

кого. Нет, я все брошу и попрусь на край света бульончиком черномазых детишек кормить! Тоже мне, доктора Айболита нашли. И ставит, и ставит им градусники. Давайте уж и клизмы до кучи!

Еще и фотографии помещают, от которых вообще жить не хочется, а не то чтоб ехать туда. Вспухшие животы, ходячие скелеты, раны, по которым мухи ползают...

Нет, я понимаю, кто-то туда именно за этим поедет. Честь ему и хвала, он большой молодец, памятник ему из золота надо поставить. Я не спорю и восхищаюсь такими людьми. Но я, простите, не такой. Обойдусь без памятника.

И, главное, Изаура:

— А что? Может, поедем?

Я уж и не рад, что ей рассказал. С нее станет — ехать к этим «жертвам конфликтов». Говорю:

— А сама жертвой конфликта стать не хочешь? Там ведь мало что стреляют, так еще и болезни всякие, зараза прямо так и летает. Ты еще ребенка с собой возьми, чтоб она какую-нибудь холеру или тропическую лихорадку подцепила!

— А ее можно на время к моим родителям.

Что за человек! Мать называется! Я-то хочу как раз, чтоб девочка не в вонючем городе росла, а на природе, под солнышком, среди свободных зверюшек. А тут — «к родителям».

13 мая, пятница, 14:46

Изаура отличилась. На этот раз в хорошую сторону. Утром завтракали, параллельно телевизор бубнил. Очередных талантливых детей показывали, лауреатов какого-то там конкурса юных музыкантов. Вдруг она говорит: «Все-таки когда знаешь мелодию, приятней слушать, да?» А там девочка играла «Аве Марию». Заметила мое удивление и говорит: «Я же в музыкальной школе училась шесть классов». Надо же, в small-Энске музыкальная школа есть!

15 мая, воскресенье, 23:02

Все выходные тыркался по Интернету, и все безрезультатно.

Что слова «волонтер» надо избегать, это я сразу понял. Поискал-поискал — немножко ближе к теме пошли ссылки. Помощь Фонду дикой природы, еще каким-то таким организациям.

Только вот — что за помощь? Перечислите сумму на счет такой-то. Не знаю, смеяться или что. Это я еще буду платить, чтобы кто-то мог прокатиться туда, на природу!

Уйма просто туристических поездок, это я сразу отмечаю.

Потом пошли предложения: «Всего \$1790 за три незабываемых месяца!» Ничего, а? Это не они мне за работу (тогда бы небось не написали «всего» — написали бы «целых»), а я им должен заплатить за то, чтоб мне разрешили поработать! Дело даже не в сумме. Но ведь тут вопрос принципа! Наверняка это еще без билетов. Да и вряд ли этим все ограничится. За питание точно возьмут дополнительно. Я не стал вникать, все равно это не мой вариант.

Даже ей не рассказал. Поищу еще, хотя, кажется, все уже ясно.

А интересно, если бы я хотел записаться наемником на тот самый «конфликт», от которого «жертвы», это легче было бы? Так и чешутся руки поискать. Но стремно: небось такие запросы отслеживаются. А потом поедешь действительно волонтером

или просто за границу, а тебя — под белы руки: делал такой-то запрос, как докажешь теперь, что не завербовался?

Что-то у меня фантазия разыгралась...

18 мая, среда, 22:34

Смотрели морского путешественника. На надувной лодке переплыл из Австралии в Азию. Вьетнам, Бирма, куда-то в те края.

Вдруг Изаура говорит:

— Как же он не боялся? Один, посреди моря. А если что-то случится?

Я на нее смотрю: то ли шутит, то ли как? Нет, вроде не шутит. Говорю:

— Как же один? А кто его снимает? И откуда?

Удивилась:

— А впрямь! Кто? Откуда?

Она, оказывается, и не задумывалась, что раз это снимается, значит, там параллельно кто-то на чем-то плывет, причем не на надувном, а на самом настоящем, как минимум, катере. И вряд ли там один человек — и за оператора, и за капитана, и за всех. Я ей растолковал, она говорит: «Какой ты умный! А я и не догадывалась». Умный-то я умный, это само собой. Но она!..

Мало того, через полчаса спрашивает:

— А как ты думаешь, это во всех фильмах так? Ну, где он на змей охотится в одиночку, например, или только где путешествия?

Чистая душа!

25 мая, среда, 21:56

У Белоснежки кончился учебный год. Неожиданно! Я думал, они до конца мая учатся, а оказывается, младшие классы раньше отпускают.

Изаура собирается отвезти ее к родителям на все лето. Ну и правильно, нечего ребенка в Москве торчать. Не Африка, конечно, но все же воздух там, надо полагать, почище.

Звала меня с собой. Но что я поеду? С ее родителями знакомиться? С какими-нибудь соседями или «дядьями» квасить? Нет уж, как-нибудь обойдусь без «хождения в народ».

28 мая, суббота, 21:17

Снова дома. Обещала через две недели вернуться.

Кто бы видел, как мы прощались! Ну прямо заправские муж и жена. На чемоданах посидели — «на дорожку». Тоже наш доморощенный фэншуй. Я их на вокзал повез, чин чином. Платформу не сразу нашли, указатели там по-дурацки написаны. Перед вагоном целовались. Белоснежка меня все теребила:

— Ты когда к нам приедешь?

Что мне оставалось? Говорю:

— На работе дел много. Как все переделаю, приеду.

Может, это возрастное? Никогда мне такие нежности не были нужны, и вот — на, пожалуйста! Нет-нет, не надо поддаваться. Одно дело — когда такая большая девочка, с которой и поговорить можно, и пойти куда-нибудь. А другое — пеленки, горшки, соски, витаминчики. Это не говоря про всякие сыпи, поносы и диатезы. Нет, не зря

я за своим царством следил — там обо всем этом в подробностях узнать можно. Отличная, между прочим, прививка от глупости.

Ну и потом — от кого заводить ребенка? Все-таки не надо забывать, кто она. Аж шесть классов музыкальной школы, куда там!

Еще и мама. Только я приехал после вокзала, первое, что сказала:

— Дурак ты! Почему с ними не поехал?

Нет, все-таки женщина есть женщина. Даже самая умная, все равно... Хоть отец поддержал.

— Ничего, — говорит, — мальчик уже большой, сам разберется.

— Большой, да дурной.

Ничего не скажешь, любящая мамаша!

Ладно, так или иначе, на две недели я свободен. Посмотрим, чем там мои подопечные занимаются. Распустились небось без монаршего пригляда.

3 июня, пятница, 22:04

Что-то от Изауры — никакого сигнала. Ну понятно, глушь, связь кое-как работает. Но могла бы на почту, что ли, пойти, позвонить, открытку написать.

Может, завтра взять и на выходные к ним махнуть? А с другой стороны, глупо как-то. Как будто мне больше всех надо.

9 июня, четверг, 20:35

Она меня бросила! Нет, это что такое? Она! Меня! Дура! Идиотка! Кретинка!!!

Кому рассказать! Ну, собственно, я и рассказываю. Прочтет кто-нибудь? Да черта мне в этом! Что я, для других пишу, что ли?

Прихожу с работы, мама улыбается:

— Тебе письмо. Скучает, видно.

Скучает, как же!

Я ничего не подозреваю, обрадовался даже. То есть не обрадовался, а так, немного приятно было. Ну неважно.

И — вот! Ладно, пусть с именами, к черту конспирацию. Не перепечатывать же.

Далее следует скан листка, вырванного из тетрадки в линейку, со следующим текстом:

Дорогой Саша!

Прости меня за то, что я сейчас напишу. Я сама знаю, что плохо поступаю, но так будет лучше.

Я когда приехала, в первый же день встретила своего одноклассника. Вообще-то, я с ним встречалась и раньше. То есть, я имею в виду, после школы. Не в том смысле встречалась, а просто на улице.

Он отсюда никуда не уезжал. Он тоже был женат, а теперь в разводе. Но раньше я сама была другая. Мы тогда встречались, здрасьте — как дела? — и всё. А теперь вдруг остановились, стали вспоминать прошлые годы.

И ну зачем я тебе это всё рассказываю? Это тебе не интересно. Короче, я всю ночь не спала, плакала, то так думаю, то сяк, а утром всё-таки поняла, что он — тот человек, с которым мне надо связать свою жизнь. И он говорит, что тоже про меня это понял. Вот сколько раз мы встречались, а только теперь это поняли.

А что удивляться, когда я — какая была, а какая стала?

Ты не можешь себе представить, как я тебе благодарна и как мне перед тобой стыдно. Я тебе благодарна, потому что я много-много лет как бы не жила. А ты меня вернул жить. Как в сказке про мёртвую царевну.

Только какая из меня царевна? Ты же сам знаешь, что я тебе совершенно не подхожу. Тебе нужна культурная, чтоб в театр ходила, в цирк, книжки читала, кроссворды гадала. А я всё время себя чувствовала дура душой. Но если бы не ты, я бы так и жила, как во сне, боясь кому-то на глаза показаться, какая я есть.

А он здесь хорошо устроен, зам главного инженера ЖКХ, и меня оформит экономистом. С моим опытом меня, конечно, возьмут.

Пишу и плачу, как дура. Я даже в Москву боюсь ехать, потому что тебя увижу и всё могу передумать. А от этого ни тебе, ни мне хорошо не будет.

Хотя иной раз думаю: ну и пусть я ему не подхожу, просто буду рядом, от него Галка моя столько подчерпнуть может! И от родителей твоих. А потом думаю: ему-то это зачем?

Да что я говорю! Как будто после этого письма что-то можно изменить? Ты меня, конечно, какой-то шалапутной считаешь. Как я тебе после этого вообще в глаза посмотрю? И что твои папа и мама скажут про меня? Они такие замечательные! И ты замечательный. Добрый, умный. Ты обязательно найдёшь себе достойную, а не такую, как я.

Поэтому я договорилась с Верой Матвеевной, что я ей заявление пришлю и она моё увольнение оформит. И то же самое — с хозяйкой квартиры. И Галкины документы из школы заберёт и сюда вышлет. Потому что я боюсь с тобой встретиться и в глаза тебе посмотреть.

Всё, кончаю. Прости меня! Прости, прости, если можешь!!!

Вечно тебе благодарная Надежда.

Р. S. Я только жалею, что мы в цирк не успели сходить. Я, когда время пройдёт, обещаю Галочку в Москву свозить и пойти в цирк! Только не сейчас, а потом как-нибудь.

Прощай, мой милый, драгоценный, единственный, целую тебя, хотя я и не достойна тебя даже целовать.

10 июня, пятница, 15:31

Сижу на работе и ничего делать не могу. Дура! Дура проклятая! Что она творит? Кто ей позволил решать, что мне надо и кто мне нужен? И на кого она меня променяла? Зам — даже не главный инженер. И чего? ЖКХ! Шишка местная! Старший водопроводчик. Еще наверняка пьяница. Они там все пьяницы. Что им еще делать?

А ребенок? Она же обрекает ее на интеллектуальную гибель! Ей в Москве надо учиться, посещать музеи, концерты! Я бы ей все это дал!

Или мы бы все-таки уехали в ту же Африку. Черт с ним, пусть хоть больных негров лечить! С чего она взяла, что я отказался? Да, я, конечно, предпочел бы в каком-нибудь заповеднике работать. Но раз уж не получается, то я и так согласен. Мало ли что эпидемии, зараза! Прививки бы сделали и поехали. С ней бы. Мы бы так жили! Хоть в Африке, хоть в Москве!

Дура, дура, дура!!!

10 июня, пятница, 23:12

Родителям пока ничего не сказал. Зачем? Завтра суббота. С утра — прямо на вокзал, и к вечеру уже на месте буду. Адреса, правда, не знаю. Но что я, в этом городиш-

ке не найду человека? Да там три улицы и полтора переулка! К тому же этот ее ка-бальеро — местная знаменитость. Если не его, так главного инженера точно найду. А уж от него — совсем просто.

И все, привезу ее и уже не отпущу. Разве что вместе иногда к родителям съездим.

11 июня, суббота, 11:09

Вот фэншуй так фэншуй.

После того как закончил предыдущий пост, стал выключать, чтоб утром пораньше встать. Вдруг вижу — сообщение: «Умер Мохаммед Али». Ну что мне Мохаммед Али?! Ну боксер, так он даже выступить закончил до моего рождения. Но разве можно удержаться, чтоб не открыть сообщение. И как всегда, ссылка за ссылкой... А потом думаю, напоследок загляну к Эстету, а выспаться в поезде успею.

В общем, часа в три выключил. Поставил будильник на семь.

Просыпаюсь — десять! Все я сделал правильно, только кнопку будильника не отжал, он и не прозвонил.

А поезд в 11:15. Конечно, можно было успеть. Но я понял, что не надо этого. Не судьба, как говорится.

Она права. Мы разные. Мы не смогли бы жить вместе. Про Африку — вообще детские фантазии, бред!

Как она написала: «Я как во сне была». Вот и я с марта как во сне был. Но теперь проснулся.

Финита ля комедия.

А до поезда шесть минут...

Это последняя запись в блоге Царя горы, или, как мы теперь знаем, Александра.